

Научно-практический
рецензируемый журнал

СТАТИСТИКА И ЭКОНОМИКА

Том 14. № 6. 2017

Учредитель:
РЭУ им. Г.В. Плеханова

Главный редактор
Виталий Григорьевич Минашкин

Зам. главного редактора
Елена Алексеевна Егорова

Ответственный редактор
Павел Александрович Смелов

Технический редактор
Елена Ивановна Аникеева

Журнал издается с 2004 года.
Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ №СМИ ПИ №ФС77-65889

от 27.05.16 г.

ISSN 2500-3925 (Print)

Все права на материалы,
опубликованные
в номере, принадлежат журналу
«Статистика и экономика».
Перепечатка материалов,
опубликованных в журнале, без
разрешения редакции запрещена. При
цитировании материалов ссылка на
журнал «Статистика и экономика»
обязательна.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов

Журнал включен ВАКом в перечень
периодических научных изданий.

Тираж журнала
«Статистика и экономика»
1500 экз.

Адрес редакции:
117997, г. Москва,
Стремянный пер., 36, корп. 6, офис 345
Тел.: (499) 237-83-31, (доб. 18-04)
E-mail: Smelov.PA@rea.ru
Адрес сайта: www.statecon.rea.ru

Подписной индекс журнала
в каталоге «РОСПЕЧАТЬ»: 80246

© ФГБОУ ВО
«РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2017

Подписано в печать 27.12.17.
Формат 60х84 1/8. Цифровая печать.
Печ. л. 10. Тираж 1500 экз. Заказ

Напечатано в ФГБОУ ВО
«РЭУ им. Г.В. Плеханова».
117997, Москва, Стремянный пер., 36

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА

М.М. Ахмедова

О проблеме инфляции и импортозависимости
в условиях открытой экономики
(на примере экономики Республики Таджикистан) 4

А.Д. Власов

Аксиома о рыночной (кадастровой) стоимости
воспроизводимых факторов единого объекта
недвижимости 13

Л.Г. Моисейкина, Е.С. Дарда

Анализ структурных изменений внутреннего потребления
ТЭР г. Москвы 22

Е.Б. Шувалова, М.С. Гордиенко, Н.В. Сибатулина

Эволюция системы экологических налогов, сборов
и платежей в Российской Федерации 32

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА

М.В. Карманов, П.А. Смелов, Е.А. Егорова, П.Э. Прохоров

Особенности построения системы показателей статистики
насилия над детьми 39

СТАТИСТИКА И МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ЭКОНОМИКЕ

А.К. Сапова

Прогнозирование инфляции на основе индекса
потребительских цен с учетом влияния сезонного фактора 46

ПО ИТОГАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «IX-е ВАЛЕНТЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ “ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ”»

Ю.А. Авдеев

О демографической политике для российского Дальнего
Востока 59

В.И. Мукомель

Мигранты на российском рынке труда: занятость,
мобильность, интенсивность и оплата труда 69

Scientific and practical reviewed
journal

STATISTICS AND ECONOMICS
Vol. 14. № 6. 2017

Founder:
**Plekhanov Russian University of
Economics**

Editor in chief
Vitaliy G. Minashkin,

Deputy editor
Elena A. Egorova

Executive editor
Pavel A. Smelov

Technical editor
Elena I. Anikeeva

Journal issues since 2004.

Mass media registration certificate:

ФЦ77-65889 от 27.05.16 г.
ISSN 2500-3925 (Print)

All rights for materials published in the
issue belong to the journal
«Statistics and Economics».

Reprinting of articles published in the
journal, without the permission of the
publisher is prohibited.

When citing a reference to the journal
«Statistics and Economics» is obligatory.

Editorial opinion may be different from
the views of the authors

The journal is included in the list of VAK
periodic scientific publications.
Journal articles are reviewed.
The circulation of the journal
«Statistics and Economics» –
1,500 copies.

Editorial office:
117997, Moscow,
Stremyanny lane. 36, Building 6, office 345
Tel.: (499) 237-83-31 (18-04)
E-mail: Smelov.PA@rea.ru
Web: www.statecon.rea.ru

Subscription index of journal
in catalogue «ROSPECHAT»: 80246

© Plekhanov Russian University of
Economics, 2017

Signed to print 27/12/17.
Format 60x84 1/8. Digital printing.
Printer's sheet 10. 1500 copies.
Order

Printed in Plekhanov Russian University
of Economics,

Stremyanny lane. 36, Moscow, 117997,
Russia

CONTENTS

ECONOMIC STATISTICS

Malika M. Ahmedova

The problem of inflation and dependence on imports in an
open economy (on the example of the economy of the republic
of Tajikistan)..... 4

Alexander D. Vlasov

The axiom about the market (cadastral) cost of the
reproducible factors of a single propert..... 13

Lyudmila G. Moiseykina, Ekaterina S. Darda

Analysis of the structural changes in domestic consumption of
FUEL and energetic resources of Moscow..... 22

Elena B. Shuvalova, Mikhail S. Gordienko, Nataliya V. Sibatulina

Evolution of the system of environmental taxes and charges in
the Russian Federation 32

DEMOGRAPHIC STATISTICS

*Mikhail V. Karmanov, Pavel A. Smelov, Elena A. Egorova,
Pavel E. Prokhorov*

Peculiarities of construction of the system of indicators of the
statistics of violence over children 39

STATISTICAL AND MATHEMATICAL METHODS IN ECONOMICS

Arina K. Sapova

Forecasting inflation based on the consumer price index,
taking into account the impact of seasonal factors 46

ACCORDING TO THE RESULTS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “IX VALENTEY’S READINGS ‘DEMOGRAPHIC EDUCATION AND STUDYING POPULATION AT UNIVERSITIES’”

Yuriy A. Avdeev

The population policy of the Russian Far East..... 59

Vladimir I. Mukomel

Migrants at the Russian labor market: occupations, mobility,
intensity of labor and wages..... 69

Редакционная коллегия

АСТАШОВА Ирина Викторовна, д.ф.-м.н., профессор, профессор кафедры дифференциальных уравнений, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

АРХИПОВА Марина Юрьевна, д.э.н., профессор, факультет экономических наук, Департамент статистики и анализа данных, Высшая школа экономики — национальный исследовательский университет, Москва, Россия

БАКУМЕНКО Людмила Петровна, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой прикладной статистики и информатики, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

ВОЛКОВА Виолетта Николаевна, д.э.н., профессор, профессор кафедры системного анализа и управления, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Санкт-Петербург, Россия

ГЕВОРКЯН Эдуард Аршавирович, д.ф.-м.н., профессор кафедры Высшей математики, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

ГЛИНКИНА Светлана Павловна, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой общей экономической теории Московской школы экономики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ЕЛИСЕЕВА Ирина Ильинична, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующая кафедрой статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

ЗАРОВА Елена Викторовна, д.э.н., профессор, начальник отдела обработки и анализа статистической информации, Департамент экономической политики и развития города Москвы, руководитель Центрально-Евразийского представительства Международного статистического института, Москва, Россия

КАРМАНОВ Михаил Владимирович, д.э.н., профессор, профессор кафедры отраслевой и бизнес-статистики, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

КАСЕНОВА Асия Каналбаевна, к.э.н., директор, Казахская социальная академия, Астана, Казахстан

КЮРКЧАН Александр Гаврилович, д.ф.-м.н., профессор, заведующий кафедрой теории вероятностей и прикладной математики, Московский технический университет связи и информатики, Москва, Россия

ЛАЙКАМ Константин Эмильевич, д.э.н., заместитель руководителя Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, Москва, Россия

ЛУЛА Павел, доктор наук, доцент, заведующий кафедрой вычислительных систем, Краковский экономический университет, Краков, Польша

МОТОРИН Руслан Миколайович, д.э.н., профессор кафедры статистики и эконометрии, Киевский национальный торгово-экономический университет, Киев, Украина

МХИТАРЯН Владимир Сергеевич, д.э.н., профессор, заведующий отделением статистики, анализа данных и демографии, заведующий кафедрой статистических методов, Высшая школа экономики — национальный исследовательский университет, Москва, Россия

САДОВНИКОВА Наталья Алексеевна, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой статистики, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

САЖИН Юрий Владимирович, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск, Россия

УПАДХАЯ Шьям, руководитель статистического отдела ЮНИДО, Организация Объединенных Наций по промышленному развитию, Вена, Австрия

ШУВАЛОВА Елена Борисовна, д.э.н., профессор, начальник управления аттестации научных кадров, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Editorial Board

Irina V. ASTASHOVA, Dr. Sci. (Phys.-Math.), Professor, Professor of the Differential Equations Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Marina Yu. ARKHIPOVA, Dr. Sci. (Economics), Professor, Faculty of Economic Sciences, Department of Statistics and Data Analysis, Higher School of Economics — National Research University, Moscow, Russia

Lyudmila P. BAKUMENKO, Dr. Sci. (Economics), Professor, Head of Applied Statistics and Informatics Department, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

Violetta N. VOLKOVA, Dr. Sci. (Economics), Professor, Professor of System Analysis and Management Department, Saint Petersburg State Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

Eduard A. GEVORKYAN, Dr. Sci. (Phys.-Math.), Professor of the Department of Higher Mathematics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Svetlana P. GLINKINA, Dr. Sci. (Economics), Professor, Head of the General Economic Theory Department, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Irina I. ELISEEVA, Dr. Sci. (Economics), Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Head of Statistics and Econometrics Department, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

Elena V. ZAROVA, Dr. Sci. (Economics), Professor, Head of the Department of Processing and Analysis of Statistical Information, Department of Economic Policy and Development of Moscow, Chair of ISI Central Eurasia Outreach Committee, Moscow, Russia

Mikhail V. KARMANOV, Dr. Sci. (Economics), Professor, Professor of the Department of Industrial and Business Statistics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Asiya K. KASENOVA, Cand. Sci. (Economics), Director, Kazakh Social Academy, Astana, Kazakhstan

Alexander G. KYURKCHAN, Dr. Sci. (Phys.-Math.), Professor, Head of the Theory of Probability and Applied Mathematics Department, Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russia

Konstantin E. LAYKAM, Dr. Sci. (Economics), Deputy Head, Federal State Statistics Service of the Russian Federation, Moscow, Russia

Pawel LULA, Dr. hab., Associate Professor, Head of the Department of Computational Systems, Cracow University of Economics, Cracow, Poland

Ruslan M. MOTORIN, Dr. Sci. (Economics), Professor of Statistics and Econometrics Department, Kiev National University of Trade and Economics, Kiev, Ukraine

Vladimir S. MKHITARYAN, Dr. Sci. (Economics), Professor, Head of the Department of Statistics, Data Analysis and Demography, Head of the Department of Statistical Methods, Higher School of Economics — National Research University, Moscow, Russia

Natalia A. SADOVNIKOVA, Dr. Sci. (Economics), Professor, Head of Statistics Department, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Yury V. SAZHIN, Dr. Sci. (Economics), Professor, Head of the Department of Statistics, Econometrics and Information Technologies in Management, Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Shyam UPADHYAYA, Chief, UNIDO Statistics Unit, United Nations Industrial Development Organization, Vienna, Austria

Elena B. SHUVALOVA, Dr. Sci. (Economics), Professor, Head of the Department of Scientific Personnel Certification, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

О проблеме инфляции и импортозависимости в условиях открытой экономики (на примере экономики Республики Таджикистан)

Основной целью исследования является выявление особенностей инфляционных тенденций в условиях большой импортозависимости, а также нахождение путей решения проблем инфляции и импортозависимости. В этой связи в статье подробно рассмотрены такие вопросы как, специфика инфляционных процессов в условиях глобализации, взаимосвязь инфляции и внешнеторгового фактора, взаимосвязь инфляции и валютного курса. Исследованы особенности инфляционных тенденций, а также взаимосвязь инфляции и импортозависимости на примере экономики Республики Таджикистан.

Теоретической основой исследования послужили труды зарубежных, в частности российских и отечественных ученых относительно вопросов инфляции в условиях открытой экономики, инфляционных тенденций в условиях глобализации, взаимосвязи инфляции с интеграционными процессами, а также проблемы импортозависимости. В качестве **информационной базы** были использованы статистические данные Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан — www.stat.tj, данные сайта Национального банка РТ — www.nbt.tj за 2003–2016 годы.

Результаты: Выявлено положительное и негативное влияние внешнеторгового фактора на уровень инфляции в Республике Таджикистан. Положительное влияние внешнеторгового фактора заключается в следующем: в условиях существенного роста доходов населения и недостатка внутреннего производственного потенциала, импорт способствует снижению большого инфляционного давления возникающего за счет роста внутреннего совокупного спроса. С другой стороны, импорт становится фактором, покрывающим внутренний товарный дефицит потому, что внутреннее производство республики до сих пор не может полностью обеспечить совокупный спрос на потребительские товары.

К негативному воздействию можно отнести следующее: в условиях большой импортозависимости рост цен импортируемых

товаров приводит к трансмиссии инфляции, также наблюдается существенное влияние динамики курса национальной валюты (сомони) на стоимость импортируемых товаров и соответственно на уровень инфляции. К негативным последствиям можно отнести и то, что большая конкурентоспособность импорта создает барьеры для развития внутреннего производства и ускорения процесса импортозамещения. Низкий импортозамещающий потенциал значительно снижает положительный эффект от девальвации курса национальной валюты. Для эффективного использования политики снижения курса национальной валюты в целях стимулирования развития внутреннего производства, необходимо создавать условия для мобильного реагирования внутреннего производства на девальвационную политику. По этой причине возникает необходимость поиска путей снижения растущей импортозависимости республики. Одним из способов решения данной проблемы может быть своевременное использование существенного роста доходов населения в качестве стимулирующего спроса для ускорения развития внутреннего производства.

Результаты исследования показывают, что на сегодняшний день наличие большой импортозависимости делает экономику республики Таджикистан уязвимой к воздействию внешних факторов и способствует возникновению инфляционных тенденций. Большая импортозависимость повышает риск трансмиссии международной инфляции, создает барьеры для развития внутреннего производства, снижает эффективность применения валютной политики в целях ускорения процесса импортозамещения.

Ключевые слова: инфляция, импортозамещение, глобализация, импорт, валютный курс, трансферты, доходы населения, стимулирующий спрос, импортируемая инфляция, государственная политика.

Malika M. Ahmedova

Khujand PITTU, Khujand, Tajikistan

The problem of inflation and dependence on imports in an open economy (on the example of the economy of the Republic of Tajikistan)

The main objective of the study is to identify the peculiarities of inflation trends in the context of large import dependence, as well as finding the ways to solve the problems of inflation and import dependence. In this connection, the article discusses in detail such issues as the specifics of inflation processes in the context of globalization, the interrelation between inflation and the foreign trade factor, the interrelation between inflation and the exchange rate. The peculiarities of inflation trends, as well as the interrelation between inflation and import dependence, are examined on the example of the economy of the Republic of Tajikistan.

The theoretical basis of the study was the work of foreign, in particular Russian and native scientists on inflation issues in an open economy, inflationary tendencies in the context of globalization, the

interrelation between inflation and integration processes, as well as the problems of import dependence. The statistical data of the Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan — www.stat.tj, the data of the website of the National Bank of the Republic of Tajikistan — www.nbt.tj were used as the information base for the years 2003–2016.

Results: The positive and negative influence of the foreign trade factor on the level of inflation in the Republic of Tajikistan has been revealed. The positive effect of the foreign trade factor is the following: in conditions of a significant increase in the incomes of the population and a lack of domestic production potential, the import helps to reduce the large inflationary pressure that arises from the growth of domestic aggregate demand. On the other hand, the import

becomes a factor that covers the domestic commodity deficit because the domestic production of the republic still cannot fully meet the aggregate demand for consumer goods.

The negative impact can be attributed to the following: in the context of large import dependence, the increase in the prices of imported goods leads to the transmission of inflation, and there is also a significant impact of the exchange rate of the national currency (somon) on the value of imported goods and, accordingly, on inflation. The negative consequences can also be attributed to the fact that the high import competitiveness creates barriers for the development of domestic production and acceleration of the import substitution process. Low import-substituting potential significantly reduces the positive effect of the devaluation of the national currency. To effectively use the policy of depreciation of the national currency in order to stimulate the development of domestic production, it is necessary to create conditions for a mobile reaction of domestic production to the devaluation policy.

For this reason, there is a need to find the ways to reduce the growing import dependence of the republic. One way to solve this problem can be the timely use of a significant increase in the incomes of the population as a stimulating demand for accelerating the development of domestic production.

The results of the research show that today the presence of large import dependence makes the economy of the Republic of Tajikistan vulnerable to external factors and contributes to the emergence of inflationary trends. Large import dependence increases the risk of transmission of international inflation, creates barriers to the development of domestic production, and reduces the effectiveness of the application of the monetary policy in order to accelerate the import-substitution process.

Keywords: inflation, import substitution, globalization, imports, exchange rate, transfers, incomes of the population, stimulating demand, imported inflation, state policy.

Введение

Инфляция представляет собой достаточно сложную экономическую проблему последствия, которой сильно отражаются на социально-экономическом развитии любого государства. В связи с этим поиск эффективных методов борьбы с инфляцией является одной из приоритетных целей государственной политики. Глобальные изменения в мировой экономике создают необходимость комплексного исследования проблемы инфляции в условиях открытой экономики. Данная проблема приобретает еще большую актуальность в условиях малой открытой экономики, потому, что малая открытая экономика является более уязвимой к внешним воздействиям. В связи с этим в статье рассмотрена проблема инфляции в условиях Республики Таджикистан экономика которой является открытой.

Развитие внешнеторговых отношений в Республике Таджикистан привело к существенному росту объемов импорта и на этом фоне наблюдается существенный рост импортозависимости. Большая импортозависимость делает экономику Таджикистана уязвимой к различным внешним изменениям, снижает эффективность реализации макроэкономической политики государства, косвенно и непосредственно влияет на уровень инфляции и является основной причиной трансмиссии

инфляции. Наличие таких тенденций требует особого подхода при решении проблемы инфляции. Особенно важным является то, что такие же тенденции наблюдаются во многих странах мира [1, с. 61] и это еще раз подчеркивает актуальность рассматриваемых в статье проблем.

1. Инфляционный механизм в условиях глобализации

Инфляционные процессы представляют собой сложное социально-экономическое явление, которое возникает при наличии диспропорций в различных сферах экономики [2]. Причины возникновения инфляционных процессов могут быть разными. Это может быть повышение количества денег в обращении, рост или снижение издержек производства, повышение или снижение производительности труда. Существует множество трактовок и моделей инфляции, однако, несмотря на большое и растущее количество макромоделей инфляции, современные экономисты так и не научились в полной мере объяснять и прогнозировать инфляционные процессы» [3, с. 70].

В ранних трактовках сущности инфляции основные причины инфляции связывают с чрезмерным увеличением денег в обращении, который, становится причиной нарушения баланса между спросом и предложением и в результате

приводит к росту уровня цен. Западная трактовка сущности инфляции рассматривает его как повышение общего уровня цен при наличии сохранности баланса между спросом и предложением [4, с. 163–164]. Такая трактовка не полностью раскрывает сущность инфляционных процессов, так как при ней не учитываются локальные причины возникновения инфляции, которые рано или поздно могут приобрести глобальный характер. На сегодняшний день с учетом усиления интеграционных процессов в мире и развития валютных отношений, в рассмотрении сущности «превалирует «синтетический» подход, объединяющий два негативных явления, используемых при характеристике инфляции. Инфляция понимается и как рост цен, и как обесценивание денег в национальной экономике» [5, с. 3].

В целом при исследовании проблемы инфляции необходимо применять многофакторный подход именно «многофакторный подход содействовал усилению эмпирических тенденций в анализе инфляции» [6]. Многофакторный подход считается наиболее эффективным методом исследования, но особую значимость оно приобретает тогда, когда принимает динамический характер. То есть когда инфляционный механизм рассматривается в контексте постоянных

изменений, возникающих в экономической системе, в этой связи данный механизм принимает динамическую форму. Именно динамический характер инфляционного механизма приводит к необходимости исследования данной проблемы с учетом сложившихся тенденций и ситуаций в экономике.

В последние десятилетия наблюдается существенное воздействие интеграционных процессов на экономическое состояние развитых и развивающихся стран мира. Соответственно неизбежным становится воздействие этих изменений на динамику уровня цен в этих странах. Интеграционные процессы наблюдаются как в сфере торговли, так и в сфере денежно-кредитного оборота. Считается, что последствия усиления интеграционных процессов на инфляционные тенденции в целом положительные, многие исследователи свидетельствуют снижении национальных темпов мировой инфляции в период глобализации, при этом даются различные обоснования этой тенденции. В частности, обоснованием могут быть усиление международной конкуренции, покрытие дефицита товарного предложения за счет увеличения внешнего товарооборота, снижение издержек производства в следствии усиления международной трудовой миграции, беспрепятственное движение активов на мировых финансовых рынках [7]. Также одним из причин снижения темпов инфляции является то, что правительства этих государств не были заинтересованы в инфляционном покрытии дефицитов своих бюджетов, «инфляционное финансирование бюджетных дефицитов стало менее распространенным благодаря постепенному развитию внутренних финансовых рынков и расширению независимости центральных банков. Проведению более осммотрительной денежно-кре-

дитной политики также способствовала глобализация, проявляющаяся в открытии национальных экономик» [8, с. 5]. «На современном этапе экономической глобализации в связи с ослаблением взаимосвязи динамики денежной массы и инфляции, а также неэффективностью политики поддержания фиксированных валютных курсов, контроль и регулирование инфляционных процессов и ожиданий играют главную роль среди прочих инструментов денежно-кредитной политики национальных экономик» [1, с. 60–61].

Также необходимо отметить, что глобализация привела к масштабному развитию мировой торговли, усилению процесса перераспределения капитала, это в свою очередь положительно сказалась на мировом экономическом развитии и на темпах инфляции в мире. «Многие страны в увеличении импорта и экспорта товаров и услуг видят условия для роста доходов, снижения издержек производства, пути насыщения национальных, региональных и мировых рынков необходимыми товарами и услугами, различного рода ресурсами, новыми знаниями и технологиями» [9, с. 2]. Однако глобализация мировой экономики имеет и негативные стороны которые должны быть учтены правительствами стран в процессе разработки внутренней и внешней экономической политики. Эти негативные последствия могут напрямую или косвенно отразиться на инфляционных тенденциях. Например, одним из последствий усиления интеграционных процессов считается возникновение большой импортозависимости, как в больших, так и в малых странах, имеющих развитую или развивающуюся экономику. Наличие большой импортозависимости приводит к различным проблемам экономического и политического характера. В

частности, она может оказывать воздействие на внутренние инфляционные процессы. Влияние импортозависимости на внутренние инфляционные процессы может проявляться по-разному. Например, в российской экономике наблюдается прямое и косвенное влияние внешнеторгового фактора на внутренние доходы населения и государства и соответственно на уровень инфляции. «Уровень доходов населения зависит от многих факторов, которые могут быть не связаны с ценовыми и денежными факторами (количеством денег в обращении). Однако в импортозависимой экономике, какой является российская экономика, доходы населения и государства в целом зависят от экспорта нефти и газа, и мировых цен на эти энергоресурсы. В свою очередь на вырученные от продажи нефти и газа средства в иностранной валюте российское государство закупает импортные товары и услуги потребительского и производственного назначения. Поэтому в расчете реального уровня инфляции, мы должны учитывать и такой показатель, как импортозависимость национальной экономики» [10, с. 4]

Таким образом, в условиях глобализации национальные экономики большинства стран мира испытывают существенное воздействие экзогенных факторов. Исходя из этого состояние и развитие национальных экономик в основном будут определяться внешнеэкономической средой, а также условиями определяемыми странами, лидирующими на мировой арене, и при этом зависимые страны теряют свои возможности применения рычагов макроэкономического регулирования экономики [11]. По этой причине поиск путей снижения внешней зависимости является одним из приоритетных задач стратегии развития экономики любого государства.

Источник: Диаграмма составлена автором на основе данных сайта Национального банка РТ – www.nbt.tj

Рис. 1. Динамика объемов импорта, доходов и текущих трансфертов (тыс. долл. США)

2. О проблеме инфляции и импортозависимости в экономике Республики Таджикистан

Как отмечалось выше проблема инфляции и импортозависимости приобрела еще большую актуальность в условиях глобальных изменений в мировой экономике. В условиях глобализации наблюдаются тенденции трансмиссии инфляции [12] и этот факт создает необходимость всестороннего учета интеграционных процессов при исследовании инфляционных процессов. Поиск путей решения данной проблемы становится особенно важным в условиях малой открытой экономики, так как глобальные перемены в мировой экономике очень болезненно отражаются на экономическом состоянии этих стран. По этой причине исследование проблемы инфляции и последствий интеграционных процессов на примере экономики республики Таджикистан, которая считается малой открытой экономикой, является необходимым и своевременным.

В соответствии с основными концепциями причинами возникновения инфляции могут стать снижение внутреннего производственного потенциала, рост совокупного

спроса и производственных издержек. В частности, инфляция спроса возникает в случае избытка спроса на товарном рынке, которое создает инфляционное давление. Избыток спроса может возникать по разным причинам, но в целом оно происходит в случае роста доходов населения. В Республике Таджикистан начиная с 2005 года по сей день наблюдается существенный рост доходов населения, в частности и за счет внешних поступлений (первичных и вторичных доходов). Темпы роста данных поступлений за рассматриваемый период были очень существенными, например, объемы внешних поступлений в 2008 году по сравнению с 2005 годом возросли в 4 раза, а в 2013 году 6 раз. Соответственно такой рост не может не повлиять на внутренний совокупный спрос и в условиях недостатка внутреннего производственного потенциала создаёт большое инфляционное давление. В таких условиях именно импорт может стать фактором, покрывающим внутренний товарный дефицит. По сей день внутреннее производство республики не может полностью обеспечить совокупный спрос на потребительские товары (частично на продовольственные и почти полностью

на непродовольственные товары), их дефицит покрывается импортом. Соответственно на уровень внутренних цен оказывает влияние не только внутреннее производство, но и импорт. Для того, чтобы определить насколько импорт способствует снижению инфляции спроса достаточно сопоставить темпы роста доходов и текущих трансфертов с темпами роста объемов импорта (см. рис 1). В предложенной диаграмме можно заметить, что динамика объемов импорта в точности повторяет динамику объемов текущих трансфертов. Это говорит о том, что между ними существует тесная связь, значение коэффициента корреляции которое составило 0,96 также говорит о наличии тесной связи между данными показателями.

Таким образом, несмотря на наличие других факторов, которые могут влиять на инфляционные процессы, можно сделать вывод о том, что именно импорт сыграл наиболее существенную роль в снижении уровня инфляции. Однако высокий уровень цен импортируемых товаров в условиях большой импортозависимости может создавать обратную тенденцию, так как существует риск импорта инфляции. Поэтому необходимо определить степень воздействия импортируемых товаров на уровень внутренних цен на основе сравнительного анализа индексов цен потребительских товаров и услуг (с учетом доли импорта в совокупном внутреннем предложении продовольственных, непродовольственных товаров и услуг). Итоги сравнительного анализа показали, что в целом больше всего на сводный индекс потребительских цен негативно влияют динамика уровня цен платных услуг и индексов цен продовольственных товаров. Несмотря на ежегодный рост объемов производства и доли сферы услуг в ВВП, значения

Таблица 1

Динамика индексов потребительских цен в Республике Таджикистан

Год	Индекс цен на продовольственные товары (с начала года)	Индекс цен на непродовольственные товары (с начала года)	Индекс цен на услуги (с начала года)
2003	110,2	108,3	153,1
2004	104,6	106,4	111,4
2005	108,3	102,7	109,3
2006	113,9	105,3	119,3
2007	125,5	107,5	117,1
2008	113,0	105,0	120,6
2009	102,3	106,7	113,8
2010	113,4	105,5	104,0
2011	110,3	107,2	109,2
2012	105,6	106,7	109,6
2013	103,2	106,1	100,8
2014	109,7	102,9	106,5
2015	104,3	107,8	102,3
2016	106,8	105,7	104,5
сен. 17	105,9	103,2	108,8
Ср. значение (за период 2006–2017 гг.)	109,1	105,8	112,7

Источник: таблица составлена автором на основе данных сайта агентства по статистике при президенте Республики Таджикистан. www.stat.tj

тарифов платных услуг существенно варьируют, вполне возможно, что такие сравнительно высокие значения индекса стоимости платных услуг связаны с тем, что услуги являются не торгуемыми товарами и их невозможно импортировать. То есть «рынок услуг, в силу их нетранспортабельности, фактически закрыт для внешней конкуренции. Именно это является причиной опережающего роста цен на данных рынках». [13, с. 19]

С точки зрения негативного воздействия на сводный индекс потребительских цен на втором месте стоит индекс продовольственных товаров, уровень цен на непродовольственные товары на протяжении достаточно большого периода (за исключением периода, где наблюдается существенное снижение курса национальной валюты по отношению к доллару) остается относительно стабильным. В предложенной таблице можно наглядно наблюдать характер влияния

индекса платных услуг, продовольственных и непродовольственных товаров на сводный индекс потребительских цен (см. табл. 1).

В период с 2002–2016 гг. среднее значение индекса цен платных услуг составило 112,7%, индекса цен на продовольственные товары 109,1%, а индекса цен на непродовольственные товары – 105,8%. Наименее низкие темпы роста цен наблюдаются у непродовольственных товаров, несмотря на то, что внутреннее производство не может обеспечивать внутренний совокупный спрос на эти товары. Объяснением может служить то, что непродовольственные товары почти полностью импортируются, то есть основную долю внутреннего товарного предложения составляет импорт и соответственно стоимость импортируемых товаров в основном определяет уровень внутренних цен на непродовольственные товары. Сравнительно низкий уровень цен на непродоволь-

ственные товары говорит о положительном влиянии импорта на уровень инфляции. Также импорт положительно влияет на уровень цен продовольственных товаров, так как оно покрывает существующий внутренний дефицит в этих товарах. Высокие темпы роста тарифов платных услуг, как уже отмечалось, вполне может быть связано с тем, что в основном услуги невозможно импортировать. Итоги исследования Малкиной Ю. показали наличие такой динамики и в развитых государствах, она также связывает такую тенденцию с воздействием внешне-торгового фактора [13, с. 19].

Таким образом, можно сказать, что импорт в целом положительно влияет на уровень инфляции в республике, но несмотря на то, что импорт покрывает товарный дефицит и в условиях существенного увеличения платежеспособного спроса способствует снижению инфляции спроса, его рост может привести к очень негативным последствиям.

Во-первых, существует непосредственное влияние импорта на уровень инфляции, так как стоимость импортируемых товаров непосредственно учитывается при расчете индекса внутренних цен. Чем больше удельный вес импортируемых товаров в сводном индексе цен, тем больше влияние импорта на уровень внутренних цен [14, с. 512]. Учитывая то, что значительную часть товарного предложения внутреннего потребительского рынка в Республике Таджикистан составляет импорт, любое отклонение стоимости импортируемых товаров может привести к изменению уровня внутренних цен.

Во-вторых, существует непосредственное влияние валютного курса на стоимость импортируемых товаров. Варьирование курса национальной валюты (сомони)

отражается на стоимости импортируемых товаров и соответственно на уровень внутренних цен.

В-третьих, несмотря на то, что цены на импортируемые в республику товары сравнительно низкие, качество этих товаров соответствует их стоимости. Поэтому сравнительно низкие цены импортируемых товаров еще не говорит о положительном социальном эффекте.

В-четвертых, большая конкурентоспособность импорта создает барьеры для развития внутреннего производства и тем самым снижается внутренний производственный потенциал.

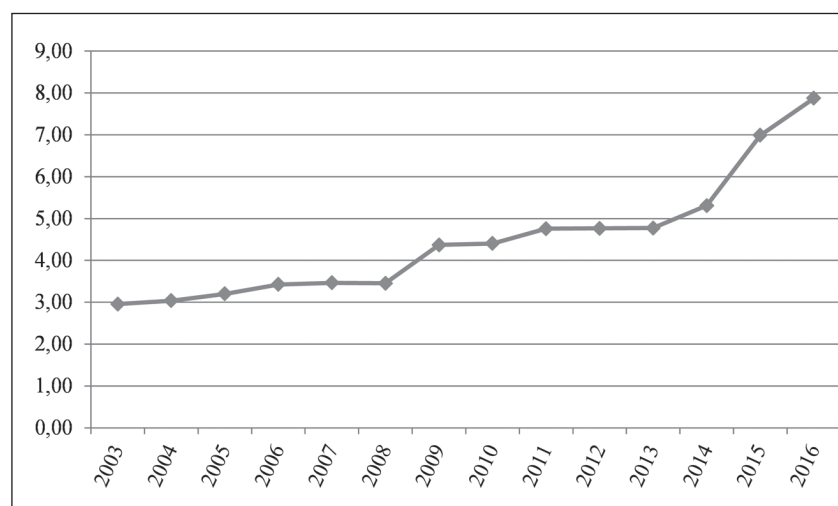
Таким образом, в условиях большой импортозависимости намного увеличивается риск прямого и косвенного импорта инфляции. Также рост импорта значительно увеличивает конкурентную среду, в условиях малой открытой экономики наличие такой конкурентной среды становится существенным барьером для развития внутреннего производства. По этой причине необходимо искать пути ускоренного решения проблемы наличия большой импортозависимости. Одним из наиболее эффективных путей решения данной проблемы является своевременное использование существенного роста доходов населения в качестве стимулирующего спроса для ускорения развития внутреннего производства. «В период кризиса, когда в силу уменьшения реальных доходов и ожиданий населения его потребительское поведение существенно меняется, изменение структуры спроса может стать основным фактором, влияющим на динамику относительных цен» [13, с. 20]. В связи с этим возникает большая необходимость в исследовании процесса формирования внутреннего совокупного спроса, выявлении источников его формирования. Неинф-

ляционный рост совокупного спроса возникает только тогда, когда он формируется за счет развития внутреннего производства, а не за счет создаваемых искусственных финансовых и кредитных потоков. Эти потоки связаны с бюджетным финансированием или инфляционным покрытием дефицита государственного бюджета, а также с неэффективным и избыточным банковским кредитованием. Из указанных потоков в большей степени негативно влияет на уровень инфляции потоки создаваемые при покрытии дефицита государственного бюджета. «Дефицит государственного бюджета в современной экономике финансируется двумя способами. Во-первых, путем заимствования на внутреннем или внешнем рынках. Во-вторых, за счет использования накопленных резервов. При различии в некоторых макроэкономических эффектах, как привлечение внешних кредитов, так и использование частных либо государственных сбережений непосредственно вызывает увеличение совокупного спроса и провоцирует «инфляцию спроса» в «перегретой» экономике» [15, с. 3].

Рост совокупного спроса в республике Таджикистан не связан с созданием искусствен-

ных финансовых и кредитных потоков так как в течении достаточно большого периода времени правительством республики поддерживается жесткая денежно-кредитная политика. Рост совокупного спроса как уже отмечалось в основном был связан с внешними поступлениями, и оно создавало большое инфляционное давление. Однако экономика республики является открытой и в открытой экономике рост совокупного спроса не всегда может стать причиной возникновения инфляции спроса в условиях неизменности объемов внутреннего производства, так как возникающий дефицит может покрываться импортом. То есть возникающее внешнее и внутреннее инфляционное давление со стороны спроса в республике покрывался в основном импортом а не внутренним товарным предложением. Именно по этой причине до сих пор в стране сохраняется большая импортозависимость, которая может иметь существенные негативные последствия, в первую очередь это может коснуться роста внутренних цен.

Инфляционные процессы в условиях большой импортозависимости существенно зависят от динамики уровня цен импортируемых в стра-

Источник: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан и Национальный Банк Таджикистана, nbt.tj/

Рис. 2. Курс (сомони / долл. США)

ну товаров и услуг. Степень воздействия импорта на сводный индекс цен зависит от удельного веса учитываемых импортируемых товаров, чем больше удельный вес импорта, тем больше его воздействие. С учетом того, что в Республике Таджикистан импорт составляет значительную долю внутреннего товарного предложения, любое отклонение стоимости импортируемых товаров сказывается на уровне внутренних цен. В связи с этим возникает большой риск импорта инфляции в страну.

Влияние импортируемой инфляции особенно сказывается при импорте продовольственных товаров, так как спрос на эти товары сравнительно не меняется и менее эластичный по цене. Например, в 2007, 2008 гг. стоимость муки возросла в среднем на 49,25%, макаронных изделий – в 22,55%, растительного масла – в 46,85%. Кроме того, рост стоимости импортируемых товаров непосредственно отразилось на стоимости товаров, производимых внутренними производителями и на стоимости товаров-заменителей.

Также в условиях большой импортозависимости рост уровня инфляции может возникнуть за счет снижения курса национальной валюты. В связи этим правительству не только необходимо учитывать внутренние причины возникновения инфляции, но также учитывать воздействие импортируемой инфляции и влияние динамики курса национальной валюты. В первую очередь возникает вопрос о том какой валютной политики должна придерживаться правительство для того чтобы поддерживать низкий уровень внутренних цен. Придерживаясь политики укрепления курса национальной валюты правительство республики способствует снижению уровня цен, так как повышение курса национальной валюты приводит к удешевлению

стоимости импортируемых товаров и услуг в национальной валюте [16, с. 70]. Например в период с 2013 по 2017 гг. наблюдается ежегодный существенный рост уровня цен возникающий в основном за счет снижения курса национальной валюты.

Причем цены импортируемых российских товаров практически не повышались, так как за данный период наблюдалось укрепление курса сомони относительно российского рубля. Такая тенденция способствовала существенному росту импорта российских товаров в республику. Таким образом поддержание курса сомони способствует поддержанию уровня внутренних цен, при этом существенного негативного влияния высокого курса сомони развитию экономики страны с точки зрения снижения внешней ценовой конкурентоспособности экспорта не наблюдается. Основной проблемой в сложившейся ситуации становится необходимость постоянного регулирования динамики курса национальной валюты, так как его снижение напрямую приводит к росту уровня инфляции. Однако следует отметить, что снижение курса национальной валюты имеет и положительные стороны, так как оно может стать фактором стимулирования внутреннего производственного потенциала. Снижение курса сомони приводит к повышению ценовой конкурентоспособности внутреннего производителя по отношению к импорту и тем самым становится фактором стимулирования развития импортозамещающих производств. «Все же на практике не всегда можно ожидать таких результатов, так как для этого должны существовать необходимые условия. В первую очередь это касается необходимого внутреннего производственного потенциала в импортозамещении. Недостаточный

импортозамещающий потенциал существенно снижает положительный эффект от девальвации курса национальной валюты. Прежде чем использовать политику снижения курса национальной валюты в целях снижения объемов импорта и стимулирования развития внутреннего производства, необходимо создавать условия для укрепления импортозамещающего потенциала и его мобильного реагирования на девальвационную политику. Отсутствие этих условий является основной причиной того, что падение курса сомони в 2009 году не способствовало усилению процесса импортозамещения» [17, с. 103]. Существенного импортозамещения не наблюдалось и в 2014–2017 годах, когда существовала тенденция снижения курса сомони. Таким образом, в условиях республики Таджикистан на сегодняшний день применение политики снижения курса национальной валюты в целях поддержки внутреннего производителя и усиления процесса импортозамещения не имеет достаточно эффективных последствий. Основной причиной является недостаточный уровень развития внутреннего производственного потенциала. Поэтому правительству необходимо создавать дополнительные стимулирующие условия для развития внутреннего производства.

Учитывая вышеприведенные условия необходимо отметить, что поддержание курса сомони в условиях большой импортозависимости становится очень сложной задачей в условиях возникающих глобальных изменений в мировой экономике. Любые внешние кризисы в той или иной степени будут сказываться на динамике курса сомони. На сегодняшний день благодаря внешним трансфертам и экспорту в определенной степени удается сдерживать падение курса национальной валюты,

однако не надо забывать, что в любой момент могут возникнуть неблагоприятные условия внешнего характера, которые будут сказываться на объемах этих внешних поступлений. Именно по этой причине необходимо искать пути ускоренного развития внутреннего производственного потенциала и импортозамещения в целях снижения большой импортозависимости. Одним из путей достижения этих целей может стать своевременное и эффективное использование повышения внутреннего совокупного спроса в целях стимулирования внутреннего производства. В условиях экономики республики Таджикистан рост объемов импорта до сих пор стимулировался ростом платежеспособного спроса населения, однако естественный рост данного спроса может стать и основой для ускоренного развития внутреннего производственного потенциала. Причем надо заметить, что такой рост совокупного платежеспособного спроса в основном не носит инфляционный харак-

тер, так как оно не создается искусственно за счет бюджетных или кредитных средств. В связи с этим правительству необходимо направить все усилия на развитие внутреннего производства и снижение уровня импортозависимости в республике путем своевременного использования роста совокупного спроса в качестве основного стимулирующего фактора.

Заключение

Результаты исследования показывают, что инфляционные процессы в малой открытой экономике требуют к себе особого внимания, так как последствия усиления интеграционных процессов существенно повысили значимость влияния экзогенных процессов на состояние и развитие экономики большинства стран мира. В целом открытость экономики способствует снижению уровня цен благодаря либерализации внешне-торговых денежно-кредитных отношений и регулированию

фискальных и монетарных причин инфляции. Однако есть и негативные последствия этого процесса, например, либерализация внешнеторговых отношений в Республике Таджикистан в особенности в условиях глобализации и на фоне существенного снижения внутреннего производственного потенциала привели к возникновению большой импортозависимости страны. На сегодняшний день наличие большой импортозависимости делает экономику республики уязвимой к воздействию внешних факторов, косвенно и непосредственно способствует возникновению инфляционных процессов. Сохранение большой импортозависимости повышает риск трансмиссии международной инфляции, создает определенные барьеры для развития внутреннего производства, снижает эффективность применения валютной политики в целях повышения ценовой конкурентоспособности внутреннего производителя и ускорения процесса импортозамещения.

Литература

1. Степанов А.В. Последствия экономической глобализации и ее взаимосвязь с инфляционными процессами // *Международный журнал: Социально-экономические явления и процессы*. 2016. Т. 11. № 9. С. 59–63.
2. Усов В.В. Деньги. Денежное обращение. Инфляция: Учебное пособие для вузов. М.: Банки и биржи. ЮНИТИ, 1999. 544 с.
3. Малкина М.Ю. Розмаинский И.В. К формированию институциональной теории инфляции // *Журнал институциональных исследований*. 2013. Т. 5. № 2. С. 69–87.
4. Макконел К., Стенли Брю, Экономикс: Принципы, проблемы и политика: В 2 частях. Перев. с англ. часть 1. М.: Республика, 1995. 400 с.
5. Александров Д.Г. Влияние обменного курса доллара США и импортозависимости российской экономики на реальный уровень инфляции в России // *Дайджест-Финансы*. 2016. Т. 21. Вып. 4. С. 2–10.
6. Хандруев А.К. вопросу об устойчивости денег // *Деньги и кредит*. 1988. № 10. С. 17.
7. Головнин М.Ю. Теоретические основы денежно-кредитной политики в условиях гло-

References

1. Stepanov A.V. Posledstviya ekonomicheskoy globalizatsii i ee vzaimosvyaz' s inflyatsionnymi protsessami. *Mezhdunarodnyy zhurnal: Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 2016. T. 11. No. 9. P. 59–63 (In Russ.)
2. Usov V.V. Den'gi. Denezhnoe obrashchenie. Inflyatsiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov. M.: Banki i birzhi. YuNITI, 1999. 544 p. (In Russ.)
3. Malkina M.Yu. Rozmainskiy I.V. K formirovaniyu institutsional'noy teorii inflyatsii. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*. 2013. Vol. 5. No. 2. P. 69–87. (In Russ.)
4. Makkonel K., Stenli Bryu, Ekonomiks: Printsipy, problemy i politika: In 2 parts. Tr. fr. Eng. Part 1. Moscow: Respublika, 1995. 400 p. (In Russ.)
5. Aleksandrov D.G. Vliyanie obmennogo kursa dollara SShA i importozavisimosti rossiyskoy ekonomiki na real'nyy uroven' inflyatsii v Rossii. *Daydzhest-Finansy*. 2016. Vol. 21. Iss. 4. P. 2–10. (In Russ.)
6. Khandruyev A.K. voprosu ob ustoychivosti deneg. *Den'gi i kredit*. 1988. No. 10. P. 17. (In Russ.)
7. Golovnin M.Yu. Teoreticheskie osnovy denezhno-kreditnoy politiki v usloviyakh globali-

бализации М.: Институт экономики РАН, 2008.

8. Кудрин А.Л. Инфляция: российские и мировые тенденции // Вопросы экономики. 2007. № 10. С. 4–26.

9. Семькин В.А., Сафронов В.В., Терехов В.П. Импортзамещение как эффективный инструмент оптимального развития рыночной экономики // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2014. № 7. С. 2–7.

10. Александров Д.Г. Влияние обменного курса доллара США и импортозависимости российской экономики на реальный уровень инфляции в России // Дайджест-Финансы. 2016. Т. 21. Вып. 4. С. 2–10.

11. Юрьев В.М., Никитин А.В. Современная национальная политика экономической безопасности в контексте глобализационных процессов: проблемы формирования и перспективы осуществления // Вестник Тамбовского Университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 8 (124). С. 18–21.

12. Рябых В.Н. Инфляционные процессы как следствие глобализации мировой экономики // Сборник научных трудов кафедры политической экономики и мирового глобального хозяйства. 2012. № 1. С. 188–197.

13. Малкина М.Ю. Особенности несбалансированной инфляции в зарубежной и российской экономиках // Финансы и кредит. 2010. № 46. С. 16–24.

14. Джефри Д. Сакс, Филиппе Ларрен Б. Макроэкономика — глобальный подход. М.: Дело, 1996. 847 с.

15. Малкина М.Ю. Инфляция и фискальные дисбалансы в российской экономике // Финансовая аналитика проблемы и решения. Инфляционные процессы. 2011. 2 (44). С. 2–8.

16. Ахмедова М.М. Моделирование инфляционных процессов на примере экономики Республики Таджикистан // Вестник ТГУПБП. 2011. № 3 (47). С. 63–68.

17. Ахмедова М.М. Влияние внешней торговли на инфляционные процессы (на примере Республики Таджикистан): диссертация на соискание звания кандидата экономических наук. Худжанд, 2013. 144 с.

zatsii. Moscow: Institut ekonomiki RAN, 2008. (In Russ.)

8. Kudrin A.L. Inflyatsiya: rossiyskie i mirovye tendentsii. Voprosy ekonomiki. 2007. No. 10. P. 4–26. (In Russ.)

9. Semykin V.A., Safronov V.V., Terekhov V.P. Importozameshchenie kak effektivnyy instrument optimal'nogo razvitiya rynochnoy ekonomiki. Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii. 2014. No. 7. P. 2–7. (In Russ.)

10. Aleksandrov D.G. Vliyanie obmennogo kursa dollara SShA i importozavisimosti rossiyskoy ekonomiki na real'nyy uroven' inflyatsii v Rossii. Daydzhest-Finansy. 2016. Vol. 21. Iss. 4. P. 2–10. (In Russ.)

11. Yur'ev V.M., Nikitin A.V. Sovremennaya natsional'naya politika ekonomicheskoy bezopasnosti v kontekste globalizatsionnykh protsessov: problemy formirovaniya i perspektivy osushchestvleniya. Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. 2013. No. 8 (124). P. 18–21. (In Russ.)

12. Ryabikh V.N. Inflyatsionnye protsessy kak sledstvie globalizatsii mirovoy ekonomiki. Sbornik nauchnykh trudov kafedry politicheskoy ekonomii i mirovogo global'nogo khozyaystva. 2012. No. 1. P. 188–197. (In Russ.)

13. Malkina M.Yu. Osobennosti nesbalansirovannoy inflyatsii v zarubezhnoy i rossiyskoy ekonomikakh. Finansy i kredit. 2010. No. 46. P. 16–24. (In Russ.)

14. Dzhefri D. Saks, Filipp Larren B. Makroekonomika — global'nyy podkhod. Moscow: Delo, 1996. 847 p. (In Russ.)

15. Malkina M.Yu. Inflyatsiya i fiskal'nye disbalansy v rossiyskoy ekonomike. Finansovaya analitika problemy i resheniya. Inflyatsionnye protsessy. 2011. 2 (44). P. 2–8. (In Russ.)

16. Akhmedova M.M. Modelirovanie inflyatsionnykh protsessov na primere ekonomiki Respubliki Tadjikistan. Vestnik TGUPBP. 2011. No. 3 (47). P. 63–68. (In Russ.)

17. Akhmedova M.M. Vliyanie vneshney trgovli na inflyatsionnye protsessy (na primere Respubliki Tadjikistan): dissertatsiya na soiskanie zvaniya kandidata ekonomicheskikh nauk. Khudzhand, 2013. 144 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Малика Масаидовна Ахмедова

К.э.н., доцент кафедры отраслевой экономики
ПИТТУ им. акад. М. Осими в г. Худжанде,
Худжанд, Таджикистан
Тел.: 92 610 54 22
Эл. почта: m.akhmedova78@inbox.ru

Information about the author

Malika M. Ahmedova

Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the
Department of Branch Economics
Khujand PITTU, Khujand, Tajikistan
Tel: 92 610 54 22
E-mail: m.akhmedova78@inbox.ru

Аксиома о рыночной (кадастровой) стоимости воспроизводимых факторов единого объекта недвижимости

Цель исследования. Показать методологическую ошибку расчета рыночной (кадастровой) стоимости объектов капитального строительства, как результат нарушения федерального закона РФ от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», статья 3, в части определения рыночной стоимости объекта недвижимости. Показать, что в теории и практике измерения стоимости объектов недвижимости необходимо разграничивать формирование рыночной стоимости воспроизводимых и не воспроизводимых факторов единого объекта недвижимости.

Материалы и методы. Основой статьи являются: нормы закона в оценочной деятельности; результаты кадастровой оценки объектов недвижимости населенных пунктов России; метод сравнительного анализа факторов определения рыночной (кадастровой) стоимости объектов недвижимости.

Результаты. Сформулирована аксиома о рыночной (кадастровой) стоимости воспроизводимых факторов единого объекта недвижимости. Показано, что в теории и практике измерения рыночной (кадастровой) стоимости объектов недвижимости России нарушается статья 3 закона 135-ФЗ от 29.07.1998 года, в следствии чего, рыночная (кадастровая) стоимость объектов капитального строительства в 2–5 раз завышает-

ся, а рыночная (кадастровая) стоимость земельных участков в 2–15 раз занижается. Результатом этого нарушения является возникновение процесса оспаривания результатов кадастровой оценки, проблема формирования бюджетов всех уровней, снижение темпов экономического развития России а также создание условий для роста коррупции.

Автором статьи, по результатам кадастровой оценки земельных участков различных категорий земель по субъектам России ООО СНЦ «Экопрогноз», предлагается технология определения экономических нормативов рационального использования объектов недвижимости.

Заключение. Независимо от технологии оценки объекта недвижимости рыночная стоимость воспроизводимых улучшений земельного участка не может превышать их стоимости замещения.

Ключевые слова: земельный участок, ценообразующий фактор, рыночная стоимость, кадастровая стоимость, стоимость воспроизводства, стоимость замещения улучшений, капитализированная рента, социально-экономический потенциал, единый объект недвижимости, вид разрешенного использования, воспроизводимый фактор, невоспроизводимый фактор.

Alexander D. Vlasov

Siberian scientific center «Ecoprognoz», Krasnoobsk, Russia

The axiom about the market (cadastral) cost of the reproducible factors of a single property

The purpose of the study. To prove the methodological error of the calculation of the market (cadastral) value of capital construction objects, as a result of a violation of the Federal law of the Russian Federation of 29.07.1998 No. 135-FZ “On valuation activities in the Russian Federation”, article 3, in determining the market value of the property. To show that the theory and practice of measuring the value of real estate is necessary to delimit the elements of the market value formation of reproducible and not reproducible factors single property.

Materials and methods. The objectives of the article are: the rules of law in assessment activities; the results of the cadastral valuation of real estate in settlements of Russia; comparative analysis of the factors determining the market (cadastral) value of real estate.

Results. Formulated the axiom about the market (cadastral) cost of the reproducible factors of a single property. It is shown that in the theory and practice of measurement in market (cadastral) value of real estate of Russia violated article 3 of the law 135-FZ

of 29.07.1998. As a consequence, the market (cadastral) cost of the capital construction objects 2-5 times overestimated, and the market (cadastral) value of land in the 2-15 times underestimated. This is the basis of corruption, challenging the results of cadastral assessment of problems of formation of budgets of all levels, reduction in the rate of economic development of Russia. According to our results of the cadastral assessment of land plots of various categories of land in the regions of Russia there is a technology of determining the economic norms of rational use of real estate.

Conclusion. Regardless of technology assessment of the property market value of reproducible improvements of the land may not exceed their replacement cost.

Keywords: land, pricing factors, market value, cadastral value, cost of reproduction, the replacement value of improvements capitalized rents, socio-economic potential, a single property, a permitted use, a reproducible factor, non-reproducible factor.

Введение

Институт кадастровой оценки объектов недвижимости регулирует до 70% имущественных отношений. Расчет кадастровой стоимости объектов недвижимости, кроме фискальных функций, должен включать еще и элементы стимулирования рационального использования объектов недвижимости. Реализация принципов социальной справедливости в фискальной системе кадастровой оценки объектов недвижимости существенно зависит от методологии и практики измерения рыночной и кадастровой стоимости объектов недвижимости. С одной стороны, рынок объектов недвижимости является практически единственным критерием достоверности определения ценности налогооблагаемых активов. А с другой стороны, рынок объектов недвижимости отражает только сложившиеся пропорции, тенденции прошлого периода и не содержит стимулов реализации сознательно выбранного направления развития экономики и перспективы использования объектов недвижимости в будущем.

Основная часть

Для реализации задачи определения экономических нормативов рационального использования объектов недвижимости актуальным является решение проблемы методически правильного определения рыночной стоимости воспроизводимых и невоспроизводимых факторов единого объекта недвижимости, которая формулируется в форме аксиомы:

рыночная стоимость воспроизводимых факторов единого объекта недвижимости не может быть больше их стоимости замещения и выражается соотношениями (1.1 и 1.2).

Используемые термины и ограничения, принятые в определении аксиомы.

Земельный участок — это некая часть поверхности земли, имеющая определенные границы, установленные законом [10].

Невоспроизводимые факторы земельного участка: местоположение; полезные ископаемые; экологические ресурсы, климат, рельеф и т.п.

Воспроизводимые факторы земельного участка (улучшения) — здания, строения, сооружения, объекты инженерной инфраструктуры, объекты капитального строительства (ОКС), расположенные в пределах земельного участка, а также результаты работ и иных воздействий (изменение рельефа, внесение удобрений и т.п.), изменяющих качественные характеристики земельного участка [8, 9, 11]. Основное свойство улучшений земельного участка является их воспроизводимость.

Единый объект недвижимости (ЕОН) включает земельный участок и прочно связанные с ним улучшения земельного участка — объект капитального строительства (ОКС) [7].

Право собственности — установленный законом перечень прав использования единого объекта недвижимости (владения, пользования, распоряжения) некоторым субъектом для удовлетворения своих потребностей, в том числе, получения экономической выгоды.

Рынок недвижимости — множество операций по использованию объектов недвижимости субъектами права с целью получения экономической выгоды.

Рыночная стоимость объекта недвижимости сформулирована, определена законом №135-ФЗ, статья 3 [1] и может быть описана формулой:

$$C_{\text{ЕОН}}^v = C_{\text{ЗУО}}^v + C_r^v + C_{\text{ОКС}}^v \quad (1.1)$$

$$C_{\text{ЗУ}}^v = C_{\text{ЗУО}}^v + C_r^v \quad (1.2.)$$

где $C_{\text{ЕОН}}^v$ — рыночная стоимость единого объекта недвижимости

[1] v -вида разрешенного использования из V — множества [9] видов разрешенного использования, руб/кв.м;

$C_{\text{ЗУО}}^v$ — рыночная стоимость незастроенного земельного участка v -вида разрешенного использования, руб/кв.м [1, 7];

C_r^v — рыночная стоимость невоспроизводимых факторов застроенного земельного участка v -вида разрешенного использования, руб/кв.м [1];

$C_{\text{ОКС}}^v$ — рыночная стоимость объекта капитального строительства v -вида разрешенного использования, руб/кв.м [1, 11];

$C_{\text{ЗУ}}^v$ — рыночная стоимость застроенного земельного участка v -вида разрешенного использования, руб/кв.м [1, 7];

Рыночная стоимость воспроизводимой части единого объекта недвижимости ($C_{\text{ОКС}}^v$) — улучшений, объекта капитального строительства (ОКС), определенная по затратному подходу, называется стоимостью воспроизводства (стоимостью нового строительства, с учетом всех видов износа) или стоимостью замещения улучшений земельного участка [7, 10, 11] (таблица 1, строка 3).

Не воспроизводимые факторы единого объекта недвижимости, не являющиеся результатом человеческого труда, являющиеся источником устойчивого дополнительного дохода (экономической выгоды) (местоположение земельного участка и ОКСа; гидро-ресурсы; плодородие почв; полезные ископаемые: глина, песок, нефть, золото; уникальные экологические ресурсы: целебные источники, грязи, другие экологические факторы) формируют дополнительный устойчивый доход единого объекта недвижимости, называемый рентой [10]. Капитализированная рента невоспроизводимых факторов земельного участка, обеспечивающих устойчивую экономическую выгоду (таблица 1, строка 2) представляет собой его рыночную стоимость ($C_{\text{ЗУ}}^v = C_{\text{ЗУО}}^v + C_r^v$).

Теоретически формирование рыночной стоимости единого объекта недвижимости имеет различную природу (основу) для воспроизводимых и невоспроизводимых факторов. Для воспроизводимых факторов это стоимость воспроизводства улучшений земельного участка, а для невоспроизводимых факторов это капитализированная рента их устойчивого экономического преимущества. Рыночные механизмы и результат формирования рыночной стоимости воспроизводимых и невоспроизводимых факторов единого объекта недвижимости не зависят от методов, подходов оценки их рыночной стоимости и не являются предметом рассмотрения данной статьи. Аксиома лишь утверждает, что теоретически основу формирования рыночной стоимости объекта недвижимости в части воспроизводимых факторов недопустимо применять к невоспроизводимым. И наоборот, основу формирования рыночной стоимости объекта недвижимости в части невоспроизводимых факторов недопустимо применять к воспроизводимым. Разделение рыночной стоимости единого объекта недвижимости на стоимость от воспроизводимых и невоспроизводимых факторов не является предметом настоящей статьи, но создает проблемы оценщику, таблица 4.

Указанные выше свойства аксиомы вытекают из определения рыночной стоимости сформулированного законом №135-ФЗ, статья 3 [1].

За воспроизводимые факторы объекта недвижимости разумный покупатель не заплатит больше их стоимости воспроизводства (стоимости замещения — $C_{\text{ОКС}}^v$) [1, 10, стр. 21].

За невоспроизводимые факторы объекта недвижимости, обеспечивающие устойчивую экономическую выгоду (ренту) разумный продавец не уступит право собственности

ниже их рыночной стоимости ($C_{\text{ЗУ}}^v = C_{\text{ЗУО}}^v + C_r^v$) [1].

Если по некоторой методике оценки рыночной стоимости объекта недвижимости получается, что рыночная стоимость воспроизводимых факторов включает дополнительно рыночную стоимость невоспроизводимых факторов (C_r^v) (таблица 4, строки 3 и 7) или наоборот, то это проблема данной методики, но не определения рыночной стоимости объекта недвижимости [1] или теории оценки.

Различные виды разрешенного использования (ВРИ) [9] имеют различную доходность. При прочих равных условиях, сельскохозяйственное производство, школьное образование являются менее доходными сферами деятельности в сравнении с торговлей. Рыночная стоимость квадратного метра земельного участка под сельскохозяйственным производством, как правило, будет меньше его рыночной стоимости в торговле. Теоретически, при «идеальном рынке» в процессе перелива капитала между отраслями, доходность всех ВРИ должна выравниваться. Однако на практике существуют жесткие барьеры для перелива капитала (экономические, законодательные, экологические, социальные), которые в ближайшем будущем не позволят выровнять доходность ВРИ. При прочих равных условиях, рядом находящиеся объекты, школа и банк, будут иметь различную удельную рыночную стоимость земельного участка из-за ВРИ. Однако в школе невозможно открыть еще один банк для повышения доходности земельного участка под школой, поскольку социальные ограничения требуют воспроизводства функции обучения детей.

Далее, в результате недооценки рыночной (кадастровой) стоимости земельного участка, например, под торговых, он часто недоиспользуется (например, застроен на 10%).

Однако собственника это экономически не обременяет, а в итоге земельные ресурсы используются не рационально.

При прочих равных условиях по местоположению и улучшениям земельного участка установленный ВРИ предопределяет конкретную рыночную стоимость ЕОН. В этом смысле фактор ВРИ принципиально отличается от факторов местоположения (невоспроизводимых факторов) и улучшений земельного участка ЕОН (воспроизводимых факторов) и должен рассматриваться отдельно от факторов местоположения и улучшения земельных участков (таблица 1, строка 1).

Множеством аксиомы являются объекты недвижимости в условиях рынка. За исключением отдельных частей объекта капитального строительства (например, престижный этаж, как невоспроизводимый фактор), уникальных объектов, рыночная стоимость которых не зависит от их местоположения (памятники старины, зодчества и т.п.).

Рынок продажи объектов недвижимости и предполагаемая экономическая выгода от использования объекта недвижимости являются критериями достоверности экономической оценки его рыночной стоимости.

Для демонстрации аксиомы необходимо и достаточно выделить три группы из неограниченного множества ценообразующих факторов рыночной (кадастровой) стоимости объектов недвижимости:

1) вид разрешенного использования (строка 1 таблицы 1);

2) невоспроизводимые факторы устойчивого экономического дохода единого объекта недвижимости (строка 2 таблицы 1, таблица 2), местоположение, полезные ископаемые, экологические ресурсы и т.п.;

3) воспроизводимые улучшения земельного участка еди-

Таблица 1

L — численность населения, человек.

Группировка ценообразующих факторов рыночной стоимости объектов недвижимости

№ п/п	Ценообразующие факторы	Пример, описание
1	Вид разрешенного использования (ВРИ) [9]	Жилое, коммерческое, социальное и т.д.
2	Невоспроизводимые факторы единого объекта недвижимости. Местоположение, полезные ископаемые, экологические ресурсы	Координаты земельного участка, коэффициент местоположения, удаление от центра населенного пункта и т.д.
3	Воспроизводимые факторы единого объекта недвижимости. Улучшения земельного участка, процент застройки, %	Незастроенный — 0%; застроенный — 100 %, их сочетание

Таблица 2

Социально-экономический потенциал земельных участков поселения в зависимости от экономического радиуса удаления от его центра по формуле (1) [13, 14]

Экономический радиус удаления от центра, км (R)	Численность населения, тысяч человек (L), пример населенного пункта									
	12000 (Москва)	1500 (Новосибирск)	1000 (Волгоград)	500 (Томск)	100 (Ачинск)	10 (Бичура)	3 (Орлик)	1 (Челунай)	0.5	0.05
	Административный уровень (n)									
	5	4	4	4	3	3	2	2	1	1
Экономический потенциал, радиан ² (V)										
0.1	192.0	28.7	23.8	17.3	5.2	2.3	1.41	1.18	1.05	0.99
0.4	181.0	27.1	22.5	16.3	4.9	2.2	1.33	1.11	0.99	0.93
1	160.9	24.1	20.0	14.5	4.4	2.0	1.18	0.99	0.88	0.83
2	132.3	19.8	16.4	11.9	3.6	1.6	0.97	0.81	0.72	0.68
5	73.5	11.0	9.1	6.6	2.0	0.9	0.54	0.45	0.40	0.38
8	40.8	6.1	5.1	3.7	1.1	0.5	0.30	0.25	0.22	0.21
13	15.3	2.3	1.9	1.4	0.4	0.2	0.11	0.09	0.08	0.08

ного объекта недвижимости (строка 3 таблицы 1), процент улучшений земельного участка.

Истинность аксиомы сохраняется для любого вида разрешенного использования объекта недвижимости не зависимо от методов расчета и интерпретации ценообразующих факторов по группам и внутри этих групп, таблица 1 (например, таблица 3). Проблемы учета конкретных ценообразующих факторов в определении рыночной стоимости единого объекта недвижимости не является предметом рассмотрения настоящей статьи.

Невоспроизводимые факторы ЕОН, местоположение земель-

ного участка можно определить, например, интегральным показателем, который предлагается рассчитывать, как территориальный коэффициент местоположения земельного участка (V) по формуле (1) [13, 14, 15, 16], таблица 2.

$$V = e^{0,1 \cdot (S+n) \cdot \ln(L/1000+1) - 0,196 \cdot R} \quad (1.3)$$

V — социально-экономический потенциал в определенной точке определенного населенного пункта, радиан²;

$S = 0,618034$ золотое сечение;

n — административный уровень населенного пункта или его локальной территории;

R — экономический радиус удаления точки от центра населенного пункта, км;

Рыночная стоимость воспроизводимых факторов ЕОН, улучшений земельного участка нормируется на условную единицу (погонный метр сооружения; куб м общей застройки; кв. м общей застройки и т.п.). В зависимости от конъюнктуры рынка, соотношения спроса и предложения, рыночная стоимость воспроизводимых факторов единого объекта недвижимости может быть любой, но, по определению [1], в границах стоимости воспроизводства (замещения), определяемой по затратному подходу ($C_{ОКС}^v$). В таблице 3 она принята максимально возможной по стоимости воспроизводства, но может быть и меньше и даже отрицательной (для ОК-Сов под снос).

Для пояснения сути аксиомы рассмотрим пример на квартирах многоэтажной жилой застройки, таблица 3, где в наибольшей степени развит рынок, максимально «стандартизированы» объекты сделок для сравнительного подхода и известны цены продаж. Условия примера:

1) Многоэтажная жилая застройка (для упрощения к расчету принята четырехкомнатная квартира в четырехэтажном доме, где на 1 кв.м общей застройки приходится 1 кв.м земельного участка, коэффициент землеемкости равен единице);

2) Застроенность земельного участка: незастроенный (0%); застроенный (100%);

3) Местоположение: центр; средняя периферия; дальняя периферия.

4) Рынок недвижимости рассмотрен для населенного пункта численностью 1–1,5 млн человек. Данные по этому рынку представлены в таблице 3 в форме объектов-аналогов по методу парных сравнений, отличающихся только одним ценообразующим фактором —

наличием/отсутствием улучшений земельного участка и расположенных в трех точках населенного пункта: центр; средняя периферия; дальняя периферия.

5) В границах данного населенного пункта удельная рыночная стоимость улучшений (стоимость замещения улучшений) земельного участка примерно одинаковая в любой точке населенного пункта и может быть достаточно точно рассчитана затратным подходом, на заданный момент времени с учетом всех видов износа в любой точке населенного пункта (строка 6 таблицы 3).

В графах 3–5 таблицы 3 представлены экспертные значения автора по выделенному множеству объектов недвижимости, фиксирующие рыночные соотношения. Любой опытный оценщик может заполнить таблицу 3 для своего множества объектов недвижимости и получить аналогичные результаты, либо опровергнуть аксиому, показав, что рыноч-

ная стоимость улучшений земельного участка превышает их стоимость воспроизводства, вопреки определению рыночной стоимости [1, статья 3].

Пример (согласно таблицы 3, строки 2–10):

рыночная стоимость улучшений (стоимость замещения по затратному подходу) земельного участка составляет 30000 руб/кв.м независимо от местоположения объекта недвижимости (строка 6, таблицы 3);

рыночная стоимость незастроенного земельного участка (строка 4 таблицы 3) составляет от 2000 руб/кв.м до 8000 руб/кв.м в зависимости от его местоположения;

рыночная стоимость квартиры по сравнительному подходу, как единого объекта недвижимости, составляет от 3,5 до 8 млн рублей в зависимости от ее местоположения (строка 7, таблицы 3);

расчетная стоимость квартиры (ЕОН), как сумма рыночной стоимости незастроенного земельного участка (строка 3)

и стоимости замещения его улучшений (строка 5), составляет от 3,2 до 3,8 млн рублей (строка 9);

дополнительная расчетная стоимость, полученная в результате застройки земельного участка (строка 10), составляет от 0,3 до 4,2 млн рублей, как результат свойств рынка.

Пояснения (согласно таблицы 3, строки 11–16) для данного ВРИ:

Рыночная стоимость не застроенного земельного участка представлена в строках 3 и 4 таблицы 3. Рыночная стоимость улучшений показана в строках 5 и 6 таблицы 3. Рыночная стоимость ЕОН (квартиры) представлена в строках 7 и 8 таблицы 3. Сумма рыночных стоимостей (строка 9) не застроенного земельного участка (строка 3) и его улучшений (строка 5) не совпадает с рыночной стоимостью ЕОН (квартиры, строка 7). Увеличение рыночной стоимости единого объекта оценки (квартиры, строка 10) к рыночной

Таблица 3

Рыночная стоимость объекта недвижимости многоэтажной жилой застройки в зависимости от его местоположения в населенном пункте, численностью 1-1,5 млн человек (условия утверждения)

№ п/п	Показатель	Местоположение ЕОН		
		Дальняя периферия	Средняя периферия	Центр
2	Общая площадь квартиры и площадь ее земельного участка, кв.м/кв.м	100/100	100/100	100/100
3	Рыночная стоимость не застроенного земельного участка, руб (C_{3y0}^v)	200 000	400 000	800 000
4	Рыночная стоимость не застроенного земельного участка, руб/кв.м (C_{3y0}^v)	2 000	4 000	8 000
5	Стоимость воспроизводства квартиры, руб (C_{OKC}^v)	3 000 000	3 000 000	3 000 000
6	Стоимость воспроизводства квартиры, руб/кв.м (C_{OKC}^v)	30 000	30 000	30 000
7	Рыночная стоимость квартиры (ЕОН), руб ($C_{ЕОН}^v$)	3 500 000	5 000 000	8 000 000
8	Рыночная стоимость квартиры (ЕОН), руб/кв.м ($C_{ЕОН}^v$)	35 000	50 000	80 000
9	Расчетная стоимость квартиры (ЕОН = (стр3 + стр5)), руб	3 200 000	3 400 000	3 800 000
10	Дополнительная расчетная стоимость квартиры к стоимости замещения (стр7 – стр9), руб (C_r^v)	300 000	1 600 000	4 200 000
11	Расчетная стоимость улучшений (стр7 – стр3), руб	3 300 000	4 600 000	7 200 000
12	Доля расчетной стоимости улучшений в ЕОН, % (стр11 / стр7) * 100	94	92	90
13	Доля земельного участка в ЕОН, % (100 – стр12)	6	8	10
14	Стоимость земельного участка (стр7 – стр5), руб [8, п. 2 и 5] ($C_{3y}^v = C_{3y0}^v + C_r^v$)	500 000	2 000 000	5 000 000
15	Доля земельного участка в ЕОН, % (стр14 / стр7) * 100	14	40	63
16	Доля улучшений в ЕОН, % (100 – стр15)	86	60	37

стоимости его составляющих: невоспроизводимых факторов (строка 3) и воспроизводимых улучшений (строка 5) составляет от 0,3 млн рублей до 4,2 млн рублей. В сложившейся практике оценки ОКС (таблица 4) дополнительная расчетная стоимость ЕОН (таблица 3, строка 10) относится на воспроизводимые улучшения земельного участка (таблица 3, строка 11). Однако, согласно определению рыночной стоимости [1, статья 3; 7, 10], разумный покупатель не заплатит за воспроизводимые факторы (ОКС) объекта недвижимости более стоимости замещения с учетом сроков строительства и оформления прав объекта с аналогичными потребительскими свойствами.

Рыночная стоимость улучшений земельного участка не может быть больше их стоимости воспроизводства из чего следует, что дополнительную расчетную стоимость единого объекта недвижимости (строка 10) необходимо относить на ценообразующие факторы местоположения объекта оценки, то есть, на земельный участок, а не на ОКС.

И в центре, и на периферии населенного пункта затраты на улучшения земельного участка («стоимость кирпичей») примерно одинаковые (таблица 3, строки 5 и 6), независимо от его местоположения. В то же время, стоимость квартир в центре и на периферии существенно различается. Очевидно, что разницу в стоимости квартир (центре и на периферии) необходимо отнести на невоспроизводимые факторы местоположения земельного участка. И по определению рыночной стоимости объекта недвижимости [1, ст. 3], разумный покупатель за воспроизводимые улучшения не заплатит более их стоимости замещения ($7,2 - 3,0 = 4,2$ млн руб), поскольку может воспроизвести объект с аналогичной потребительской стоимостью по стоимости замещения (3 млн руб).

Если квартира нужна в центре населенного пункта, то он вынужден будет заплатить рыночную стоимость за невоспроизводимые факторы объекта недвижимости — местоположение квартиры (4,2 млн руб, строка 10), как не воспроизводимый фактор, дающий устойчивый экономический доход. Местоположение квартиры является невоспроизводимым фактором, источником устойчивого экономического дохода, в отличие от воспроизводимого фактора улучшений земельного участка, которые могут быть воспроизведены и не могут обеспечить дополнительный устойчивый экономический доход.

Следовательно, дополнительная расчетная стоимость (строка 10) не может быть отнесена на улучшения земельного участка, как воспроизводимых ценообразующих факторов (строки 5 и 6, таблицы 3).

Значит дополнительная стоимость объекта недвижимости, возникающая в результате застройки земельного участка (строка 10, таблицы 3) должна быть отнесена к невоспроизводимым факторам местоположения объекта недвижимости (строка 14, таблицы 3), доля которого в стоимости земельного участка составляет от 14%, на отдаленной периферии, до 63% в центре населенного пункта.

Следствие аксиомы. При оценке рыночной стоимости объектов капитального строительства (ОКС) зонирование их по признаку местоположения в данном населенном пункте не имеет оснований. При прочих равных условиях, рыночная стоимость ОКСов в данном населенном пункте будет примерно одинаковой, не зависимо от их местоположения.

По определению кадастровая стоимость объектов недвижимости должна быть максимально приближена к рыночной, либо рыночная стоимость принимается в качестве када-

стровой. Поэтому вполне правомерно рассмотреть примеры следствия утверждения на кадастровой оценке объектов недвижимости.

1) Возникает противоречие, когда в центре населенного пункта доля стоимости земельного участка, по кадастровой оценке, под торговым комплексом составляет менее 10% (строка 13, графа 5 таблицы 3). Тогда как более 90% дохода торгового центра обусловлено фактором его местоположения [8, приложение 7, графа 1].

2) Незастроенный земельный участок (строка 3 таблицы 3), в сравнении с застроенным земельным участком с действующим бизнесом, вследствие более высоких инвестиционных рисков, стоит в 2–5 раз дешевле, при прочих равных условиях (строка 14, таблицы 3). Фактически, в кадастровой оценке земельных участков населенных пунктов, незастроенные земельные участки, составляющих не более 5% от общего их количества застроенных и незастроенных (100%), определяют кадастровую стоимость застроенных земельных участков. Налогооблагаемая база всех уровней бюджетов субъектов России занижается на сотни млрд рублей [8, приложение 7, графа 1].

3) Аналогичная ситуация с кадастровой оценкой объектов недвижимости в городе Москве, таблица 4. Можно предположить, что:

- в Москве руководят и принимают законы адекватные чиновники и депутаты;

- получили право и провели кадастровую оценку объектов недвижимости города Москвы не самые плохие оценщики;

- имеется развитый рынок недвижимости и известна рыночная стоимость объектов недвижимости в центре города Москвы в радиусе 1 км от Красной Площади.

Однако, данные таблицы 4 показывают совершенно противоположное.

Таблица 4

Показатели оценки стоимости земельного участка и его улучшений в центре города Москва [17, 18]

№ п/п	Показатель	Значение
1	Кадастровый номер улучшений, адрес: Москва г., ул. Знаменка, д 7, строен 3	77:01:0001017:1021
2	Общая площадь застройки, кв. м	13 793
3	Кадастровая стоимость улучшений, 2016 г., руб	3 176 677 554
4	Кадастровая стоимость улучшений, 2016 г., руб/кв.м	230 311
5	Кадастровый номер земельного участка, адрес: Москва г., ул. Знаменка, д 7, строен 3	77:01:0001017:1000
6	Площадь земельного участка, кв.м	2 052
7	Кадастровая стоимость земельного участка, 2016 г., руб	268 903 519
8	Кадастровая стоимость земельного участка, 2016 г., руб/кв.м	131 045
9	Стоимость воспроизводства улучшений, 2016 г., руб/кв.м	30 000
10	Стоимость воспроизводства улучшений, 2016 г., руб (строка2 x строка9)	413 790 000
11	Кадастровая стоимость единого объекта недвижимости (ЕОН) по адресу: Москва г., ул. Знаменка, д 7, строен 3 (строка3 + строка7)	3 445 581 073
12	Рыночная стоимость земельного участка, руб (строка 11-строка 10)	3 031 791 073
13	Рыночная стоимость земельного участка, руб/кв.м (строка 12/строка 6)	1 477 481
14	Доля рыночной стоимости земельного участка в ЕОН, %	88
15	Доля кадастровой стоимости земельного участка в ЕОН, %	8

В отчете оценщика [18] Отчет Москва 69/16 от 07.11.2016, Том 2.2 «Об определении кадастровой стоимости объектов капитального строительства и помещений города Москвы на 01.01.2016г» страница 290: «На основе проведенного анализа рынка Исполнителем работ была выдвинута гипотеза о том, что наиболее точно изменения кадастровой стоимости описывается следующими факторами: год постройки; материал стен; площадь; ближайшая станция метро; расстояние до ближайшей станции метро; расстояние до исторического центра г. Москвы», из шести факторов три относятся к местоположению ОКСа, что не согласуется с аксиомой.

Таблица 4 показывает, что доля кадастровой стоимости

земельного участка составляет всего 8% (строка 15) от кадастровой стоимости единого объекта недвижимости (строка 11). Кадастровая стоимость улучшений завышена в 7,7 раз (230311/30000) в сравнении с рыночной, а кадастровая стоимость земельного участка занижена в 11,3 раз (строка 12/строка 7).

Аксиома, как следствие определения рыночной стоимости объекта недвижимости [1, статья 3], подтверждает справедливость требования Методических рекомендаций и ФСО №7 [6, 7], чтобы рыночная стоимость застроенных земельных участков определялась по застроенным объектам-аналогам. Иначе рыночная стоимость, обусловленная невоспроизводимыми (мес-

тоположение единого объекта недвижимости) факторами (таблица 1, строка 2) добавляется к улучшениям земельного участка (ОКС, таблица 1, строка 3).

Заключение

Независимо от технологии оценки объекта недвижимости рыночная стоимость воспроизводимых улучшений земельного участка не может превышать их стоимости замещения. Это условие должно соблюдаться в любом отчете оценщика. В противном случае оценка объекта недвижимости неизбежно будет приводить к нарушению закона об оценочной деятельности, статья 3 [1].

Значительная часть объектов капитального строительства России оценена с нарушением действующего законодательства, как это показывают данные строк 4 и 9 таблицы 4.

Противоположному, изложенному в статье утверждению, придерживаются оценщики и экспертные советы саморегулируемых организаций оценщиков (таблица 4), исполнители работ по кадастровой оценке объектов капитального строительства, кадастровой оценке земельных участков [10, 19, 20, 21]. В нарушение статьи 3 федерального закона 135-ФЗ, оценщики и эксперты отчетов по кадастровой оценке объектов недвижимости, считают допустимым определять величину рыночной (кадастровой) стоимости объектов капитального строительства, которая в разы превосходит рыночную стоимость замещения воспроизводимых факторов единого объекта недвижимости. И наоборот – считают допустимым определять величину рыночной стоимости земельного участка в разы меньше рыночной стоимости невоспроизводимых факторов единого объекта недвижимости [21, 22]. Аксиома подтверждает, что независимо от ут-

вержденных и реализованных методик расчета рыночной стоимости земельного участка (таблица 4 строки 7 и 15) [8, приложение 13] реальная стоимость земельного участка проявляется, например, в масштабных проектах реновации жилого фонда города Москвы [22, таблица 5].

Технология расчета экономических нормативов рационального использования объектов недвижимости позволяет выполнить требования статьи 3 федерального закона 135-ФЗ [13, 15, 16]. Предлагаем эту технологию к использованию ГБУ государственных оценщиков, где:

— определена универсальная шкала измерения и едини-

ца измерения единого экономического пространства объектов недвижимости, таблица 2 (1.3), на базе единой теории измерения астрогеофизического пространства [13, 16];

— разработана и применена на ряде субъектов России единая технология расчета экономических нормативов рационального использования объектов недвижимости в любой точке России на любой момент времени, по любому виду использования, по физическим инструментально измеряемым показателям [15, 16];

— представляет теоретическую и практическую основу для преодоления монополии элиты оценочного сообщества [21];

— является реальной осно-

вой с минимальными ущербами для всех уровней бюджетов и бизнеса перейти от сложившейся системы кадастрового учета объектов недвижимости (земельные участки многократно недооценены, объекты капитального строительства переоценены, включают стоимость земельного участка) к научно обоснованной системе кадастрового учета объектов недвижимости, разработке экономических нормативов их рационального использования [15].

Институт оценки является иммунной системой экономики, важнейшим условием и катализатором устойчивого экономического роста в условиях беспрецедентного внешнего давления на Россию.

Литература

1. Федеральный закон РФ от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».
2. Федеральный стандарт оценки «Общие понятия оценки, подходы и требования к проведению оценки» (ФСО № 1)», приказ МЭР России № 297 от 20.05.2015 г.
3. Федеральный стандарт оценки «Цель оценки и виды стоимости» (ФСО № 2)», приказ МЭР России № 298 от 20.05.2015 г.
4. Федеральный стандарт оценки № 3 «Требования к отчёту об оценке (ФСО № 3)», приказ МЭР России № 299 от 20.05.2015 г.
5. Федеральный стандарт оценки № 4 «Определение кадастровой стоимости (ФСО № 4)», приказ МЭР России № 508 от 22.10.2010 г.
6. Федеральный стандарт оценки № 7 «Оценка недвижимости (ФСО № 7)», приказ МЭР России № 611 от 25.09.2014 г.
7. Методические рекомендации по определению рыночной стоимости земельных участков, утвержденные Распоряжением Министерства имущественных отношений Российской Федерации от 06.03.2002 г. № 568-р.
8. Методические указания о государственной кадастровой оценке. Приказ МЭР РФ от 12.05.2017 № 226.
9. Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков, приказ МЭР России № 540 от 01.09.2014 г.
10. Оценка стоимости недвижимости. Грибовский С.В., Иванова Е.Н., Львов Д.С., Медведева О.Е. М.: ИНТЕРРЕКЛАМА, 2003. 704 с.
11. Ильин М.О. Оценка объектов капитального строительства для целей оспаривания //

References

1. Federal'nyy zakon RF ot 29.07.1998 g. No. 135-FZ "Ob otsenочноy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii". (In Russ.)
2. Federal'nyy standart otsenki "Obshchie ponyatiya otsenki, podkhody i trebovaniya k provedeniyu otsenki" (FSO No. 1)", prikaz MER Rossii No.297 ot 20.05.2015g. (In Russ.)
3. Federal'nyy standart otsenki "Tsel' otsenki i vidy stoimosti" (FSO No. 2)", prikaz MER Rossii No. 298 ot 20.05.2015 g. (In Russ.)
4. Federal'nyy standart otsenki No. 3 "Trebovaniya k otchetu ob otsenke (FSO No.3)", prikaz MER Rossii No. 299 ot 20.05.2015 g. (In Russ.)
5. Federal'nyy standart otsenki No. 4 "Opredelenie kadaastrovoy stoimosti (FSO No. 4)", prikaz MER Rossii No. 508 ot 22.10.2010 g. (In Russ.)
6. Federal'nyy standart otsenki No. 7 "Otsenka nedvizhimosti (FSO No.7)", prikaz MER Rossii No.611 ot 25.09.2014g (In Russ.)
7. Metodicheskie rekomendatsii po opredeleniyu rynochnoy stoimosti zemel'nykh uchastkov, utverzhennyye Rasporyazheniem Ministerstva imushchestvennykh otnosheniy Rossiyskoy Federatsii ot 06.03.2002 g. No. 568-r. (In Russ.)
8. Metodicheskie ukazaniya o gosudarstvennoy kadaastrovoy otsenke. Prikaz MER RF ot 12.05.2017 No. 226. (In Russ.)
9. Ob utverzhdenii klassifikatora vidov razreshennogo ispol'zovaniya zemel'nykh uchastkov, prikaz MER Rossii No. 540 ot 01.09.2014 g. (In Russ.)
10. Otsenka stoimosti nedvizhimosti. Gribovskiy S.V., Ivanova E.N., L'vov D.S., Medvedeva O.E. Moscow: INTERREKLAMA, 2003. 704 p. (In Russ.)
11. Il'in M.O. Otsenka ob'ektov kapital'nogo stroitel'stva dlya tseley osparivaniya. Imushchest-

Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. №6 (177).

12. Лейфер Л.А., Крайникова Т.В. Практическое применение модифицированного метода выделения для оценки земельных участков и объектов капитального строительства. // Имущественные отношения в РФ. 2016. № 3(174). С. 31–48.

13. Власов А.Д., Понько В.А. Измерение астрогофизического пространства/Вопросы моделирования геокосмических связей //Труды научного центра «Экопрогноз». вып. 1. РАСХН Сиб. отд-ние: Новосибирск, 1996. С. 29–38. URL: http://www.cal.su/show_art.php?id=14.

14. Методические рекомендации по определению рыночной стоимости земельных участков по кадастровым кварталам города Новосибирска. – 4-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 125 с. URL: http://www.cal.su/show_art.php?id=5.

15. Власов А.Д. Теоретические основы и социально-экономические предпосылки определения экономических нормативов рационального использования земельных ресурсов. URL: http://www.cal.su/show_art.php?id=92.

16. Власов А.Д. Доклад. Практика применения теории оценки недвижимости в России. URL: http://www.cal.su/show_art.php?id=103

17. Публичная кадастровая карта Росреестра. URL: www.maps.rosreestr.ru.

18. Фонд данных государственной кадастровой оценки. URL: https://rosreestr.ru/wps/portal/cc_ib_svedFDGKO.

19. Варламов А. А. Система государственного и муниципального управления: учебник. М : ГУЗ, 2014. 452 с.

20. Оценка недвижимости: учебник / Под ред. А. Г. Грязновой, М. А. Федотовой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2008. 860.

21. Коростелев С.П. Кадастровая оценка. Итоги. URL: http://www.labrate.ru/articles/2016-1_korostelev.pdf.

22. Власов А.Д., Жарников В.Б. О рыночной (кадастровой) стоимости улучшений земельного участка. Вестник СГУГиТ. 2017. Том 33. № 3. С. 147–160.

vennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. 2016. No. 6 (177). (In Russ.)

12. Leyfer L.A., Kraynikova T.V. Prakticheskoe primeneniye modifitsirovannogo metoda vydeleniya dlya otsenki zemel'nykh uchastkov i ob»ektov kapital'nogo stroitel'stva.. Imushchestvennye otnosheniya v RF. 2016. No. 3 (174). P. 31–48. (In Russ.)

13. Vlasov A.D., Pon'ko V.A. Izmereniye astrogeofizicheskogo prostranstva/Voprosy modelirovaniya geokosmicheskikh svyazey. Trudy nauchnogo tsentra "Ekoprognoz". Iss. 1. RASKhN Sib. otdnie: Novosibirsk, 1996. P. 29-38. URL: http://www.cal.su/show_art.php?id=14. (In Russ.)

14. Metodicheskie rekomendatsii po opredeleniyu rynochnoy stoimosti zemel'nykh uchastkov po kadastrvym kvartalam goroda Novosibirska. 4 ed. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2007. 125 p. URL: http://www.cal.su/show_art.php?id=5. (In Russ.)

15. Vlasov A.D. Teoreticheskie osnovy i sotsial'no-ekonomicheskie predposylki opredeleniya ekonomicheskikh normativov ratsional'nogo ispol'zovaniya zemel'nykh resursov. URL: http://www.cal.su/show_art.php?id=92. (In Russ.)

16. Vlasov A.D. Doklad. Praktika primeneniya teorii otsenki nedvizhimosti v Rossii. URL: http://www.cal.su/show_art.php?id=103 (In Russ.)

17. Publichnaya kadastrvaya karta Rosreestra. URL: www.maps.rosreestr.ru. (In Russ.)

18. Fond dannykh gosudarstvennoy kadastrvoy otsenki. URL: https://rosreestr.ru/wps/portal/cc_ib_svedFDGKO. (In Russ.)

19. Varlamov A. A. Sistema gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya: uchebnik. Moscow: GUZ. 2014. 452 p. (In Russ.)

20. Otsenka nedvizhimosti: uchebnik Ed. A. G. Gryaznovoy, M. A. Fedootovoy. 2 ed. Moscow: Finansy i statictika, 2008. 860. (In Russ.)

21. Korostelev S.P. Kadastrvaya otsenka. Itogi. URL: http://www.labrate.ru/articles/2016-1_korostelev.pdf. (In Russ.)

22. Vlasov A.D., Zharnikov V.B. O rynochnoy (kadastrvoy) stoimosti uluchsheniy zemel'nogo uchastka. Vestnik SGUGiT. 2017. Vol. 33. No. 3. P. 147–160. (In Russ.)

Сведения об авторе

Александр Данилович Власов

К.э.н., научный руководитель

СНЦ «Экопрогноз», Краснообск, Россия

Эл. почта: vlasovad@yandex.ru

Тел. (383) 348 05 92

Information about the author

Alexander D. Vlasov

Cand. Sci. (Economics), scientific director

SSC «Ecoprognoz», Krasnoobsk, Russia

E-mail: vlasovad@yandex.ru

Tel.: (383) 348 05 92

Анализ структурных изменений внутреннего потребления ТЭР г. Москвы

Цель исследования. Топливо-энергетический комплекс является одним из важных составляющих механизма функционирования национальной экономики в целом и городского хозяйства в частности, поскольку к основным решаемым задачам комплекса можно отнести: обеспечение горячего водоснабжения круглый год и теплом в зимний период, удовлетворение потребностей населения и городского хозяйства в газе, поставка бензина и дизельного топлива для удовлетворения потребителей, а также поставка угля, торфа, мазута и прочих видов топлива для городского хозяйства. Немаловажную роль играют предприятия топливно-энергетического комплекса с точки зрения обеспечения рабочими местами населения.

Топливо-энергетический комплекс Москвы — один из крупнейших в России. Особенностью его функционирования является концентрированное потребление газа, топлива, электроэнергии, тепловой энергии и прочих энергетических ресурсов. Формирование и развитие топливно-энергетического комплекса Москвы во многом обусловлено стремительно развивающейся экономикой мегаполиса — масштабное строительство жилья и инфраструктуры, устойчивый прирост численности населения влечет постоянный рост потребления топливно-энергетических ресурсов. Мониторинг эффективности использования топливно-энергетических ресурсов дает возможность выявить пути снижения объема потребления до уровня, позволяющего в рамках утвержденного лимита, реализовать запланированный темп социально-экономического развития города.

Материалы и методы. Информационную базу исследования составили статистические данные характеризующие объем потребления отдельных видов топливно-энергетических ресурсов на рынке московского региона. Методологическую основу исследования составляют статистические методы анализа структуры и структурных сдвигов, динамики. Их использо-

вание позволило провести глубокий анализ дифференциации потребления различных видов топливно-энергетических ресурсов, а также структурных изменений в рассматриваемых дифференциациях. Дало возможность выявить существующие тенденции в развитии топливно-энергетического комплекса столичного региона

Результаты. Проведенный анализ позволил выявить сложившиеся тенденции объемов потребления основных видов топливно-энергетических ресурсов г. Москвы, оценить структуру и структурные изменения потребления топливно-энергетических ресурсов в г. Москва, с целью оценки энергоэффективности топливно-энергетического комплекса столицы.

Заключение. Главная цель энергетической политики Москвы состоит в формировании экономически эффективного, динамично развивающегося и финансово устойчивого топливно-энергетического комплекса, оснащенного передовыми технологиями и высококвалифицированными кадрами и соответствующего требованиям времени и статусу Москвы. Повышение эффективности использования топливно-энергетических ресурсов, для Москвы как для одной из самых холодных столиц мира, становится одной из приоритетных задач. В следствии этого, еще одной задачей развития топливно-энергетического комплекса города выступает расширение масштабов внедрения вторичных энергетических ресурсов и доведение показателя их использования до 50%.

Именно поэтому, всесторонний анализ динамики и структуры потребления топливно-энергетических ресурсов позволит не только оценить существующие закономерности распределения и тенденции, но и как следствие сформировать высоко эффективную энергетическую стратегию мегаполиса.

Ключевые слова: топливно-энергетические ресурсы, потребление, газ, электроэнергия.

Lyudmila G. Moiseykina, Ekaterina S. Darda

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Analysis of the structural changes in domestic consumption of FUEL and energetic resources of Moscow

Purpose of the study. The fuel and energy complex is one of the important components of the mechanism of functioning of the national economy in general and municipal economy in particular, since the main tasks of the complex include: provision of hot water supply all year round and heat during the winter period, meeting the needs of the population and municipal economy in gas, supply of gasoline and diesel fuel to satisfy consumers, as well as the supply of coal, peat, fuel oil and other fuels for the urban economy. An important role is played by enterprises of the fuel and energy complex in terms of providing jobs to the population.

The fuel and energy complex of Moscow is one of the largest in Russia. A feature of its functioning is the concentrated consumption of gas, fuel, electricity, heat energy and other energy resources. The formation and development of the fuel and energy complex in Moscow is largely due to the rapidly developing economy of the megapolis — large-scale construction of housing and infrastructure, sustainable population growth entails a constant increase in consumption of fuel

and energy resources. Monitoring the efficiency of the use of fuel and energy resources makes it possible to identify ways to reduce the volume of consumption to a level that allows, within the approved limit, to implement the planned rate of social and economic development of the city.

Materials and methods. Information base of the research was made by statistical data characterizing the volume of consumption of certain types of fuel and energy resources in the market of the Moscow region. The methodological basis of the study is made up of statistical methods of analysis of structure and structural shifts, dynamics. Their use made it possible to conduct a thorough analysis of the differentiation of consumption of various types of fuel and energy resources, as well as structural changes in the differentiations in question. It made it possible to identify existing trends in the development of the fuel and energy complex in the capital region

Results. The analysis allowed to identify the current trends in consumption of the main types of fuel and energy resources in Moscow,

to assess the structure and structural changes in consumption of fuel and energy resources in Moscow, in order to assess the energy efficiency of the fuel and energy complex of the capital.

Conclusion. The main goal of Moscow's energy policy is to create an economically efficient, dynamically developing and financially sustainable fuel and energy complex equipped with advanced technologies and highly qualified personnel and meeting the requirements of the time and status of Moscow. Increasing the efficiency of the use of fuel and energy resources, for Moscow as one of the coldest capitals of the world, is becoming one of the priority tasks. Consequently,

another task of developing the fuel and energy complex of the city is to expand the scale of the introduction of secondary energy resources and bring the indicator of their use to 50%.

That is why, a comprehensive analysis of the dynamics and structure of consumption of fuel and energy resources will allow not only to assess the existing patterns of distribution and trends, but also as a consequence to form a highly effective energy strategy for the megacity.

Keywords: Fuel and energy resources, consumption, gas, electric power.

Введение

Московская топливно-энергетическая система является крупнейшей в Российской Федерации. Однако в отрасли существуют реальные проблемы. С одной стороны наблюдается интенсивное старение основного оборудования электростанций, потери электроэнергии при ее генерации, передаче и потреблении, которые естественным образом ведут к снижению надежности, эффективности работы систем, и приводит к перерасходу топлива и энергоресурсов. С другой стороны высочайший уровень концентрации тепловых мощностей и производства тепловой энергии, мощные магистрали тепловых сетей, обеспечивающие теплом жилые районы с населением в сотни тысяч человек обуславливает существования другой важной проблемой — относительно высокой стоимости транспортирования тепла, связанная в основном со значительной протяженностью теплопроводов в городе Москве.

На фоне обозначенных проблем, существует устойчивая тенденция роста потребления основных топливно-энергетических ресурсов в столичном регионе. Так, согласно данным Государственной программы города Москвы «Энергосбережение в городе Москве» на 2011, 2012—2016 гг. и на перспективу до 2020 года, в момент принятия госпрограммы в городе Москве было потреблено более 40 млн. т у.т. первичной энергии, или примерно 4,2% от суммарного потребления первичной энергии в Российской

Федерации. Общее потребление энергии в городе Москве составило более 43 млн. т.у.т., в том числе конечное потребление энергии — около 30 млн. т.у.т.

Структура потребления энергии Москвы имеет некоторые особенности, связанные с природно-климатическими факторами, 42% потребленной энергии приходится на тепловую энергию, 40% — жидкое топливо и лишь 17,7% — электроэнергию.

Суммарная мощность источников теплоснабжения Москвы составляет 97 тыс. Гкал/ч., объем потребления первичных ресурсов 28 648,278 тыс.т.у.т. [1]

По прогнозным оценкам технико-экономических показателей работы энергоисточников города на 2021 г. расход условного топлива на отпущенную теплоэнергию и электроэнергию составит 27920,1 тыс.т.у.т. На расчетный 2030 год теплоснабжение города предусматривается от 1013 энергоисточников суммарной тепловой мощностью 58 403 Гкал/ч, электрической — 10 855 МВт. Расход условного топлива на энергоисточниках на 2030 г. ожидается в размере 32,1 млн.т.у.т. всего, в том числе на отпущенную электроэнергию 13,8 млн.т.у.т., на отпущенную теплоэнергию — 18,3 млн. т. у.т. [2]

Все вышесказанное определяет необходимость постоянного мониторинга показателей потребления основных видов топливно-энергетических ресурсов и энергосбережения, с целью выработки мер государственной политики, на-

правленных на повышение эффективности управления топливно-энергетическим хозяйством г. Москвы.

Методология и результаты

Традиционно подавляющую часть валового потребления энергоресурсов в Москве составляют природный газ — около 70% и треть — сырая нефть. Доля остальных энергоресурсов составляет не более 1% от валового потребления.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 22.02.2012 № 154 [3] АО «Газпром промгаз» разработана «Схема теплоснабжения города Москвы на период до 2030 года с учетом развития присоединенных территорий» [4]. Основным видом топлива, используемого для производства электрической и тепловой энергии, практически для всех энергоисточников г. Москвы (с учетом присоединенных территорий ТиНАО) в период до 2030 г. принят природный газ, доля которого в топливном балансе ожидается более 99% (табл. 1).

Данные таблицы подтверждают стабильность доли природного газа в общих расходах топливно-энергетических ресурсов.

Основным потребителем газа являются теплоэнергетические объекты, обеспечивающие развитие энергопотребления Москвы. Однако, наибольшие изменения в динамике доли потребления газа происходят в коммунально-бытовых объектах, что в основном связано с увеличением бытового потребления. Известно, что

**Структура годовых расходов условного топлива (по видам топлива)
г. Москвы в период до 2030 г**

Вид топлива	2006 г.		2021 г.		2026 г.		2031 г.	
	тыс. т.у.т.	в % к итогу	тыс. т.у.т.	в % к итогу	тыс. т.у.т.	в % к итогу	тыс. т.у.т.	в % к итогу
Всего	29565	100,0	27920,1	100,0	29363,2	100,0	32071,8	100,0
в том числе								
природный газ	28067	94,9	27862,5	99,8	29305,6	99,8	31014,2	99,8
мазут	695	2,4	53,4	0,2	53,4	0,2	53,4	0,2
дизельное топливо	—	—	2,5	...	2,4	...	2,5	...
уголь	71	0,2	1,8	...	1,8	...	1,8	...
прочие	732	2,5	—	—	—	—	—	—

жилищный сектор — самый энергоёмкий из всех секторов экономики. Вырабатываемая энергия распределяется между потребителями в следующих пропорциях: жилищная сфера — 40%, транспорт — 32%, промышленность — 28%. бытовое потребление городским населением (табл. 2).

Рассматривая динамику дифференциации потребления природного газа можно отметить, что доля потребления теплоэнергетическими объектами ежегодно незначительно возрастала, так за рассматриваемый период с 2001 г. по 2015 г. она выросла на 1,3 п.п., аналогичная тенденция наблюдалась в доли потребления населения — увеличение составило 2,2 п.п. с 2,1% в 2001г до 4,3% в 2015 г. Рост доли потребления на коммунально-бытовых объектах составил 5,6 п.п. Снижение доли потребления наблюдалось лишь у прочих потребителей и составило за рассматриваемый период 9,1 п.п., данная тенденция может

быть обусловленная сокращением промышленного производства в Москве в последние годы.

Насколько серьезны изменения, произошедшие в потреблении природного газа по категориям потребителей за период 2001–2015 гг. оценим с помощью показателей структурных сдвигов [6, 7].

Таким образом, показатели структурных сдвигов подтверждают выводы о стабильности в изменении структуры потребления природного газа в целом.

Принципиально важны для анализа изменения соотношения тепловых и электрических нагрузок. Основным производителем электрической и тепловой энергии для Московского региона, объединяющего два субъекта Российской Федерации — Москву и Московскую область является ОАО «Мосэнерго». Перспективный расчет расхода условного топлива приведен в табл. 4.

Приведенные выше прогнозные данные свидетель-

ствуют об увеличении доли расходуемого топлива на электроэнергию (с 38,8% до 42,9%). Темпы роста расхода топлива на электроэнергию много выше, чем темпы роста расхода топлива на теплоэнергию. Анализ топливно-энергетического баланса городского хозяйства показывает, что происходят изменения структуры тепловых и электрических нагрузок. Наиболее значительный прирост потребления электроэнергии обусловлен увеличением бытового потребления.

В структуре конечного потребления энергии в Российской Федерации преобладает тепловая энергия (около 40%), идущая на отопление и горячее водоснабжение объектов жилищного фонда, общественных зданий (суммарно 90% от общего потребления тепловой энергии) и в меньшей степени промышленных и прочих потребителей. Нефтепродукты, расходуемые в основном на работу личного, грузового и общественного транспорта

Структура потребления природного газа г. Москвы за 2001–2015 гг. [5]

Наименование категории потребителя	2001	2003	2005	2015	Изменения 2015 к 2001(п.п.)
Всего по г. Москве	100,0	100,0	100,0	100,0	—
в том числе					
теплоэнергетические объекты	76,7	77,2	78,0	78,0	1,3
население	2,1	2,0	2,0	4,3	2,2
коммунально-бытовые объекты	3,0	3,3	1,5	8,6	5,6
прочие	18,2	17,5	18,5	9,1	—9,1

Таблица 3

Основные показатели структурных сдвигов потребления природного газа и их интерпретация

Показатель	Значение	Интерпретация
Среднее линейное отклонение	0,046	В среднем на 0,046 процентных пункта отклоняются друг от друга удельные веса структурных частей в 2015 г. по сравнению с 2001 г.
Среднее квадратическое отклонение	0,213	В среднем на 0,213 процентных пункта отклоняются друг от друга удельные веса структурных частей в 2015 г. по сравнению с 2001 г.
Линейный коэффициент относительных структурных сдвигов	0,182	На 0,182% в 2015 г. по сравнению с 2001 г. изменились удельные веса потребления топливно-энергетических ресурсов в общей структуре потребления.
Квадратический коэффициент относительных структурных сдвигов	0,427	На 0,427% в среднем отклоняются коэффициенты роста удельных весов потребления отдельных видов топливно-энергетических ресурсов от среднего значения.
Модификация линейного коэффициента	0,089	Полученное значение коэффициента позволяет сделать вывод о незначительных колебаниях в удельных весах потребления отдельных видов ТЭР
Модификация квадратического коэффициента	0,172	Полученное значение коэффициента позволяет сделать вывод о незначительных колебаниях в удельных весах потребления отдельных видов ТЭР, поскольку оно близко к 0.
Индекс В. Рябцева	0,070	Полученное значение коэффициента позволяет сделать вывод о незначительных колебаниях в удельных весах потребления отдельных видов ТЭР, поскольку оно близко к 0.

(около 90% от их суммарного потребления), занимают в структуре второе место — около 32%. на электроэнергию приходится 17,6%.

Структура потребления электрической энергии для Москвы выглядит несколько иначе (табл. 5). Энергопотребление Москвы и его структура является отражением развития её постиндустриальной экономики. Так, например, в кризисном 2009 году энергоёмкость валового регионального продукта выросла на 6–9%, что произошло в результате более медленного потребления энергии, чем снижение объема ВРП.

По представленному выше перспективному балансу наибольшую долю в структуре

занимают расходы электроэнергии на коммунально-бытовой сектор. По интенсивному варианту прогнозирования доля коммунально-бытового сектора к 2025 г составит 50%, а доля транспорта снизится до 5,4%. Как уже было сказано, энергопотребление Москвы и его структура является отражением развития её постиндустриальной экономики. Так в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости г. Москвы за 2015 г. доля валовой добавленной стоимости отраслей, непосредственно связанных с непродуцированной сферой (быт, включая личный транспорт и сферу услуг) составляет почти 70%, доля потребленной электроэнергии в 2015г. отраслями коммуналь-

но-бытового сектора и транспорта также является наибольшей (около 51%).

Следует отметить, что существует прямая взаимосвязь потребления электроэнергии и ВРП региона. Так, коэффициент корреляции рангов (Коэффициент Спирмена) [6] показателей структуры потребления электроэнергии и ВРП Москвы равен 0,79, что подтверждает наличие тесной прямой зависимости.

В качестве главного критерия, определяющего развитие топливно-энергетического комплекса города Москвы, планом развития города принят показатель количества тепловой энергии, необходимой и достаточной для надежного теплоснабжения потребителей в зимний

Таблица 4

Результаты расчетов прогнозных технико-экономических показателей работы энергоисточников

	Ед. изм.	2021 г.	%	2026 г.	%	2031 г.	%
Расход условного топлива на отпущенную э/э и т/э, — всего	Тыс. т.у.т.	27 920,10	100,0	29 363,20	100,0	32 071,80	100,0
в т.ч.							
на отпущенную теплоэнергию (физ. метод)	Тыс. т.у.т.	17 092,80	61,2	17 652,80	60,1	18 307,60	57,1
на отпущенную электроэнергию (физ. метод)	Тыс. т.у.т.	10 827,30	38,8	11 710,30	39,9	13 764,20	42,9

Структура потребления электрической энергии для Москвы на период до 2025 г. (% к итогу) [8]

Наименование	2005	2006	2010	2015	2020	2025	2010	2015	2020	2025
	Отчет		Умеренный вариант				Интенсивный вариант			
Потреблено всего, в том числе	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
промышленность	33,0	33,5	35,1	36,9	38,1	39,3	34,7	35,2	35,0	34,3
строительство	2,1	2,2	2,3	2,6	2,8	3,1	2,5	2,8	3,1	3,3
коммунально-бытовой сектор	45,1	44,6	44,9	44,8	44,1	43,5	45,5	46,9	48,5	50,0
транспорт	5,9	6,7	5,7	5,8	5,9	6,1	5,6	5,5	5,4	5,4
потери	14,0	12,9	12,0	10,0	9,0	8,0	11,7	9,5	8,0	7,0

период. Основным производителем электрической и тепловой энергии для Московского региона, объединяющего двух субъектов Российской Федерации — г. Москву и Московскую область является ОАО «Мосэнерго». Система энергоснабжения Москвы в целом характеризуется высокой степенью централизации: — около 95,5% от суммарного производства электроэнергии энергоисточниками Москвы обеспечивают ТЭЦ ПАО «Мосэнерго»; — почти 98% теплотребность города обеспечивается от источников централизованного теплоснабжения, примерно 82,0% тепловой энергии отпускают ТЭЦ (ТЭЦ ПАО «Мосэнерго», РТЭС и мини-ТЭЦ ПАО «МОЭК», энергоисточники сторонних инвесторов). [9]

По состоянию на 2015г. теплоснабжение города с учетом присоединенных территорий осуществляют следующие энергоисточники: — 39 энергоисточников ПАО «Мосэнерго», включая: 13 ТЭЦ (11 ТЭЦ, расположенные в границах города, и 2 областные ТЭЦ-22 и ТЭЦ-27), 2 районных тепловых электростанций (РТЭС), мини-ТЭС, 12 районных тепловых станций (РТС), 9 квартальных тепловых станций (КТС) и 2 МК (малые котельные). — 175 энергоисточника ПАО «МОЭК», включая: 4 районных тепловых электростанций (РТЭС), 22 районных тепловых станций (РТС), 34 квартальных тепловых станций (КТС) и 115 малых котельных

(МК), включая 2 передвижных котельных (ПК) и 36 АИТ района «Куркино»; — 4 электростанции сторонних инвесторов: ТЭЦ ЗИЛ (ОАО «АМО ЗИЛ»), ТЭС «Международная» (I, II очередь — ООО «Сити-энерго»), ПГУ ТЭС «Терешково» (ООО «Росмикс») и ГТЭС «Щербинка»; — 793 котельных различной ведомственной принадлежности, в том числе 109 котельных, расположенных на территории ТиНАО. [12]

За рассматриваемый период времени процесс потребления топливно-энергетических ресурсов претерпел некоторые структурные изменения. Так по отдельным секторам экономики наблюдалось значительное увеличение или сокращение потребления различного рода ресурсов. Также это сопровождалось и изменением доли конкретных секторов в совокупном объеме потребления ТЭР. Между тем, практически по всей экономике наблюдалось сокращение потребления теплоэнергии и увеличение потребления электроэнергии. Кроме того, наблюдалось перераспределение потребителей по природному и котельному топливу, а также значительный рост потребления населением продуктов переработки топлива.

Потребление электроэнергии в Москве и Московской области в 2016 году составило 105,334 млрд кВт·ч., что на 3,3% больше показателя 2015 года, сообщается в пресс-релизе филиала «Системного оператора» — «Регионально-

го диспетчерского управления энергосистемы Москвы и Московской области» (Московское РДУ). [11] Потребление электроэнергии в Московском регионе за 6 месяцев 2017г выросло на 2%, выработка — сократилась на 1%. По оперативным данным Московского РДУ, потребление электроэнергии в Московской энергосистеме в июне 2017 года составило 7392,1 млн кВт·ч, что на 9,2 млн кВт·ч больше объема потребления в июне 2016 года. [12] В целом за шесть месяцев текущего года электропотребление возросло относительно аналогичного периода прошлого года на 1,8% — до 53065,4 млн кВт·ч (без учета 29 февраля 2016 года рост составил 2,5%). При этом выработка сократилась на 0,7— до 35096,4 млн кВт·ч (без учета 29 февраля 2016 года снижение составило 0,1%).

Дефицит произведенной электроэнергии на территории энергосистемы Москвы и Московской области покрывался за счет перетоков электроэнергии по межсистемным линиям электропередачи из смежных энергосистем. [13] Суммарный сальдо-переток в энергосистему Москвы и Московской области в июне 2017 года составил 3454,4 млн кВт·ч, за январь — июнь 2017 года, данный показатель составил 17969,0 млн. кВт·ч. В июне 2016 и январе — июне 2016 года аналогичный показатель составил 2664,7 млн кВт·ч и 16761,3 млн кВт·ч соответственно (без

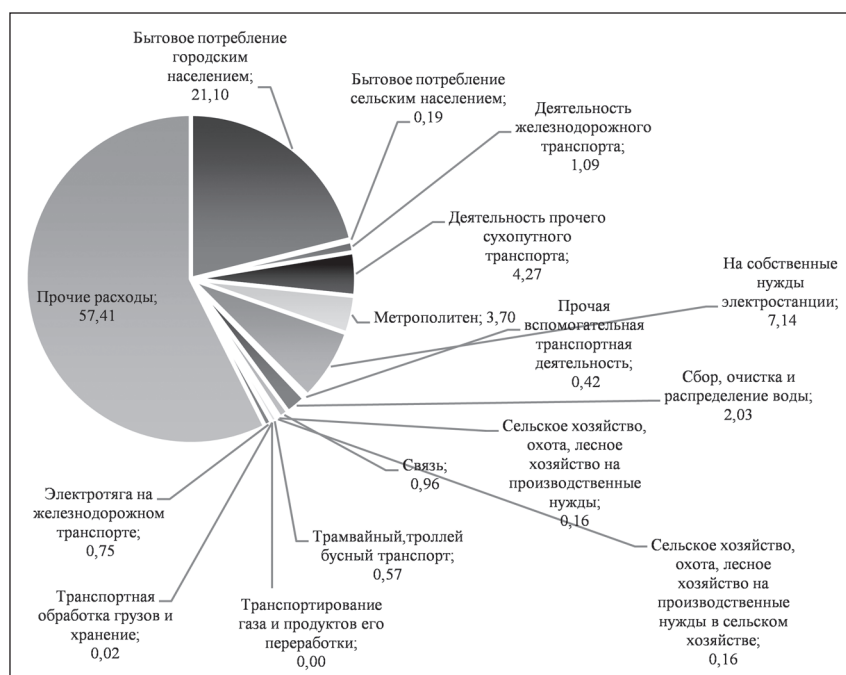

Рис. 1. Структура потребления электроэнергии в г. Москве в 2012 г. [14]

учета 29 февраля 2016 года в январе – июне 2016 года аналогичный показатель составил 16663,4 млн кВт·ч).

Среди субъектов Российской Федерации в июле 2017 года г. Москва и Московская область занимают 1 позицию по потреблению электроэнергии (7469,6 млн кВт·ч). Доля потребления электроэнергии г. Москвы и Московской области составляет 10% от общего объема потребления по Российской Федерации (76960,1 млн кВт·ч).

Рассматривая структуру потребления электроэнергии в Москве, следует отметить, что 21,1% составляют бытовое потребление городским населением. Остальные структурные части потребления в 2012 г составляли менее 10%, так 7,1% потребляется на собственные нужды электростанций, 4,3% потребление в деятельности сухопутного транспорта, 3,7% потребление метрополитеном, 2,0% от общего объема потребления приходится на сбор, очистку и распределение воды. На долю остальных статей структуры потребления электроэнергии приходится менее 1% от общего объема потребления.

К 2013 г. структура потребления существенно не изменилась. Наибольший удельный вес занимает бытовое потребление

городского населения – 27,8%. Второе место в структуре – потребление обрабатывающих производств – 10,1%. Третье место – потребление на производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 9,2%. Далее распределение потребления дифференцируется по следующим структурным частям: потери в сетях общего пользования – 7,7%, транспорт и связь – 6,4%, оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования – 5,5%, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг – 4,9%.

Следует отметить, что в 2013 г доля бытового потребления городского населения выросла на 6,7 п.п. Также наблюдался рост доли потребления электроэнергии в структурной части «Транспорт и связь» более чем в 2 раз, с 3% до 6,4%.

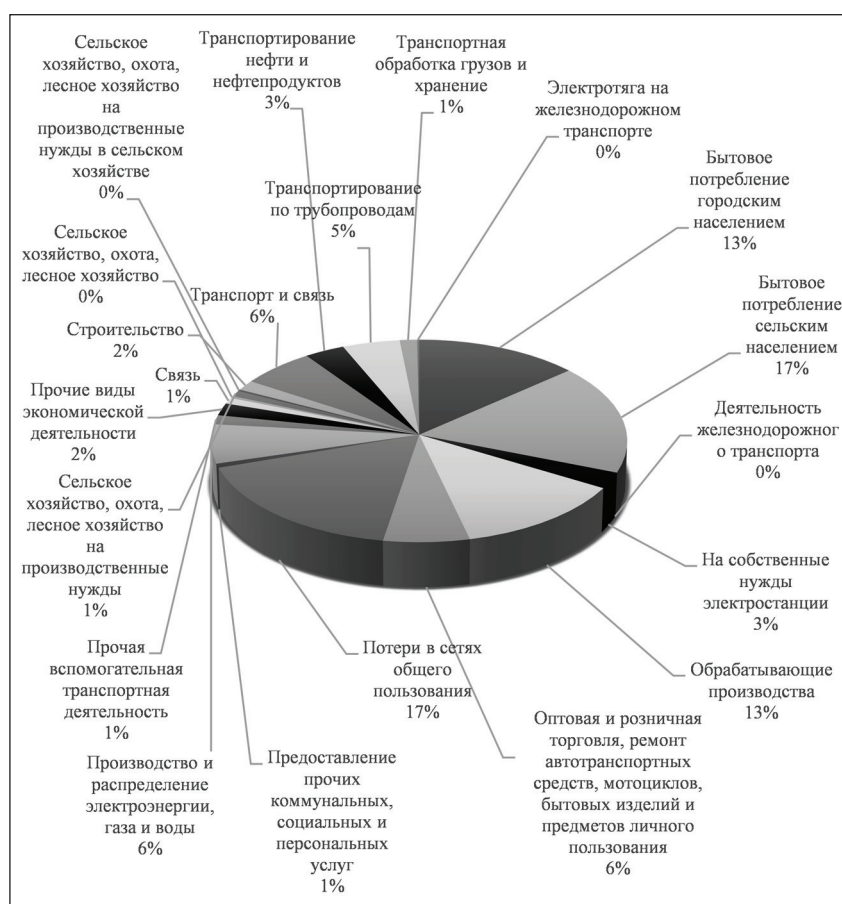

Рис. 2. Структура потребления электроэнергии в г. Москве в 2014 г. [15]

Доля потребления электроэнергии на собственные нужды электростанций напротив сократилась на 0,3 п.п. с 7,1% в 2012г. до 6,8% в 2013г.

Рассматривая структуру потребления электроэнергии в г. Москве в 2014 г. (рис. 2) следует отметить, что наибольший удельный вес в общем объеме потребления приходится на бытовое потребление городским населением – 18,6%; 17,6% составляет потребление обрабатывающих производств. Доли остальных структурных частей не превышают 10% в общем объеме потребления, так доля потребления оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования составляет 8,7%, доля производства и распределение электроэнергии, газа и воды – 8,6%, доля потребления транспорта и связи – 8,5%, транспортирования по трубопроводам – 6,5%, транспортирования нефти и нефтепродуктов – 4,6%.

Рассмотренная дифференциация потребления электроэнергии по отдельным видам экономической деятельности, позволяет сделать выводы о следующих изменениях, произошедших по сравнению с потреблением предыдущего года. Доля бытового потребления городским населением сократилась на 9,7 п.п. с 27,8% в 2013 г. до 18,6% в 2014г. Доля потребления электроэнергии обрабатывающими производствами напротив выросла на 7,5 п.п. Аналогичная ситуация в удельном весе потребления в оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования и потреблении транспорта и связи, где рост составил 58,1% и 32,8% соответственно.

Распределение объемов потребления электроэнергии по отдельным видам экономи-

Рис. 3. Структура потребления электроэнергии в г. Москве в 2016 г. [16]

ческой деятельности не имело существенных изменений. Наибольший удельный вес в общем объеме городского потребления приходилось на население и составляло 19,4%, следует отметить, что по сравнению с 2014 г. доля выросла на 0,8 п.п.

Таким образом, 16,6% общего потребления электроэнергии в Москве приходится на прочую вспомогательную транспортную деятельность. Удельный вес потребителя вырос в 8,3 раза.

На долю обрабатывающих производств в 2016 г. приходилось 14,1% общего потребления электроэнергии. Удельный вес потребления обрабатывающей промышленности сократился в 2016 г. по сравнению в 2014 г. на 20%. Доли в общем потреблении таких видов экономической деятельности как деятельность прочего сухопутного транспорта, метрополитен, на собственные нужды электростанций, оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, потери в сетях общего

пользования, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, транспорт и связь колеблются в пределах от 3,2% до 8,8% и суммарно составляют 40%.

Следует отметить, что удельный вес потребления оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования сократился в 2016 г. по сравнению и 2014 г. на 2,5 п.п.

Заключение

Одной из наиболее значимых энергетических проблем столичного региона на сегодняшний день является переход на 50 и больше процентов использования возобновляемых источников энергии в энергетическом секторе.

Следует отметить, что тенденции последних лет по использованию возобновляемых источников электроэнергии хоть и положительны, но все еще по своей доле не превысили и 5% от общего объема потребления. [17,18] Так если в 2012 г доля потребления

энергии, сгенерированной возобновляемыми источниками составляло лишь 0,75%, то в 2016 г. — 3%, т.е. рост в 4 раза.

Широкое внедрение возобновляемых источников связано как с необходимостью повышения уровня энергетической безопасности, так и с задачей недопущения глобального изменения климата путем сокращения выбросов углерода в атмосферу. Проведенные исследования специалистами в области использования возобновляемых источников энергии в энергетическом секторе позволяют сделать вывод о том, что независимость от традиционных видов топлива достигается двумя путями — внедрением возобновляемых источников энергии и сокращением общего энергопотребления. Как видно из анализа основных мировых энергетических стратегий, многие страны перешли на новый уровень национальной безопасности, за счет достижения энергонезависимости и получения звания самой экологической страны, не теряя при этом темпа развития собственной экономики.

Эти же проблемы остро стоят и перед ТЭК Москвы. В течение прошедшего десятилетия ТЭК Москвы в основном сохранял свою энергетическую устойчивость и обеспечивал потребности города в топливе и энергии. Однако качественные

характеристики практически всех основных элементов московского ТЭК не соответствуют масштабам его развития, и все более остро ставят проблемы технического перевооружения систем электро-, тепло- и газоснабжения. Как уже было отмечено ранее, в топливном балансе ТЭЦ Москвы 98,5% составляет газ, 1,5% — мазут. [19] В структуре топлива ТЭЦ ОАО «Мосэнерго» природный газ составляет более 95%. В связи с ростом доли жилищно-коммунальной нагрузки вызывает озабоченность проблема покрытия пиковых нагрузок в период прохождения зимнего максимума.

Энергоснабжение города Москвы обеспечивается на основе морально устаревших технологий 60–70 годов прошлого века и физически изношенного оборудования — степень физического износа основных фондов достигла 42%.

Москва как развивающийся многомиллионный город имеет серьезные экологические проблемы, которые связаны с градостроительством, огромным количеством выбросов, отходов и сбросов, интенсивным ростом шумового, теплового и электромагнитного загрязнения, а также растущим автомобильным парком. По составу загрязняющих превышения предельных допустимых концентраций на жилых территориях отмечались по

диоксиду азота, озону, вблизи автотрасс — по диоксиду азота, озону, формальдегиду.

Основными загрязнителями являются: автотранспорт (83%) и выбросы от стационарных источников промышленных предприятий и объектов топливно-энергетического комплекса (17%).

Анализ фактического состояния и проблем развития отраслей топливно-энергетического комплекса Москвы показывает недостаточно высокую эффективность использования топливно-энергетических ресурсов и наличие значительного потенциала энергосбережения. Работа по энергосбережению является одним из основных направлений энергетической политики города, в связи с чем, целевой задачей всех городских служб становится экономия энергоресурсов. Основные направления в решении этой задачи:

1. Повышение эффективности использования газа в энергетике Москвы, являющейся основным потребителем топлива в городе.

2. Повышение эффективности использования тепловой энергии и снижение ее потребления:

3. Снижение потребления электроэнергии

4. Расширение масштабов использования нетрадиционных и возобновляемых источников энергии.

Литература

1. Государственной программы города Москвы «Энергосбережение в городе Москве» на 2011, 2012—2016 гг. и на перспективу до 2020 года / URL: http://s.mos.ru/common/upload/GTSP_2012-2016.pdf (дата обращения: 03.09.2017)
2. Генеральная схема энергоснабжения города Москвы на период до 2020 года / URL: http://s.mos.ru/common/upload/Prilozhenie_k_PPM_s_zamech_27.01.12.pdf (дата обращения: 03.09.2017)
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2012 г. № 154 г.

References

1. Gosudarstvennoy programmy goroda Moskvy «Energoberezhenie v gorode Moskve» na 2011, 2012—2016 gg. i na perspektivu do 2020 goda / URL: http://s.mos.ru/common/upload/GTSP_2012-2016.pdf (accessed: 03.09.2017) (In Russ.)
2. General'naya skhema energosnabzheniya goroda Moskvy na period do 2020 goda / URL: http://s.mos.ru/common/upload/Prilozhenie_k_PPM_s_zamech_27.01.12.pdf (accessed: 03.09.2017) (In Russ.)
3. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 22 fevralya 2012 g. № 154 g. Moskva

Москва «О требованиях к схемам теплоснабжения, порядку их разработки и утверждения» / URL: <https://rg.ru/2012/03/06/teplosxemy-site-dok.html> (дата обращения: 05.09.2017)

4. Схема теплоснабжения г. Москвы на период до 2030 года с учетом развития присоединенных территорий» / URL: <http://promgaz.gazprom.ru/press/news/2016/12/143922/> (дата обращения: 07.09.2017)

5. ЕМИСС Государственная статистика / URL: <https://fedstat.ru/organizations/> (дата обращения: 09.09.2017)

6. Минашкин В.Г., Садовникова Н.А., Дарда Е.С., Клочкова Е.Н., Моисейкина Л.Г., Шмойлова Р.А. Статистика / под ред. В.Г. Минашкина. М.: ЮРАЙТ, 2013. 448 с.

7. Минашкин В.Г. Статистический анализ структурных изменений на рынке ценных бумаг. М: Финансы и статистика, 2001.

8. Постановление Правительства Москвы от 2 декабря 2008 г. № 1075-пп «Об энергетической стратегии города Москвы на период до 2025 года постановление» / URL: http://www.projects.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_145282_DocumIsPrint__Page_1.html (дата обращения: 09.09.2017)

9. Генеральная схема энергоснабжения города Москвы на период до 2020 года / URL: http://s.mos.ru/common/upload/Prilozhenie_k_PPM_s_zamech_27.01.12.pdf (дата обращения: 13.09.2017)

10. Схема теплоснабжения г. Москвы на период до 2030 года с учетом развития присоединенных территорий» / URL: <http://promgaz.gazprom.ru/press/news/2016/12/143922/> (дата обращения: 17.09.2017)

11. Финмаркет / URL: <http://www.finmarket.ru/news/4448775> (дата обращения: 17.09.2017)

12. Портал Bigpowernews URL: <http://www.bigpowernews.ru/markets/document78177.phtml> (дата обращения: 19.09.2017)

13. Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации / URL: <https://minenergo.gov.ru/node/4421> (дата обращения: 19.09.2017)

14. ЕМИСС Государственная статистика / URL: <https://fedstat.ru/organizations/> (дата обращения: 15.09.2017)

15. ЕМИСС Государственная статистика / URL: <https://fedstat.ru/organizations/> (дата обращения: 16.09.2017)

16. ЕМИСС Государственная статистика / URL: <https://fedstat.ru/organizations/> (дата обращения: 17.09.2017)

17. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 321 (ред. от 31.03.2017) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Энергоэффективность и развитие энергетики»

18. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-

“О trebovaniyakh k skhemam teplosnabzheniya, poryadku ikh razrabotki i utverzhdeniya” / URL: <https://rg.ru/2012/03/06/teplosxemy-site-dok.html> (accessed: 05.09.2017) (In Russ.)

4. Skhema teplosnabzheniya g. Moskvyy na period do 2030 goda s uchetom razvitiya prisoedinen-nnykh territoriy» / URL: <http://promgaz.gazprom.ru/press/news/2016/12/143922/> (accessed: 07.09.2017) (In Russ.)

5. EMISS Gosudarstvennaya statistika / URL: <https://fedstat.ru/organizations/> (accessed: 09.09.2017) (In Russ.)

6. Minashkin V.G., Sadovnikova N.A., Darda E.S., Klochkova E.N., Moiseyikina L.G., Shmoy-lova R.A. Statistika Ed. V.G. Minashkina. M.: YuRAIT, 2013. 448 p. (In Russ.)

7. Minashkin V.G. Statisticheskii analiz struk-turnykh izmeneniy na rynke tsennykh bumag. Mos-cow: Finansy i statistika, 2001. (In Russ.)

8. Postanovlenie Pravitel'stva Moskvyy ot 2 deka-brya 2008 g. No. 1075-pp «Ob energeticheskoy strategii goroda Moskvyy na period do 2025 goda postanovlenie» / URL: http://www.projects.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_Docu-mID_145282_DocumIsPrint__Page_1.html (ac-cessed: 09.09.2017) (In Russ.)

9. General'naya skhema energosnabzheniya goro-da Moskvyy na period do 2020 goda / URL: http://s.mos.ru/common/upload/Prilozhenie_k_PPM_s_zamech_27.01.12.pdf (accessed: 13.09.2017) (In Russ.)

10. Skhema teplosnabzheniya g. Moskvyy na pe-riod do 2030 goda s uchetom razvitiya prisoedinen-nnykh territoriy» / URL: <http://promgaz.gazprom.ru/press/news/2016/12/143922/> (accessed: 17.09.2017) (In Russ.)

11. Finmarket / URL: <http://www.finmarket.ru/news/4448775> (accessed: 17.09.2017) (In Russ.)

12. Portal Vigpowernews URL: <http://www.big-powernews.ru/markets/document78177.phtml> (ac-cessed: 19.09.2017) (In Russ.)

13. Ofitsial'nyy sayt Ministerstva energetiki Rossiyskoy Federatsii / URL: <https://minener-go.gov.ru/node/4421> (accessed: 19.09.2017) (In Russ.)

14. EMISS Gosudarstvennaya statistika / URL: <https://fedstat.ru/organizations/> (accessed: 15.09.2017) (In Russ.)

15. EMISS Gosudarstvennaya statistika / URL: <https://fedstat.ru/organizations/> (accessed: 16.09.2017) (In Russ.)

16. EMISS Gosudarstvennaya statistika / URL: <https://fedstat.ru/organizations/> (accessed: 17.09.2017) (In Russ.)

17. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 321 (red. ot 31.03.2017) «Ob utverzhdenii go-sudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federat-sii «Energoeffektivnost' i razvitie energetiki» (In Russ.)

18. Federal'nyy zakon ot 23.11.2009 № 261-FZ

ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности»/

19. Постановление Правительства Москвы от 02.12.2008 № 1075-ПП (ред. от 09.08.2011) «Об Энергетической стратегии города Москвы на период до 2025 года».

(red. ot 29.07.2017) “Ob energosberezhenii i o pov-yshenii energeticheskoy effektivnosti”. (In Russ.)

19. Postanovlenie Pravitel'stva Moskvyy ot 02.12.2008 No. 1075-PP (red. ot 09.08.2011) «Ob Energeticheskoy strategii goroda Moskvyy na period do 2025 goda». (In Russ.)

Сведения об авторах

Людмила Георгиевна Моисейкина

К.э.н., доцент, доцент кафедры Статистики
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова,
Москва, Россия

Эл. почта: Moiseykina.LG@rea.ru

Екатерина Сергеевна Дарда

К.э.н., доцент кафедры Статистики
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова,
Москва, Россия

Эл. почта: Darda.ES@rea.ru

Information about the authors

Lyudmila G. Moiseykina

Cand. Sci. (Economics), Associate professor,
Associate professor of the Department of Statistics
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

E-mail: Moiseykina.LG@rea.ru

Ekaterina S. Darda

Cand. Sci. (Economics), Associate professor,
Associate professor of the Department of Statistics
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

E-mail: Darda.ES@rea.ru

Эволюция системы экологических налогов, сборов и платежей в Российской Федерации

В статье представлен анализ развития системы налогов и сборов на природные ресурсы в Российской Федерации с 1991 по 2017 гг. Авторы отмечают, что в рамках рассматриваемого периода времени система природоресурсного налогообложения претерпела значительные изменения, связанные с политическими и экономическими трансформационными процессами в Российской Федерации. Последние несколько лет модернизационных преобразований отечественной экономики потребовали пересмотра отношения к рентным доходам, природопользованию и окружающей среде в целом. Последний факт подтверждается и тем, что текущий год объявлен годом экологии в нашей стране.

Целью исследования является обобщение информации о структурных элементах системы экологических налогов, сборов и платежей в Российской Федерации. Основной фокус внимания авторов направлен на механизмы регулирования потребления природных ресурсов как физическими, так и юридическими лицами, а также на необходимость восстановления природного потенциала после его потребления в рамках финансово-производственной деятельности хозяйствующих субъектов в РФ.

Основными аналитическими материалами исследования стали российская правовая база и сопутствующие нормативные подзаконные акты в области налогообложения, официальные разъяснения профильных органов власти, сопутствующие аналитические и статистические материалы, публикации научной и периодической печати.

В целях повышения объективности выводов применялись следующие методы: метод научной абстракции, анализа, синтеза, сравнения, моделирования, группировки данных. Помимо этого, применялся анализ научной литературы, нормативно-правовой базы.

Результатом исследования стало выявление двух базовых категорий платежей: экологические налоги (налог на добычу полезных ископаемых; водный налог; земельный налог; транспортный налог) и экологические сборы (сбор за пользование объектами животного мира и водными биологическими ресурсами; разовые и регулярные платежи за пользование и сбор за участие в конкурсе (аукционе) на пользование недрами; плата за пользование водным объектом; плата за негативное воздействие на окружающую природную среду; утилизационный экологический сбор; платежи гражданско-правового характера: арендная плата за пользование лесами; за пользование земельными участками). Отдельно детально представлены механизмы их взимания.

По итогам исследования авторами рекомендуется проведение уточнения и упрощения механизмов законодательного регулирования всей совокупности природоресурсных платежей, а также предлагается создание прозрачной и понятной системы управления и контроля в целях бережной эксплуатации экологического потенциала территорий Российской Федерации. Анализ действующей системы налогов и соответствующей системы платежей позволил сделать вывод о том, что на законодательном уровне отсутствует единая линия по регулированию природоресурсных платежей. Подобная хаотичность, по мнению авторов, сложно объяснить, так как законодательно нигде не аргументирована та или иная форма налога, сбора, гражданско-правового платежа. Отмечается, что точное понятие экологического налога отсутствует в законодательстве РФ, но это терминологическое словосочетание используют неофициально для обозначения некоторых платёжных обязательств.

Ключевые слова: налогово-бюджетная политика, природные ресурсы, экологический налог, ресурсосбережение, инвестиционный климат.

Elena B. Shuvalova, Mikhail S. Gordienko, Nataliya V. Sibatulina

Plehanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Evolution of the system of environmental taxes and charges in the Russian Federation

The article presents an analysis of the development of the system of taxes and fees on natural resources in the Russian Federation from 1991 to 2017. The authors note that within the period under review, the system of natural resource taxation has undergone significant changes related to the political and economic transformational processes in the Russian Federation.

The last few years of modernization of the domestic economy have required a review of the attitude towards rental income, nature management and the environment as a whole. The last fact is confirmed by the fact that the current year is declared the year of ecology in our country.

The aim of the study is to summarize information on the structural elements of the system of environmental taxes, fees and payments in the Russian Federation. The main focus of the authors' attention is directed to mechanisms for regulating the consumption of natural resources by both natural and legal persons, as well as the need to restore natural potential after consumption within the framework of financial and production activities of economic entities in the Russian Federation.

The main analytical materials of the study were the Russian legal framework and accompanying regulatory by-laws in the field of

taxation, official explanations of the relevant authorities, accompanying analytical and statistical materials, publications of scientific and periodicals.

In order to increase the objectivity of the conclusions, the following methods were used: the method of scientific abstraction, analysis, synthesis, comparison, modeling, grouping of data. In addition, an analysis of the scientific literature, the legal framework was applied. The result of the study was the identification of two basic categories of payments. Environmental taxes (mineral extraction tax, water tax, land tax, transport tax) and environmental charges (collection for use of wildlife and aquatic biological resources. One-time and regular payments for use and collection for participation in a tender (auction) for the use of subsoil, payment for the use of a water body, payment for the negative impact on the environment, recycling environmental charges, payments of the Citizens-legal nature: the rent for the use of forests, for the use of land). The mechanisms of their collection are presented in details.

Based on the results of the study, the authors recommend clarifying and simplifying the mechanisms of legislative regulation of the whole set of natural resources payments and proposing the creation of a

transparent and understandable management and control system for the careful exploitation of the ecological potential of the territories of the Russian Federation. An analysis of the current system of taxes and the corresponding system of payments made it possible to conclude that at the legislative level there is no single line on the regulation of nature-resource payments. Such randomness, according to the authors, is difficult to explain, since there is no reason why this or that form

of tax, collection, civil-legal payment is not argued anywhere. It is noted that the exact concept of environmental tax is absent in the legislation of the Russian Federation, but this terminological phrase is used unofficially to designate some payment obligations.

Keywords: fiscal policy, natural resources, environmental tax, resource saving, investment climate.

Введение

Налогообложение природных ресурсов в нашей стране чрезвычайно актуально, так как играет важную роль в двух основных аспектах. Во-первых, происходит формирование доходной части налогово-бюджетной системы, особенно ярко это видно на примере нефтегазового сектора, во-вторых, проводится поддержание экологической безопасности государства. Нужно отметить, что последнее направление со временем становится ещё более актуальным и проблемным так как связана с: интенсификацией взаимодействия технократического общества и природы, увеличением технологической и рекреационной нагрузки на природный комплекс государства, оскудением и труднодоступностью находящихся ресурсов.

Исторически именно поэтому объективно возникла потребность в регулировании промышленного и личного потребления природных ресурсов посредством профильных налогов и сборов, а также необходимость в восстановлении природного потенциала государства. Изучению взаимосвязи между этими двумя составляющими и посвящено данное исследование.

Вопросы системы налогообложения природных ресурсов в Российской Федерации рассмотрены в статьях отечественных ученых: Шуваловой Е.Б. [1], Маршавиной Л.Я., Чайковской Л.А. [2], Косова М.Е., Ахмадеева Р.Г. [3], Глубоковой Н.Ю. [4], Голубцовой Е.В. [5], Колчина С.П. [6], Ивановой Я.Я. [7], Яшалова Н.Н., [8], Васильевой Н.В. [9],

Ябдулгарова А.А. [10]. Однако анализ этих материалов позволяет сделать вывод о том, что в них не представлена обобщенная информация о структурных элементах системы экологических налогов, сборов и платежей в Российской Федерации. Именно поэтому суть авторской работы заключается в обобщении данных и изучении механизмов регулирования потребления природных ресурсов как физическими, так и юридическими лицами в РФ.

Анализ системы налогов на природные ресурсы в Российской Федерации

В конце 1990 – 1991 гг. в России появились первые экологические платежи в форме налогов и сборов, функциональное назначение которых заключалось в выполнении фискальной функции – поступлении доходов в бюджеты различных уровней, стимулировании снижения уровня негативного воздействия на окружающую природную среду; аккумуляции финансовых ресурсов, предназначенных для ликвидации негативных экологических последствий в случае их возникновения.

Хронологически одним из первых законодательных актов в сфере регулирования налогообложения на природные ресурсы был закон Российской Федерации «О недрах» [11], который установил правовые и экономические основы комплексного рационального использования и охраны недр, параметры платежей при их разработке и использовании.

Абзацем 2 статьи 39 закона были установлены стандартные виды платежей:

1) сбор за участие в конкурсах, аукционах или выдачу лицензий;

2) платежи за пользование недрами, включая:

– платежи за добычу полезных ископаемых;

– платежи за проведение поисковых и разведочных работ;

– платежи за пользование недрами в целях, не связанных с добычей полезных ископаемых, в том числе для строительства и эксплуатации подземных сооружений;

3) отчисления на воспроизводство минерально-сырьевой базы;

4) акцизы.

Все перечисленные виды платежей, кроме конкурсного и аукционного участия, а также лицензирования относились с точки зрения классификации к налоговым.

Практическое применение закона выявила ряд упущений, требовавших нормативно-правового уточнения и дополнения, для чего Министерство финансов РФ выпустило инструкцию «О порядке и сроках внесения в бюджет платы за право на пользование недрами» [12]. Документ пояснял методику расчета платежей за недра при добыче, которые должны были быть исчислены как доля от стоимости добытых полезных ископаемых с учетом потерь в процессе добычи, не превышающих нормативных значений. На сверхнормативные потери предполагалось двойное увеличение платежей. В качестве стимулирования смежной с добычей — обрабатывающей промышленности предусматривалась виновность использования понижающего коэффициента. Различные

виды полезных ископаемых перераспределялись на строго прописанные уровни бюджетной системы.

По форме платежи за пользование недрами представляли собой разовые взносы или регулярные платежи в течение всего срока деятельности недропользователя. При этом на уровне федерального центра устанавливались критерии относительно каждого месторождения и порядка условий внимания платежей. При предоставлении лицензии на пользование недрами происходило уточнение окончательных размеров платежей.

В качестве поддержки и стимулирования добывающего сектора экономики при определенных условиях компаниями предоставлялись льготы, как правило в форме освобождения от уплаты. Дополнительное финансирование геологоразведочной деятельности в труднодоступных районах разработки и добычи полезных ископаемых проводилось за счет отчислений на воспроизводство минерально-сырьевой базы. Размеры отчислений устанавливались для каждого месторождения индивидуально в зависимости от его потенциальных экологических и экономических характеристик по инициативе Правительства РФ и ежегодно пересматривались Парламентом РФ при разработке и принятии федерального закона на очередной финансовый год.

Механизм расчёта отчислений фактически основывался на той же налоговой базе, которая определялась и у платежей за добычу — облагалась стоимость первого товарного продукта, произведенного из добытого сырья. Отличие лишь в том, что отчисления носили целевой характер, так как они перечислялись в целевые бюджетные фонды на федеральном и региональном уровне. Аккумулированные финансовые ресурсы предназначались на геологическое изучение недр.

логическое изучение недр.

В 2002 г. вступила в силу глава 26 НК РФ, которая свела воедино принятое ранее законодательство по использованию недр в основных элементах налога на добычу полезных ископаемых [13], федерального по своему характеру, обязательному к уплате на всей территории страны. Автоматически были отменены ранее взимаемая плата за пользование недрами, отчисления на воспроизводство минерально-сырьевой базы, а также акцизы на нефть и стабильный газовый конденсат (ранее они рассчитывались по твердым ставкам в рублях за 1 тонну добытого минерального сырья, с учетом её стоимости).

В целом введение НДС послужило значительному увеличению поступлений налога в бюджет по сравнению с ранее существовавшей системой рентных платежей, закрепило налогом первостепенное значение на длительный период с 2001 по 2014 гг.

Ранее в систему оплаты входили платежи за пользование животным миром, штрафы браконьерство — сверхлимитный и нерациональный подход к использованию ресурсов [14]. Помимо этого, существовал сбор за выдачу лицензии для осуществления соответствующей деятельности. Перечисленные платежи не входили в законодательно установленную налоговую систему, но имели при этом обязательный характер. Кроме того, отсутствовал четкий механизм поступления в бюджет платежей за природные ресурсы, следовательно, эти средства не имели целевого компенсаторного назначения.

Позднее в постановлении Правительства РФ «О плате за пользование объектами животного мира и ее предельных размерах» [15] были конкретизированы объекты налогообложения, изъятие которых из среды обитания должно было

производиться строго при наличии лицензии или разрешения: объекты охоты; объекты рыболовства; виды животного мира, занесенные в Красную книгу РФ; другие виды, закрепленные в законодательстве РФ. Налогоплательщиками могли быть отечественные или зарубежные юридические лица, граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства. Изъятие объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты, при отсутствии лицензии постановлением было запрещено.

Размер платы устанавливался на региональном уровне органами исполнительной власти субъектов РФ в соответствии с постановлением Правительства РФ «О предельных размерах платы за пользование объектами животного мира, отнесенными к объектам охоты, изъятие которых из среды их обитания без лицензии запрещено» [16]. Лицензию получали, как правило, физические лица, оплачивая её в авансовой форме.

Законодательство о пользовании водными биологическими ресурсами в 90-х годах учитывало преимущественно принцип платности их использования, уделяя минимальное внимание их регенерации.

В 1998 г. были установлены ставки за использование водных ресурсов, однако, прозрачный и понятный механизм исчисления и внесения платы отсутствовал. Он применялся вплоть до 2001 г., а поступления перечисляли в основной своей массе предприятия, включая компании с зарубежным участием, в меньшей мере — граждане-физические лица.

В 2001 г. стали применяться два основных механизма выдачи доступа к водным ресурсам — аукционная система продажи квот (применялась только по отношению к пользующимся повышенным потребительским спросом ресурсам), а также межправи-

тельствственные соглашения. В случае, если компания предоставляла сырье рыбодобычи на отечественные предприятия по переработке, либо реализовывала продукцию внутри страны — она имела право получить квоту бесплатно. Физические лица должны были также приобретать лицензию-разрешение, оплата которой поступала на счет выдающего документ органа.

С 1 января 2004 г. глава 25.1 НК РФ легитимизовала сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов, которые отменили выплаты за пользование объектами животного мира и применяемый ранее аукционный механизм квотирования на ловлю водных биологических ресурсов в рамках промышленной деятельности хозяйствующего субъекта, за исключением случаев использования ресурсов в промышленном масштабе или в новых районах развития промысла. Сборы и сегодня являются федеральными доходами и действуют на всей территории нашей страны.

Новые сборы должны были стать в соответствии с «Концепцией развития рыбного хозяйства РФ на период до 2020 г.» [17] инструментом развития рыбохозяйственного сектора экономики России. Фактически в 2000–2014 гг. наибольшее активно развивается только Дальневосточный рыбохозяйственный регион, увеличивший объем добычи с 1,8 млн. тонн. До 3,3 млн. тонн. [18]. Динамика показателей остальных регионов характеризуется боковым трендом, без существенного изменения в большую или меньшую стороны.

В 2005 г. была введена глава 25.2 НК РФ — водный налог, регулирующий взимания нового обязательного платежа, относящегося к федеральному уровню. Ранее механизм

взимания платежей по этому направлению регулировался исключительно Водным кодексом РФ и федеральным законом «О плате за пользование водными объектами» [19]. Позднее с 2007 г. вступила новая редакция Водного кодекса [20], уточнившая методы охраны и восстановления водных объектов.

Транспортный налог введен в действие с 1 января 2003 года вместо двух налогов: с владельцев транспортных средств и налога на водно-воздушные транспортные средства. Дорожные фонды, формировавшиеся на основе упраздненных налогов, показали свою несостоятельность и были упразднены.

Современный транспортный налог регулируется главой 28 НК РФ, обязателен на территории каждого субъекта РФ, в полномочиях которого и находится становление ставки налога, порядка и сроков его уплаты, корректировка величины налоговых льгот и оснований для их использования. Налогообложение транспорта не отличается высокой степенью сложности, но связано с наличием дифференциации в доходах граждан, а, следова-

тельно, и с наличием возможности установления прогрессивной шкалы.

С 2005 г. вступили в силу поправки к статьям 13–15 Первой части НК РФ [21], упразднив ранее действовавший перечень налогов и сборов. В соответствии с этими статьями была установлена и действует следующая иерархия налогов на природные ресурсы, представленная в табл. 1.

Помимо налогов общей системы налогообложения в целях привлечения российских и иностранных инвестиций в поиск, разведку и добычу минерального сырья на территории Российской Федерации была принята глава 26.4 НК РФ «Система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции» [22]. Она установила возможность применения специального налогового режима, применяемого при выполнении соглашений о разделе продукции. Инвестор-налогоплательщик в таком случае должен быть освобожден от уплаты: региональных и местных налогов по решению соответствующих органов власти; налога на имущество организаций, которое

Таблица 1

Экологические налоги в Российской Федерации

№	Название	Ставка	Уровень
1	Налог на добычу полезных ископаемых	Ст. 342 НК РФ, процентная ставка в рублях или за 1 тонну, или за 1000 куб. м добытых ископаемых	Федеральный
2	Водный налог	Ст. 333.12 НК РФ, перечень ставок в рублях за 1000 куб. м воды	Федеральный
3	Земельный налог	Ст. 394 НК РФ определяет 2 предела ставок: до 0,3% и до 1,5% — в зависимости от категории земель.	Региональный
4	Транспортный налог	Ст. 361 НК РФ указывает ставки в рублях на каждую лошадиную силу, значения которых изменяются в зависимости от количества л. с. При этом региональные власти могут максимально увеличить или уменьшить ставки в 10 раз.	Региональный

Источник: составлено авторами на основе НК РФ

Экологические сборы и платежи

№	Название	Ставка	Уровень
1	Сбор за пользование объектами животного мира и водными биологическими ресурсами	В ст. 333.3 НК РФ указан перечень ставок в рублях за 1 животное или за 1 тонну биологического ресурса	Федеральный
2	Разовые и регулярные платежи за пользование и сбор за участие в конкурсе (аукционе) на пользование недрами	Устанавливаются Федеральным агентством по недропользованию (Роснедра) в рублях за 1 кв. км участка недр	Федеральный
3	Плата за пользование водным объектом	Устанавливается за 1 тыс. куб. метров водных ресурсов, забранных (изъятых) из водного объекта	Федеральный
4	Плата за негативное воздействие на окружающую природную среду	Статья 16 соответствующего федерального закона. Коэффициенты в зависимости от объемов негативного воздействия на окружающую среду или внедрения передовых технологий очистки	5% в федеральный бюджет 40% в бюджеты субъектов РФ 55% в бюджеты муниципальных районов и городских округов или 5% в федеральный бюджет 95% в бюджеты субъектов РФ – городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга
5	Утилизационный экологический сбор	Статья 16 соответствующего федерального закона. Коэффициенты в зависимости от объемов негативного воздействия на окружающую среду в части размещения отходов	5% в федеральный бюджет 40% в бюджеты субъектов РФ 55% в бюджеты муниципальных районов и городских округов или 5% в федеральный бюджет 95% в бюджеты субъектов РФ – городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга
6	Платежи гражданско-правового характера: – арендная плата за пользование лесами; – за пользование земельными участками	Статья 73 Лесного кодекса Российской Федерации	Федеральный, региональный или муниципальный в зависимости от собственника

Источник: составлено на основе действующего законодательства Российской Федерации

применяется для основной деятельности по соглашению; таможенной пошлины и транспортного налога.

Помимо налогов выделяют экологические сборы и платежи, представленные в таблице 2, которые представляют собой разнородную совокупность различного рода выплат.

Заключение

Анализ действующей системы экологоориентированных налогов и соответствующей системы платежей позволяет сделать вывод о том, что на законодательном уровне отсутствует единая линия по

регулированию природоресурсных платежей. Подобная хаотичность сложно объяснить – законодательно нигде не аргументирована та или иная форма налога, сбора, гражданско-правового платежа. При этом точное понятие экологического налога отсутствует в законодательстве РФ, но это терминологическое словосочетание используют неофициально для обозначения некоторых платёжных обязательств, рассмотренных в таблице 1.2.

Однако законодательным и исполнительным органам власти необходимо учитывать ключевой принцип при-

родопользования – принцип платности при использовании природных ресурсов, который и обуславливает установление и взимание природоресурсных платежей. Установление прозрачной и понятной системы платы за природные ресурсы является стимулирующим инструментом бережной эксплуатации экологического потенциала, а также залогом поддержания экологического равновесия и экономической ответственности хозяйствующих субъектов. Это направление в Российской Федерации требует постоянного контроля и дальнейшего обновления нормативно-правовой базы.

Литература

1. Курочкина И.П., Маматова Л.А., Мирнова О.А., Шувалова Е.Б. экологическая безопасность: экономический механизм ее обеспечения // Инновационное развитие экономики. 2017. № 3 (39). С. 251–258.
2. Маршавина Л.Я., Чайковская Л.А. Налоги и налогообложение. Учебник. Москва, 2016. Сер. 68 Профессиональное образование (1-е изд.).
3. Косов М.Е., Ахмадеев Р.Г. Введение прогрессивной шкалы по НДФЛ: палитра мнений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 205–212.
4. Глубокова Н.Ю. Налоговое планирование. Учебное пособие. Москва, 2011.
5. Голубцова Е.В. Роль налогов в экологическом развитии России // Российское предпринимательство. 2012. № 21. С. 184–190.
6. Колчин С.П. Налоги в Российской Федерации. Учебное пособие Москва, 2012.
7. Иванова Я.Я. Оптимизация налогообложения добычи полезных ископаемых // Международная торговля и торговая политика. 2014. № 4 (84). С. 5–12.
8. Яшалова Н.Н. Необходимость структурных изменений в налогообложении в направлении его экологизации // Финансы и кредит. 2015. № 2 (626). С. 38–46.
9. Васильева Н.В. Природоресурсные платежи как вид бюджетных доходов // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 12 (73). С. 55–64.
10. Ялбулганов А.А. Понятие природоресурсных платежей в правовой доктрине и законодательстве Российской Федерации // Петербургский юрист. 2016. № 2. С. 49–64.
11. О недрах: закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 26.07.2017). Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.08.17).
12. О порядке и сроках внесения в бюджет платы за право на пользование недрами: инструкция Минфина РФ от 04.02.1993 № 8, Госналогслужбы РФ от 30.01.1993 № 17, Госгортехнадзора РФ от 04.02.1993 № 01-17/41 (Зарегистрировано в Минюсте РФ 19.04.1993 № 229). Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.08.17).
13. О естественных монополиях: федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 126-ФЗ. Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.08.17).
14. О животном мире: федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ (последняя редакция). Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.08.17).
15. О плате за пользование объектами животного мира и ее предельных размерах: постановление Правительства РФ от 29 сентября 1997 г. № 1251. Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.08.17).
16. О предельных размерах платы за пользование объектами животного мира, отнесенными к объектам охоты, изъятие которых из среды их

References

1. Kurochkina I.P., Mamatova L.A., Mironova O.A., Shuvalova E.B. ekologicheskaya bezopasnost': ekonomicheskii mekhanizm ee obespecheniya. Innovatsionnoe razvitie ekonomiki. 2017. No. 3 (39). P. 251–258. (In Russ.)
2. Marshavina L.Ya., Chaykovskaya L.A. Nalogi i nalogooblozhenie. Uchebnik. Moskva, 2016. Ser. 68 Professional'noe obrazovanie (1 ed.). (In Russ.)
3. Kosov M.E., Akhmadeev R.G. Vvedenie progressivnoy shkaly po NDFL: palitra mneniy. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. No. 1. P. 205–212. (In Russ.)
4. Glubokova N.Yu. Nalogovoe planirovanie. Uchebnoe posobie. Moskva, 2011. (In Russ.)
5. Golubtsova E.V. Rol' nalogov v ekologicheskom razvitii Rossii. Rossiyskoe predprinimatel'stvo. 2012. No. 21. P. 184–190. (In Russ.)
6. Kolchin S.P. Nalogi v Rossiyskoy Federatsii. Uchebnoe posobie Moskva, 2012. (In Russ.)
7. Ivanova Ya.Ya. Optimizatsiya nalogooblozheniya dobychi poleznykh iskopaemykh. Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika. 2014. No. 4 (84). P. 5–12. (In Russ.)
8. Yashalova N.N. Neobkhodimost' strukturnykh izmeneniy v nalogooblozhenii v napravlenii ego ekologizatsii. Finansy i kredit. 2015. No. 2 (626). P. 38–46. (In Russ.)
9. Vasil'eva N.V. Prirodoresursnye platezhi kak vid byudzhetykh dokhodov. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. 2016. No. 12 (73). P. 55–64. (In Russ.)
10. Yalbulganov A.A. Ponyatie prirodoresursnykh platezhey v pravovoy doktrine i zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii. Peterburgskiy yurist. 2016. No. 2. P. 49–64. (In Russ.)
11. O nedrakh: zakon Rossiyskoy Federatsii ot 21.02.1992 N 2395-1 (ed. 26.07.2017). Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (accessed: 25.08.17). (In Russ.)
12. O poryadke i srokakh vneseniya v byudzhety platy za pravo na pol'zovanie nedrami: instruktsiya Minfina RF ot 04.02.1993 N 8, Gosnalogsluzhby RF ot 30.01.1993 N 17, Gosgortekhnadzora RF ot 04.02.1993 N 01-17/41 (Zaregistrovano v Minyuste RF 19.04.1993 N 229). Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (accessed: 25.08.17). (In Russ.)
13. O estestvennykh monopoliyakh: federal'nyy zakon ot 8 avgusta 2001 g. No. 126-FZ. Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (accessed: 25.08.17). (In Russ.)
14. O zhivotnom mire: federal'nyy zakon ot 24.04.1995 No. 52-FZ (poslednyaya redaktsiya). Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (accessed: 25.08.17). (In Russ.)
15. O plate za pol'zovanie ob»ektami zhivotnogo mira i ee predel'nykh razmerakh: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29 sentyabrya 1997 g. No. 1251. Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (accessed: 25.08.17). (In Russ.)
16. O predel'nykh razmerakh platy za pol'zovanie ob»ektami zhivotnogo mira, otnesennymi k ob»ektam okhoty, iz»yatie kotorykh iz sredy

обитания без лицензии запрещено: постановление Правительства РФ от 4 января 2000 г. № 1. Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.08.17).

17. О Концепции развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 02.09.2003 № 1265-р (ред. от 21.07.2008) Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 26.08.17).

18. О развитии рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации: проект. рабочая группа Президиума Государственного Совета URL: http://vnro.ru/files/Gossovet_doklad.pdf (дата обращения: 26.08.17).

19. О плате за пользование водными объектами: федеральный закон от 06.05.1998 № 71-ФЗ (ред. от 29.06.2004) Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 26.08.17).

20. Водный кодекс Российской Федерации» от 03.06.2006 № 74-фз (принят ГД ФС РФ 12.04.2006) (действ. ред. от 31.12.2014). Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 26.08.17).

21. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации о налогах и сборах: федеральный закон от 29.07.2004 № 95-ФЗ (последняя редакция). Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 27.08.17).

22. О соглашениях о разделе продукции: федеральный закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ. Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 27.08.17).

ikh obitaniya bez litsenzii zapreshcheno: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 4 yanvarya 2000 g. No. 1. Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (accessed: 25.08.17). (In Russ.)

17. O Kontseptsii razvitiya rybnogo khozyaystva Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 02.09.2003 No. 1265-r (ed. ot 21.07.2008) Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (accessed: 26.08.17). (In Russ.)

18. O razvitii rybokhozyaystvennogo kompleksa Rossiyskoy Federatsii: proekt. rabochaya gruppа Prezidiума Gosudarstvennogo Soveta URL: http://vnro.ru/files/Gossovet_doklad.pdf (accessed: 26.08.17). (In Russ.)

19. O plate za pol'zovanie vodnymi ob'ektami: federal'nyy zakon ot 06.05.1998 No. 71-FZ (red. ot 29.06.2004) Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (accessed: 26.08.17). (In Russ.)

20. Vodnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii» ot 03.06.2006 No. 74-fz (prinyat GD FS RF 12.04.2006) (ed. 31.12.2014). Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (accessed: 26.08.17). (In Russ.)

21. O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i priznaniy utrativshimi silu nekotorykh zakonodatel'nykh aktov (polozheniy zakonodatel'nykh aktov) Rossiyskoy Federatsii o nalogakh i sborakh: federal'nyy zakon ot 29.07.2004 No. 95-FZ (poslednyaya redaktsiya). Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (accessed: 27.08.17). (In Russ.)

22. O soglasheniyakh o razdele produktsii: federal'nyy zakon ot 30.12.1995 No. 225-FZ. Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» (accessed: 27.08.17). (In Russ.)

Сведения об авторах

Елена Борисовна Шувалова

Д.э.н., профессор, начальник Управления аттестации и подготовки научных кадров, профессор кафедры Финансового менеджмента Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
Эл. почта: SHuvalova.EB@rea.ru
Тел.: (499) 236 30 68

Михаил Сергеевич Гордиенко

К.э.н., доцент кафедры Финансового менеджмента Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
Эл. почта: GordienkoMikhail@yandex.ru
Тел.: (499) 237 83 52

Наталия Владимировна Сибатулина

Соискатель кафедры Финансового менеджмента Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
Эл. почта: Sibatulina.NV@rea.ru
Тел.: (499) 236 30 68

Information about authors

Elena B. Shuvalova

Dr. Sci. (Economics), Professor, Head of the Department of Attestation and Training of Scientific Personnel, Professor of the Department of Financial Management Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: SHuvalova.EB@rea.ru
Tel.: (499) 236 30 68

Mikhail S. Gordienko

Cand. Sci. (Economics), Associate Professor of the Department of Financial Management Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: GordienkoMikhail@yandex.ru
Tel.: (499) 237 83 52

Nataliya V. Sibatulina

Applicant of the Department of Financial Management Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: Sibatulina.NV@rea.ru
Tel.: (499) 236 30 68

Особенности построения системы показателей статистики насилия над детьми ¹

Современная цивилизация, несмотря на многочисленные достижения и успехи в самых различных сферах человеческой деятельности, к сожалению, пока не смогла полностью избавиться от такой серьезной и постыдной проблемы как насилие над детьми. Не только в экономически отсталых и развивающихся странах, где многочисленные формы ущемления прав детей имеют глубокие исторические корни, но и в подавляющем большинстве самых развитых стран земного шара насилие над детьми сегодня приобрело массовые и катастрофические масштабы. Если же следовать древней мудрости, подразумевающей, что зрелость любого общества в полной мере проступает по тем отношениям, которые сложились в нем применительно к старикам и детям, то напрашивается достаточно простой вывод – земная популяция еще не дошла до понимания целого ряда вечных и простых истин. Ведь любые насильственные действия, осуществляемые над детьми в настоящем, создают объективные и субъективные предпосылки для дальнейшего воспроизводства подобных действий в перспективе, но уже по отношению к еще более молодым поколениям.

В этом контексте совершенно очевидно, что существует насущная потребность в объединении усилий мирового сообщества, государств и отдельных граждан для того, чтобы любые насильственные действия над детьми были прекращены и активно преследовались не только в рамках действующего законодательства, но и в повседневной жизни, где зачастую просто моральная поддержка или осуждение имеют большое практическое значение.

Кроме того, ощущается острая необходимость разработки специальных международных и государственных проектов и программ, ориентированных на соблюдение прав детей, их защиту от проявления любых форм физического и духовного насилия. Представляется, что глубокое содержательное обоснование абсолютно любых мероприятий по ликвидации насилия над детьми, как негативного явления общественной жизни, сложно представить без всесторонней количественной характеристики столь своеобразного объекта исследования, которая по определению невозможна без подробной и достоверной статистической информации.

В настоящее время получение подобных сведений вызывает большие трудности, что, естественно, создает дополнительные преграды на пути познания истинных масштабов распространения и последствий насилия над детьми. По указанным выше причинам большой научный и практический интерес представляет совершенствование методологических основ статистических исследований насилия над детьми, подразумевающее как четкое толкование самого предмета познания, так и разработку современной системы показателей, позволяющей отобразить различные стороны и аспекты столь сложного и негативного общественного явления.

Ключевые слова: статистика, насилие над детьми, система показателей, статистическая оценка, несовершеннолетние, детство, демографические угрозы, демографическая безопасность.

Mikhail V. Karmanov, Pavel A. Smelov, Elena A. Egorova, Pavel E. Prokhorov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Peculiarities of construction of the system of indicators of the statistics of violence over children

Despite the numerous achievements and success in various spheres of human activity, the modern civilization, unfortunately, has not yet been able to completely get rid of such a serious and shameful problem as violence against children. Not only in economically backward and developing countries, where numerous forms of infringement of the children's rights have deep historical roots, but in the vast majority of the most developed countries of the world, violence against children has now acquired massive and catastrophic proportions. If we follow the ancient wisdom, that the maturity of any society emerges fully in terms of the relations that have developed in it with regard to the elderly and children, then a rather simple conclusion is drawn: the earth population has not yet reached the understanding of a number of eternal and simple truths. After all, any violent actions committed against children at present create objective and subjective prerequisites for the further reproduction of such actions in the future, but in relation to even younger generations.

In this context, it is quite obvious that there is an urgent need to unite the efforts of the world community, states and individual citizens to stop and actively pursue any violent actions against children not only within the framework of existing legislation, but also in everyday life, where the moral support or condemnation are of great practical importance.

In addition, there is an urgent need to develop special international and state projects and programs, aimed at protecting children's rights and protecting them from any form of physical and spiritual violence. It is difficult to imagine a deep substantive justification of any measures to eliminate violence against children as a negative phenomenon of public life without a comprehensive quantitative description of such a unique object of research, which by definition is impossible without detailed and reliable statistical information.

At present, obtaining such information causes great difficulties, which, naturally, creates additional obstacles to the knowledge of the true extent of the spread and consequences of the violence against children. For the above reasons, it is of great scientific and practical interest to improve the methodological foundations of statistical research on violence against children, implying both a clear interpretation of the subject of cognition and the development of a modern system of indicators that allows displaying various aspects of such a complex and negative social phenomenon.

Keywords: statistics, child abuse, scorecard, statistical assessment, violence, minors, childhood, demographic threats, demographic security.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект №16-02-00331a.

Введение

Проблема насилия и жестокого обращения с детьми возникла не сегодня и наблюдается во всех странах мира независимо от политического и экономического статуса.

И лишь в последние годы, когда тема прав и детей и подростков, их безопасности стала более актуальной, государственные, общественные и правоохранительные органы стали уделять этому все более и более значительное внимание.

Насилие и жестокое обращение с детьми, на наш взгляд, это наиболее тяжкое преступление, так как влечет за собой изменения в дальнейшей жизни ребенка — его эмоциональное состояние, физиологические процессы, урон здоровью, изменение личности, преграды к полноценному развитию и социализации в обществе.

В научной литературе как в России, так и за рубежом в последние годы были опубликованы работы, отражающие медицинские, правовые, социологические и другие аспекты проблемы насилия и жестокого обращения с детьми. По большей части исследования направлены на изучение причин насилия и разработку программ по их предотвращению (юриспруденция), программ терапевтического характера (медицина и психология). Большую работу проводят социологи, однако их исследования носят выборочный характер и затрагивают лишь отдельные города, районы, а иногда и более мелкие группы (например, учащихся одной конкретной школы, колледжа). Организовать всестороннее обследование по проблемам насилия и жестокого обращения с детьми — это практически неподъемное мероприятие, как с финансовой, так и трудозатратной стороны не только для России, но и для любой экономически развитой страны мира.

Это одна из двух основных причин, по которой исследователи данной проблемы не могут в полной мере охарактеризовать степень распространённости насилия. Второй причиной выступает сложность выявления факта насилия или жестокого обращения с детьми. Ведь нередко, когда преступления скрыты и невидимы для посторонних, так как совершаются родителями или близкими родственниками, а ребенок не может рассказать об этом. В старшем подростковом возрасте, особенно для мальчиков, трудно рассказать родителям об издевательствах своих сверстников или одноклассников.

Третьей проблемой можно назвать то, что в изданиях различных научных направлений существует свое определение «насилия», «жестокого обращения», т.е. оно размыто. И то, что для одного ребенка может быть жесточайшей грубостью, насилием, для другого — лишь стычкой, дракой и т.д. И при проведении какого-либо обследования дети могут дать только субъективный ответ, который к тому же будет сопровождаться эмоциональными переживаниями.

Целью данной работы является обоснование и построение системы показателей статистики насилия над детьми на основе анализа имеющихся форм статистической отчетности, а также разнообразных докладов государственных органов власти.

Постановлением правительства РФ от 28 марта 2012 года № 248 (<http://docs.cntd.ru/document/902338487> — редакция, действующая с 1 января 2017) ежегодно выпускается государственный доклад «О положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации». В докладах на протяжении многих лет отмечаются негативные показатели: ухудшение здоровья детей и подростков, рост психических

расстройств, большое число правонарушений, совершаемых подростками, рост наркомании и алкоголизма. Все эти проблемы требуют глубоких исследований статистиков, социологов, психологов и многих других специалистов для выявления и выработки конкретной политики для предотвращения этих явлений. Однако, стоит отметить, что многие подростковые проявления асоциальных поступков вызваны жестоким обращением в семье, в школе, а также и насилием.

Основная часть

Современное общество, к сожалению, продолжает оставаться достаточно несовершенной системой, в которой творились и продолжают твориться нарушения, несовместимые с цивилизованным представлением о действительности. Среди них особое место занимает насилие над детьми, то есть частью населения, еще не достигшей совершеннолетия и не способной достойно ответить на любые посягательства в свой адрес.

По официально опубликованным данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) примерно 20% женщин и 5–10% мужчин вспоминают о том, что в детстве подвергались сексуальному насилию, а 25–50% всех детей сообщают о том, что подвергались физическому насилию. [1] По сведениям ЮНИСЕФ каждые пять минут на земном шаре убивают одного ребенка. [2]

В этом аспекте не является исключением и Российская Федерация, где по данным Федеральной службы государственной статистики ситуация с преступными посягательствами на детей носит не простой и противоречивый характер (табл. 1). [3]

За 2010–2015 гг. в нашей стране, несмотря на общее сокращение числа несовершеннолетних, потерпевших

Таблица 1

Число несовершеннолетних*, потерпевших от преступных посягательств, тыс. чел.

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего	110,2	93,2	89,2	89,1	95,4	102,7
из них:						
– погибли	1,7	1,8	2,1	2,1	2,2	2,6
– получили тяжкий вред здоровью	2,4	2,5	2,7	2,9	3,1	3,1

* Лица мужского и женского пола в возрасте до 17 лет включительно.

от преступных посягательств на 7,5 тыс. человек или 6,8%, наблюдался рост числа детей, которые в результате погибли (на 0,9 тыс. чел. или на 52,9%) или получили тяжкий вред здоровью (на 0,7 тыс. чел. или на 29,2%).

Для качественного изменения сложившейся обстановки требуется разработка специальных государственных и региональных программ, ориентированных на существенное сокращение случаев и последствий насилия над детьми. Однако решение данной задачи вряд ли возможно без адекватной количественной характеристики, как масштабов, так и других параметров рассматриваемого общественного явления.

Чтобы получить правильное представление о степени распространенности насилия над детьми требуется располагать целым спектром статистических показателей, потому что отдельные индикаторы вряд ли способны полно и всесторонне отразить основные черты столь сложного объекта. Непростой характер насилия над детьми связан с тем, что значительная часть правонарушений направленных против лиц несовершеннолетнего возраста, сокрыта от общества, так как происходит в бытовых условиях и достаточно часто не выносится из круга семьи.

Одновременно стоит обратить внимание на тот факт, что, если судить по данным, приведенным в таблице 1, в настоящее время статистический учет в России случаев

насилия над детьми в значительной мере привязывается к зафиксированным преступным посягательствам на несовершеннолетних. Кроме того, нельзя не отметить, что опора исключительно на абсолютные показатели, отражающие только размеры или масштабы конкретного общественного явления, не в состоянии отобразить реперные точки процесса, связанного с насилием над детьми. Низкая информативность абсолютных индикаторов и невозможность их использования в сравнительном анализе серьезно ограничивает рамки статистического исследования насилия над детьми, как в контексте распространенности данного явления, так и в контексте его разнообразных общественных последствий.

Если обратиться к практике использования показателей для характеристики тех или иных параметров насилия над детьми, то можно выделить следующие особенности.

Во-первых, достаточно часто привлекается такой простейший индикатор, как абсолютное число детей, подвергшихся насилию. [4] Его наглядность и познавательная ценность играют плохую службу в контексте содержательного статистического анализа. Наряду с уже упомянутыми выше сложностями проведения территориальных и временных сопоставлений на передний план выступает некая качественная несостоятельность. Она вызвана тем, что случаи насилия над детьми могут серьезно

но различаться между собой. Насилие может носить психологический, физический или комбинированный характер, а также различаться по последствиям (ущерб здоровью, гибель и т.п.). В итоге каждый конкретный ребенок, подвергшийся насилию, это не общий, а сугубо индивидуальный случай и говорить серьезно даже о малейшей сравнимости абсолютных индикаторов не приходится вообще.

Во-вторых, не остается без внимания структура детей, которые оказались вовлечены в круг насильственных действий (особенно с позиций половой и возрастной принадлежности). [1] Но подобная детализация элементарно наследует все недостатки общих абсолютных индикаторов. Ведь, например, один ребенок в результате насильственных действий испытывает серьезные психологические и моральные потрясения, а другой ребенок заканчивает жизнь самоубийством. Однако подобные различия остаются за кадром общего числа детей, подвергшихся насилию.

В-третьих, не снимает проблемы и попытка отдельного выделения числа детей, которые были подвержены исключительно сексуальному насилию. Причина остается все той же, так как последствия детского сексуального насилия могут быть совершенно различными и часто носят строго индивидуальный и непредсказуемый характер.

В-четвертых, выход из создавшейся ситуации не получается даже на основе перехода к числу случаев насилия над детьми, включая и убийства, в определенную единицу времени. [2] Такой прием позволяет выйти на определенную временную интенсивность случаев насилия над детьми. Однако только частота возникновения во времени тех или иных общественных явлений не представляет возможность получать комплексную характеристику

рассматриваемого объекта, в том числе и насилия над детьми.

В этой связи чтобы выскользнуть из определенного тупика объективно приходится признать, что прикладное исследование насилия над детьми сложно реализовать без определенного набора показателей, логично и последовательно дополняющих друг друга. По этой причине возникает вполне естественный и закономерный вопрос о целесообразности и правомочности привлечения тех или иных количественных индикаторов для детальной и всесторонней оценки достаточно сложного по содержанию и крайне неблагоприятного по своим последствиям общественного процесса.

С теоретической точки зрения для статистической характеристики насилия над детьми могут быть применены два подхода: [5]

- по числу собственно случаев насильственных действий;
- по числу детей, вовлеченных в круг случаев насильственных действий.

Первый из названных вариантов изначально фокусирует внимание исключительно на установлении именно количества имевших место фактов насилия над детьми. Второй вариант отличается тем, что ориентирован на численность детей, подвергшихся насильственным действиям. Данные подходы принципиально не совпадают между собой тем, что один и тот же случай насилия может охватывать как одного ребенка, так и их группу. Или, например, несколько случаев насилия могут повторяться и относиться к одному ребенку.

Если каждый из названных подходов попытаться систематизировать, то можно предложить следующую универсальную конструкцию (рис. 1).

Представленная на рисунке 1 система показателей насилия над детьми (вне зависимости

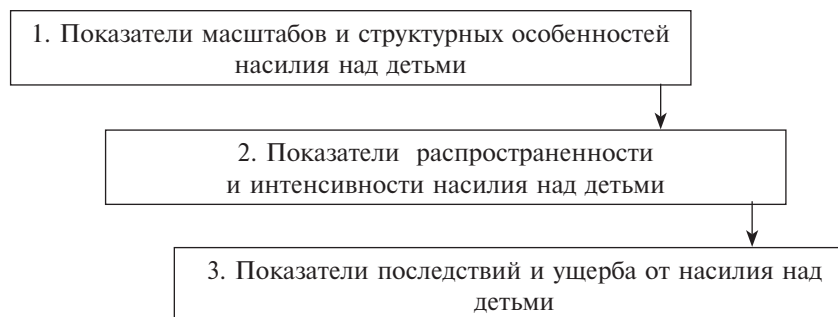

Рис. 1. Система показателей насилия над детьми

от выбранного подхода) подразумевает последовательную характеристику рассматриваемого объекта по строго установленному логическому алгоритму. Его смысл сводится к тому, чтобы оттолкнуться от состояния (то есть масштабов и структуры) рассматриваемого общественного явления, так как абсолютные размеры процесса насилия над детьми дают общее представление о фактически сложившейся ситуации. Затем в ход идут параметры развития (то есть распространенности и интенсивности), чтобы установить относительные размеры процесса, связанного с насильственными действиями над детьми. И, наконец, в заключение вступают индикаторы результатов (то есть последствий и ущерба), которые могут быть привязаны практически к любому явлению, в том числе и применительно к насилию над детьми. Причем именно в совокупности показатели состояния, развития и достигнутых результатов предоставляют возможность логично отобразить различные стороны насилия над детьми.

Универсальность предлагаемой конструкции может быть доказана своим всеобщим характером, потому что может быть рассмотрена в трех самостоятельных разрезах:

- применительно только к числу случаев насилия над детьми;
- применительно только к числу детей, подвергнувшихся насилию;

- применительно и к числу случаев, и к числу детей, связанных с насильственными действиями.

Последний разрез по сути дела отражает объединительную концепцию. В этом случае совместно используются все рассмотренные выше статистические индикаторы без их сознательного предварительного распределения по двум самостоятельным вариантам: случаям насилия над детьми и детям, подвергнувшимся насилию. Данный вариант в известной мере носит дискуссионный характер, но разрешает соединить воедино все принципиально важные статистические характеристики насилия над детьми.

В построенной системе показателей все показатели взаимосвязаны и позволяют охарактеризовать различные стороны проблемы изучения насилия над детьми, располагаются не хаотично, а в конкретной иерархической последовательности. В результате исследователь может иметь целостность прикладного анализа, заключающегося в постепенном переходе от одних параметров к другим, органично дополняющим уже осуществленные расчеты.

Формирование любой системы показателей по большому счету включает в свой состав два этапа. Прежде всего, требуется решить из каких разделов (блоков, частей и т.п.) она будет состоять, то есть по сути дела выделить основополагающие направления статисти-

ческого анализа. После этого необходимо перейти к практическому наполнению каждого из выделенных разделов конкретными характеристиками. Далее стоит задача обоснования и наполнения отдельных блоков (разделов), включающих конечное число содержательных параметров. При этом характеристики должны быть взаимоувязанными и взаимодополняемыми, тогда и система показателей для всесторонней оценки насилия над детьми будет носить вполне убедительный, обоснованный и своевременный характер.

Среди индикаторов, акцентированных на идентификацию случаев насилия над детьми, целесообразно выделить:

1) общее число случаев насилия над детьми на конкретной территории за определенный период времени (например, за год);

2) структура общего числа случаев насилия над детьми по тем или иным признакам:

- пол,
- возраст,
- состав семьи,
- место жительства и т.д.);

3) число случаев насилия над детьми, зафиксированных в единицу времени (в день и т.п.);

4) число случаев насилия над детьми в расчете на 1000 детей;

5) удельный вес случаев насилия над детьми с серьезным вредом для здоровья:

- всего,
- в том числе со смертельным исходом;

6) удельный вес случаев насилия над детьми, ставших достоянием общественности;

7) удельный вес случаев насилия над детьми, ставших предметом юридического разбирательства;

8) динамика всех рассмотренных выше показателей.

В составе показателей, нацеленных на характеристику непосредственно численности детей, подвергнувшихся наси-

лию, можно назвать:

1) общая численность детей, подвергшихся насилию на конкретной территории за определенный период времени;

2) структура общей численности детей, подвергшихся насилию по тем или иным признакам

- пол,
- возраст,
- состав семьи,
- место жительства и т.д.);

3) численность детей, подвергшихся насилию в единицу времени;

4) удельный вес детей, подвергшихся насилию;

5) среднее число случаев насилия в расчете на одного ребенка (на 1000 детей);

6) численность и удельный вес детей, подвергшихся насилию с серьезным вредом для здоровья:

- всего,
- в том числе со смертельным исходом;

7) удельный вес детей, вовлеченных в юридические разбирательства, связанные с насильственными действиями;

8) динамика всех рассмотренных выше показателей.

Выделенные варианты количественной оценки параметров общественного процесса, связанного с насилием над детьми, несомненно, нуждаются в дальнейших уточнениях и конкретизации, как с позиций содержания, так и с позиций последовательности расположения и взаимной увязки. Однако в совокупности они разрешают ближе подойти к комплексной характеристике фактов насилия над детьми, к сожалению, еще являющемуся неотъемлемым элементом жизни современного общества.

Также следует особо оговориться о том, что среди предложенных выше показателей насилия над детьми нет интегральных индикаторов, которые бы смогли подойти к разработке обобщающего индекса, отражающего положение дел

в исследуемой области общественной жизни (по аналогии с индексом развития человеческого потенциала, индексом коррупции и т.п.). Создание подобного индикатора является непростой задачей, но позволит в перспективе получать комплексное представление о ситуации с насилием над детьми и проводить международные сопоставления (наличие нескольких частных индикаторов затрудняют реализацию подобной цели, так как всегда возникает проблема с обоснованием отбора отдельных показателей и объединения содержания разнонаправленных статистических величин).

В целом, построение системы показателей насилия над детьми имеет целый ряд особенностей, без учета которых невозможно выйти на понимание сущности рассматриваемого общественного явления и получить его адекватную количественную характеристику. Однако без продвижения по указанному направлению практически невозможно разбраться с масштабами и другими параметрами насилия над детьми и выработать правильные управленческие решения, направленные на минимизацию социально-демографических потерь общества от столь древнего и пагубного пережитка прошлого.

Заключение

Система статистических показателей насилия над детьми включать три раздела, постепенно отражающих состояние, факторы и глубину, а также последствия развития объекта исследования. Она носит достаточно универсальный характер и может быть адаптирована для любых других уровней исследования, т.е. региона, города и т.д.

Разработка системы показателей насилия над детьми позволит исследователям углубить знание об развитии и распро-

странности данного явления и позволит решить следующие задачи:

1. Систематически на научной основе разрабатывать действенные программы по профилактике правонарушений в отношении детей и подростков.

2. Расширить представления государственных органов власти и общественных организаций о реальной ситуации в сфере насилия над детьми, что позволит принимать более действенные законы и эффективно реализовывать их на практике.

3. На основе подробного анализа о структуре насилий и их последствий адаптировать работу социальных служб, общественных объединений и организаций по защите подростков к постоянно меняющимся социально-экономическим и психологическим условиям.

Литература

1. Всемирная организация здравоохранения. Жестокое обращение с детьми. Информационный бюллетень. № 150. Август 2010 г.
2. URL: http://www.bbc.com/ukrainian/news_in_brief/2014/10/141021_sa_unicef_children_violance
3. Российский статистический ежегодник 2016. М.: Росстат. 2016. С. 262.
4. Постановление ГД ФС РФ от 20.11.1997 № 1929-II ГД «О Концепции законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин», п. 4.2.
5. Карманов М.В. Насилие над детьми как особый объект статистического исследования // Статистика и Экономика. 2017. № 2. С. 53–58.
6. Ганджи П., Дуст М., Хакиминия Б. Исследование семейных факторов, влияющих на насилие над детьми со стороны родителей. Молодой ученый. 2013. № 7. С. 366–369.
7. Дворецкая О.В. Психологическое насилие над детьми / URL: <http://nsportal.ru/shkola/raznoe/library/2014/11/10/psikhologicheskoe-nasilie-nad-detmi>
8. Устинова А.В. Понятие и формы жестокого обращения с детьми / URL: <http://pedsovet.su/load/208-1-0-10127>;
9. Barth Richard. Child Welfare Research Review, Volume 1. Columbia University Press. 1994. P. 49–50.
10. Durrant Joan E. The Swedish Ban on Corporal Punishment: Its History and Effects // From Family Violence Against Children: A Challenge for Society / Detlev Frehsee, Wiebke Horn, and Kai-D. Bussmann. New York: Walter de Gruyter & Co. 1996. P. 19–25.
11. URL: <http://womanadvice.ru/nasilie-nad-detmi#ixzz41fCshSs6>;
12. URL: <http://rosinka.net/nasilie-nad-detmi/>
13. АPTYУШИНА О.В. Криминологическая характеристика насильственной преступности в современной России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 18–22
14. Плахотнюк Ю.И. Проблемы определения жестокого обращения с детьми в семье // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57). С. 251–254.
15. Берзин Б. Ю., Копытова К. С. Управлен-

References

1. Vsemirnaya organizatsiya zdavookhraneniya. Zhestokoe obrashchenie s det'mi. Informatsionnyy byulleten' No. 150. August 2010. (In Russ.)
2. URL: http://www.bbc.com/ukrainian/news_in_brief/2014/10/141021_sa_unicef_children_violance
3. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik 2016. Moscow: Rosstat. 2016. p. 262. (In Russ.)
4. Postanovlenie GD FS RF ot 20.11.1997 No. 1929-II GD «O Kontseptsii zakonotvorcheskoy deyatel'nosti po obespecheniyu ravnykh prav i ravnykh vozmozhnostey muzhchin i zhenshchin». p. 4.2. (In Russ.)
5. Karmanov M.V. Nasilie nad det'mi kak osobyy ob»ekt statisticheskogo issledovaniya. Statistika i Ekonomika. 2017. No. 2. P. 53–58. (In Russ.)
6. Gandzhi P., Dust M., Khakiminiya B. Issledovanie semeynykh faktorov, vliyayushchikh na nasilie nad det'mi so storony roditeley. Molodoy uchenyy. 2013. No. 7. P. 366–369. (In Russ.)
7. Dvoretzskaya O.V. Psikhologicheskoe nasilie nad det'mi / URL: <http://nsportal.ru/shkola/raznoe/library/2014/11/10/psikhologicheskoe-nasilie-nad-detmi> (In Russ.)
8. Ustinova A.V. Ponyatie i formy zhestokogo obrashcheniya s det'mi / Elektronnyy resurs: <http://pedsovet.su/load/208-1-0-10127> (In Russ.)
9. Barth Richard. Child Welfare Research Review. Volume 1. Columbia University Press. 1994. P. 49–50.
10. Durrant Joan E. The Swedish Ban on Corporal Punishment: Its History and Effects. From Family Violence Against Children: A Challenge for Society / Detlev Frehsee, Wiebke Horn, and Kai-D. Bussmann. New York: Walter de Gruyter & Co.. 1996 P. 19–25.
11. URL: <http://womanadvice.ru/nasilie-nad-detmi#ixzz41fCshSs6>
12. URL: <http://rosinka.net/nasilie-nad-detmi/>
13. Artyushina O.V. Kriminologicheskaya kharakteristika nasil'stennoy prestupnosti v sovremennoy Rossii. Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2015. No. 2 (20). P. 18–22 (In Russ.)
14. Plakhotnyuk Yu.I. Problemy opredeleniya zhestokogo obrashcheniya s det'mi v sem'e. Vestnik KemGU. 2014. No. 1 (57). P. 251–254 (In Russ.).
15. Berzin B. Yu., Kopytova K. S. Upravlen-

ческая диагностика насилия над детьми: опыт эмпирического исследования // Вопросы управления. 2014. № 3 (9). С. 184–195.

16. Беседина О.А. О понятийном аппарате исследования проблемы жестокого обращения с детьми в семьях // Вестник ЧелГУ. 2013. № 13 (304). С. 134–139.

17. Хачатрян Л.А., Кабанова Н.С. Состояние воспитательного потенциала современной российской семьи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 1 (13). С. 131–141.

18. Маргиева Д.А. Развитие социальных представлений о жестоком обращении с детьми // ПФ. 2013. № 4. С. 124–127.

19. Харин Г. М., Низамутдинов Е. З., Шакирова А. З., Ярошкевич Г. Е. Структура детской смертности на дому по результатам патологоанатомических исследований // ПМ. 2013. № 6 (75). С. 103–105

20. Лотова И.П. Диагностика жестокого обращения с детьми как начальный этап формирования ответственного родительства // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Педагогика и психология. 2016. № 2. С. 178–185.

lencheskaya diagnostika nasiliya nad det'mi: opyt empiricheskogo issledovaniya. Voprosy upravleniya. 2014. No. 3 (9). P. 184–195 (In Russ.).

16. Besedina O.A. O ponyatiynom apparate issledovaniya problemy zhestokogo obrashcheniya s det'mi v sem'yakh. Vestnik ChelGU. 2013. No. 13 (304). P. 134–139 (In Russ.).

17. Khachatryan L.A., Kabanova N.S. Sostoyanie vospitatel'nogo potentsiala sovremennoy rossyskoy sem'i. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya. 2013. No. 1 (13). P. 131–141 (In Russ.).

18. Margieva D.A. Razvitie sotsial'nykh predstavleniy o zhestokom obrashchenii s det'mi. PF. 2013. No. 4. P. 124–127 (In Russ.).

19. Kharin G. M., Nizamutdinov E. Z., Shakirova A. Z., Yaroshkevich G. E. Struktura detskoy smertnosti na domu po rezul'tatam patologoanatomicheskikh issledovaniy. PM. 2013. No. 6 (75). P. 103–105 (In Russ.).

20. Lotova I.P. Diagnostika zhestokogo obrashcheniya s det'mi kak nachal'nyy etap formirovaniyaответственного roditel'stva. Uchenye zapiski ZabGU. Seriya: Pedagogika i psikhologiya. 2016. No. 2. P. 178–185 (In Russ.).

Сведения об авторах

Михаил Владимирович Карманов

Д.э.н., профессор, профессор кафедры Статистики
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова,
Москва, Россия
Эл. почта: Karmanov.MV@rea.ru

Павел Александрович Смелов

К.э.н., доцент, директор Ситуационного центра
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова,
Москва, Россия
Эл. почта: Smelov.PA@rea.ru

Елена Алексеевна Егорова

К.э.н., доцент, заведующий НЛ КМИРР
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова,
Москва, Россия
Эл. почта: Egorova.EA@rea.ru

Павел Эдуардович Прохоров

М.н.с. НЛ КМИРР
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
Эл. почта: Prokhorov.PE@rea.ru

Information about the authors

Mikhail V. Karmanov

Dr. Sci. (Economics), Professor, Professor of the
Department of Statistics,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: Karmanov.MV@rea.ru

Pavel A. Smelov

Cand. Sci. (Economics), Associate professor, Director of
the Situation Centre
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: Smelov.PA@rea.ru

Elena A. Egorova

Cand. Sci. (Economics), Associate professor, Head of the
scientific laboratory
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: Egorova.EA@rea.ru

Pavel E. Prokhorov

Junior researcher
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia
E-mail: Amirhanova.RA@rea.ru

Прогнозирование инфляции на основе индекса потребительских цен с учетом влияния сезонного фактора

Индекс потребительских цен является официальным измерителем уровня инфляции в России. Этот показатель отражает инфляцию с точки зрения потребителей. Для Банка России индекс потребительских цен является важным показателем при принятии решения по ставке, а Правительство, ориентируясь на его значение, индексирует доходы населения. В настоящее время существует острая необходимость в качественном анализе и точном прогнозе данного индекса. Учитывая, что Банк России реализует денежно-кредитную политику в рамках режима таргетирования инфляции, моделирование и прогнозирование уровня инфляции на основе индекса потребительских цен является практически важной задачей в современных макроэкономических условиях. Цель данной работы состоит в получении качественного и точного краткосрочного прогноза уровня инфляции на основе разработки адекватных эконометрических моделей индекса

потребительских цен. В работе рассматриваются два основных класса моделей: модели векторной авторегрессии и модели временных рядов. Вместе с тем, построенная в работе модель векторной авторегрессии, рассматривающая зависимость индекса потребительских цен и номинального эффективного валютного курса, оказалась хуже для целей прогнозирования инфляции по сравнению с нелинейной моделью со структурными компонентами и условной гетероскедастичностью. Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности применения разработанных моделей и прогнозов для принятия оптимальных макроэкономических решений органами государственной власти и управления.

Ключевые слова: инфляция, индекс потребительских цен, эконометрические модели, модели временных рядов, модели векторной авторегрессии, прогноз.

Arina K. Sapova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Forecasting inflation based on the consumer price index, taking into account the impact of seasonal factors

The consumer price index is a key indicator of the inflation level in Russia. It is important for the Central Bank and Government in decision-making process. There is a strong need for high-quality analysis and accurate forecast of this index. Modelling and forecasting of consumer price index as a key indicator of inflation are relevant issues in current macroeconomic conditions. The article is dedicated to development of quality short-term forecast of consumer inflation level, with the impact of seasonal factor. Two classes of models (vector autoregression and time series models) are considered. It was shown that vector autoregression model of the dependency

between consumer price index and nominal effective exchange rate is worse for the purposes of inflation forecast than non-linear model with structural components and conventional heteroscedasticity. The practical significance of this work is that the developed approach to the forecasting of the consumer price index adjusted of seasonal factor can be very helpful for the purpose of proper assessment and regulation of inflation.

Keywords: inflation, consumer price index, econometric models, time series models, vector autoregression models, forecast.

Введение

Индекс потребительских цен (ИПЦ) является официальным измерителем уровня инфляции в России. Этот показатель отражает инфляцию с точки зрения потребителей. Для Банка России ИПЦ является важным фактором при принятии решения по ставке, а Правительство, ориентируясь на его значение, индексирует доходы населения. В

настоящее время существует острая необходимость в качественном анализе и точном прогнозе данного индекса. Учитывая, что Банк России реализует денежно-кредитную политику в рамках режима таргетирования инфляции, моделирование и прогнозирование уровня инфляции на основе ИПЦ является практически важной задачей в современных макроэкономических условиях.

Основная цель данной работы заключается в получении качественного и точного краткосрочного прогноза уровня инфляции в России на основе разработки адекватных эконометрических моделей ИПЦ как ключевого показателя инфляции.

Прогнозирование динамики социально-экономических показателей является важной самостоятельной составляющей экономического анализа,

имеющей глубокие теоретические основания и развитый методологический аппарат.

На сегодняшний день наиболее распространенными являются следующие методы прогнозирования [5]: предположение, догадка; экспертные оценки; экстраполирование; опережающие индикаторы; опросы; модели временных рядов; эконометрические системы. Российские коммерческие, научные и государственные организации используют в своей работе, в той или иной степени, практически все упомянутые методические подходы к прогнозированию.

В Институте экономической политики им. Е.Т. Гайдара проводилось исследование того, какие основные модели применяются в России в целях прогнозирования экономических показателей [4]. По заключению автора, самыми популярными методологическими подходами являются эконометрические методы прогнозирования, из которых наиболее часто встречаются следующие.

Системы эконометрических уравнений (ЦЭМИ, ЦМАКП, ИНП РАН, ИЭП, Центр макроэкономических исследований Сбербанка России, ЭЭГ, Центр развития, Ренессанс Капитал/РЭШ). При этом нередко наличие системы носит формальный (условный) характер в том смысле, что каждое уравнение системы с эконометрической точки зрения оценивается отдельно.

Модели временных рядов (Центр анализа данных, ИЭП). Прогнозирование по моделям временных рядов в России несколько отличается от прогнозирования в других странах (например, в США), поскольку российские прогнозирующие организации, как правило, используют для оценки моделей и построения прогнозов месячные данные, в то время как их западные коллеги основываются на квартальных или даже на годовых рядах.

Это приводит к тому, что в России по моделям временных рядов, как правило, получают краткосрочные прогнозы, а не среднесрочные, как за рубежом.

Метод консенсус-прогнозов (РБК, Центр развития). Фактически данные прогнозы являются комбинацией прогнозов, полученных другими (чаще всего эконометрическими) методами. Вследствие этого такие прогнозы нередко мало отличаются от тех данных, по которым они строятся, а также им свойственны все недостатки, которые присущи исходным прогнозам.

Ряд научных организаций пользуется методом построения опережающих индикаторов (ИЭП, Центр развития).

В данной работе для целей моделирования индекса потребительских цен как основного показателя уровня инфляции для России рассматриваются два основных класса моделей: модели векторной авторегрессии и модели временных рядов.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности применения разработанных моделей и прогнозов для принятия оптимальных макроэкономических решений органами государственной власти и управления.

Особенности инфляционных процессов в России

Природа и отличительные особенности российской инфляции на протяжении многих лет являются темой научных и политических дискуссий.

Первая особенность инфляционных процессов в России, которую большинство исследователей выделяют как отдельный фактор инфляции, связана с высокой зависимостью уровня цен от обменного курса рубля. Это влияние определяется эффектом переноса (exchange rate pass-through) [1]. Резкое падение курса рубля на-

циональной валюты в кризисные периоды являлось одной из основных причин всплесков инфляции (рис. 1).

Эффект влияния курса на общий уровень внутренних цен реализуется через следующие факторы:

- прямое влияние на цены импортируемой конечной продукции;
- изменение цен на отечественную продукцию вследствие удорожания или удешевления промежуточной импортной продукции;
- изменение цен на отечественные товары, напрямую конкурирующие с импортными;
- изменение общего уровня цен в экономике, вызванное увеличением/уменьшением скорости обращения денег вследствие долларизации/дедолларизации экономики на фоне ослабления/укрепления курса национальной валюты.

Статистические данные о доле импорта в ИПЦ отсутствуют, но, согласно оценке Банка России (основанной на представлении о доле импорта в части отдельных товаров), удельный вес импорта в структуре товарных ресурсов розничной торговли составляет в последние годы около 44% [9]. Заметная доля товарного импорта в потребительской корзине обуславливает значимость влияния на инфляцию изменений обменного курса рубля.

В ряде эмпирических работ исследователи акцентируют внимание на различиях между

Рис. 1. Динамика номинального эффективного валютного курса и индекса потребительских цен, %, г/г

странами по степени влияния колебаний обменного курса на уровень цен. Отмечается, что эффект переноса в развивающихся странах и странах с формирующимся рынком выше, чем в развитых [7].

Количественную оценку эффекту переноса в странах СНГ и России дают Л. Корхонен и П. Вачтел [6]. С помощью векторной авторегрессии авторы исследуют масштаб и скорость эффекта переноса обменного курса на уровень потребительских цен в странах СНГ в 1999–2004 годах. Полученные результаты сравниваются с оценками для других развивающихся стран. Авторы приходят к выводу, что внутренние цены достаточно быстро приспосабливаются к изменениям обменного курса национальной валюты к доллару, однако степень влияния обменного курса на ИПЦ в странах СНГ выше, чем в других развивающихся странах. Выяснилось также, что эффект переноса прослеживается только для курса доллара и оказывается статистически незначимым для евро, в отличие от стран Восточной Европы, которые больше ориентированы на евро.

В работе М.А. Катарановой [1] оценивается краткосрочный и долгосрочный эффект переноса для России в 2000–2008 годах. Автор приходит к выводу, что улучшение отдельных

макропоказателей в исследуемый период не дает снижения эффекта переноса обменного курса на инфляцию, как это происходило в других странах. Вместе с тем, эффект переноса носит ярко выраженный асимметричный характер: потребительские цены на много сильнее реагируют на ослабление национальной валюты, чем на ее укрепление.

Вторая особенность инфляционных процессов в России связана с высокими инфляционными ожиданиями населения, которые в свою очередь являются ключевым фактором, определяющим будущую инфляцию. Инфляционные ожидания — предположения относительно уровня будущей инфляции, формируемые субъектами экономики.

Влияние инфляционных ожиданий на макроэкономическую ситуацию было отмечено исследователями еще в 70-х годах прошлого века. Впервые влияние ожиданий на кривую Филлипса (другими словами, на уровень безработицы и инфляции) было описано Робертом Гордоном [2]. Впоследствии эта тема была широко развита Эдмундом Фелпсом, Милтаном Фридманом и другими известными экономистами.

Влияние инфляционных ожиданий населения на инфляцию происходит через два канала (рис. 2). Во-первых, инфляционные ожидания насе-

ления (домохозяйств) влияют на их решения о том, какую часть средств, имеющихся в их распоряжении, направить на сбережение, а какую — на потребление. Рост или снижение потребления в свою очередь влияет на рост или снижение цен. Во-вторых, население может оказывать давление на работодателя, требуя индексаций зарплат. Кроме того, ожидаемый уровень инфляции учитывается производителями при принятии решений, касающихся установления цен на их собственную продукцию, ставок заработной платы, определения объемов производства и инвестиций; Решения экономических субъектов влияют на спрос и предложение товаров и услуг и, в конечном счете, на инфляцию.

Оценку инфляционных ожиданий населения на ежемесячной основе осуществляет ООО «инФОМ» по заказу Банка России. Согласно данным, инфляционные ожидания населения остаются на повышенном уровне, хотя с начала 2016 года, можно наблюдать нисходящий тренд (рис. 3).

При этом снижение инфляционных ожиданий происходит медленно: большинство опрошенных ожидает сохранения инфляции на прежнем уровне, а медианное значение инфляционных ожиданий более чем вдвое превышает цель Банка России (4%), что пре-

Рис. 2. Схема влияния инфляционных ожиданий населения на инфляцию

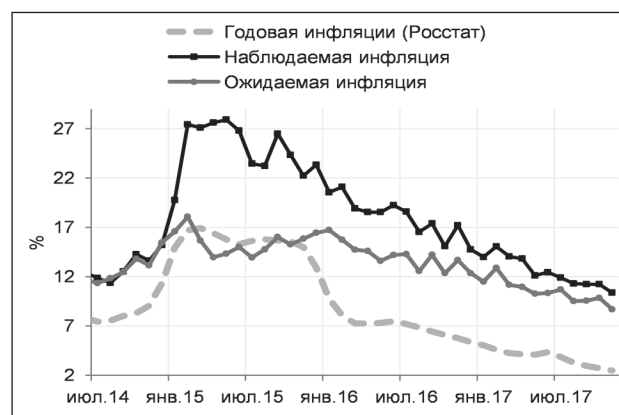

Рис. 3. Динамика оценок годовой инфляции (медианные значения) и ИПЦ, %, г/г

пятствует замедлению инфляции [9].

Еще одна особенность, которая относится к немонетарным факторам и оказывает влияние на динамику потребительской инфляции, является рост регулируемых тарифов естественных монополий.

Динамика тарифов, регулируемых государством, имеет как прямое, так и косвенное воздействие на ИПЦ [8]. Прямое влияние обуславливается тем, что услуги, оказываемые потребителям по регулируемым тарифам, входят в потребительскую корзину, применяемую для расчета ИПЦ. К таким услугам относятся некоторые услуги связи, услуги пассажирского транспорта и жилищно-коммунальные услуги. Их суммарный вес в последние годы составляет около 12% всей потребительской корзины. По расчетам Банка России общее влияние дополнительного роста тарифов на 1% на годовую инфляцию составляет 0,18%, учитывая прямое и косвенное влияние.

Описанные явления характеризуют немонетарные факторы инфляции. Помимо немонетарных существуют монетарные факторы. Монетарные факторы инфляции создают давление на цены в связи с созданием излишнего количества денег, к ним можно отнести слишком доступные кредиты, ускоренный рост номинальных доходов экономических субъектов, увеличение

государственного долга, чрезмерная эмиссия денег (сверх потребностей экономики), увеличение скорости оборота денег и т. д.

Моделирование нелинейного процесса индекса потребительских цен

Анализ потребительской инфляции производится на основе динамики ежемесячного темпа роста индекса потребительских цен (ИПЦ) с января 2002 года по декабрь 2016 года.

Основываясь на графике динамики ИПЦ можно выдвинуть предположение о наличии сезонности, поскольку темп роста цен в начале года оказывается из года в год выше темпа роста цен в конце лета – начале осени (рис. 4). Наличие сезонности в динамике ряда

подтверждается графиком автокорреляционной функции (рис. 5).

Сезонная корректировка ИПЦ осуществляется с помощью самого современного на сегодняшний день метода X13-ARIMA-SEATS. Всего в работе было проанализировано на наличие сезонности 57 подкомпонент ИПЦ, из которых 27 оказались сезонными (их вес в корзине ИПЦ составляет более 51%).

Сезонно сглаженный ряд ИПЦ, полученный на основе разработанного метода, не содержит остаточной сезонности, о чем свидетельствует график автокорреляционной функции (рис. 6), а также спектральный график (рис. 7).

Сезонно-сглаженный ряд ИПЦ не является стационарным, что было установлено с

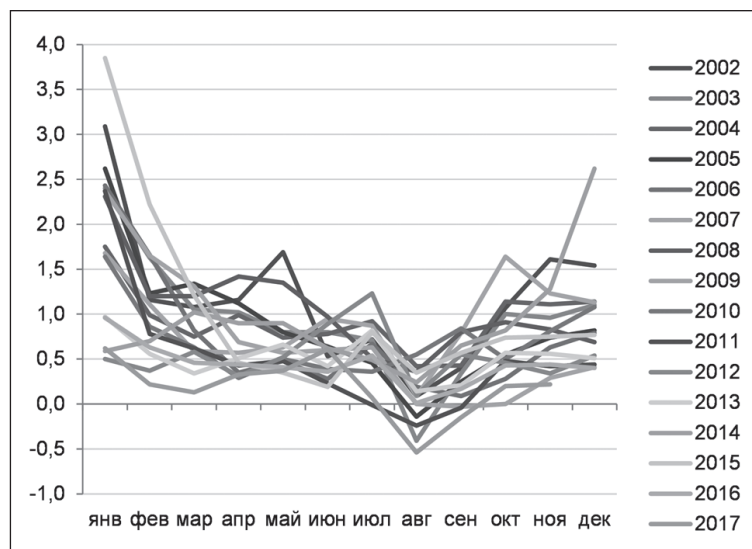

Рис. 4. Динамика ИПЦ по годам, %, м/м

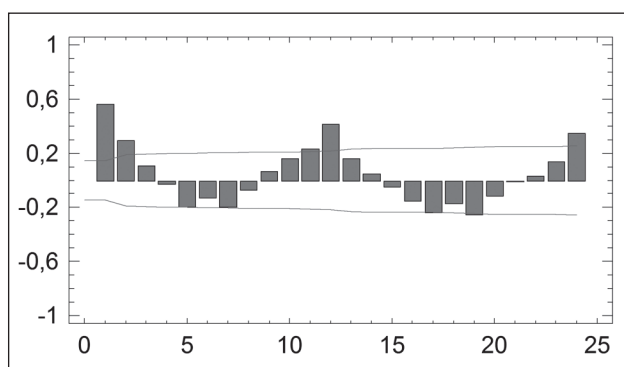

Рис. 5. График автокорреляционной функции ИПЦ

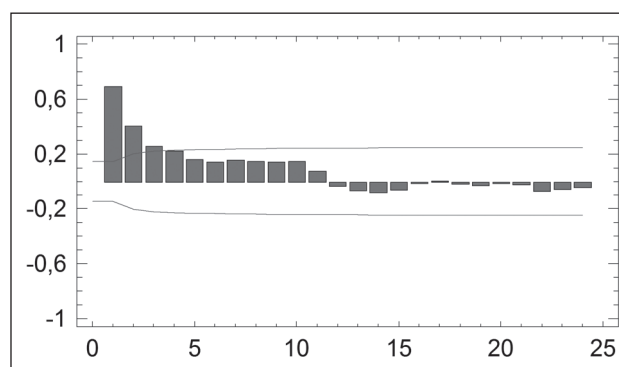

Рис. 6. График автокорреляционной функции сезонно сглаженного ИПЦ

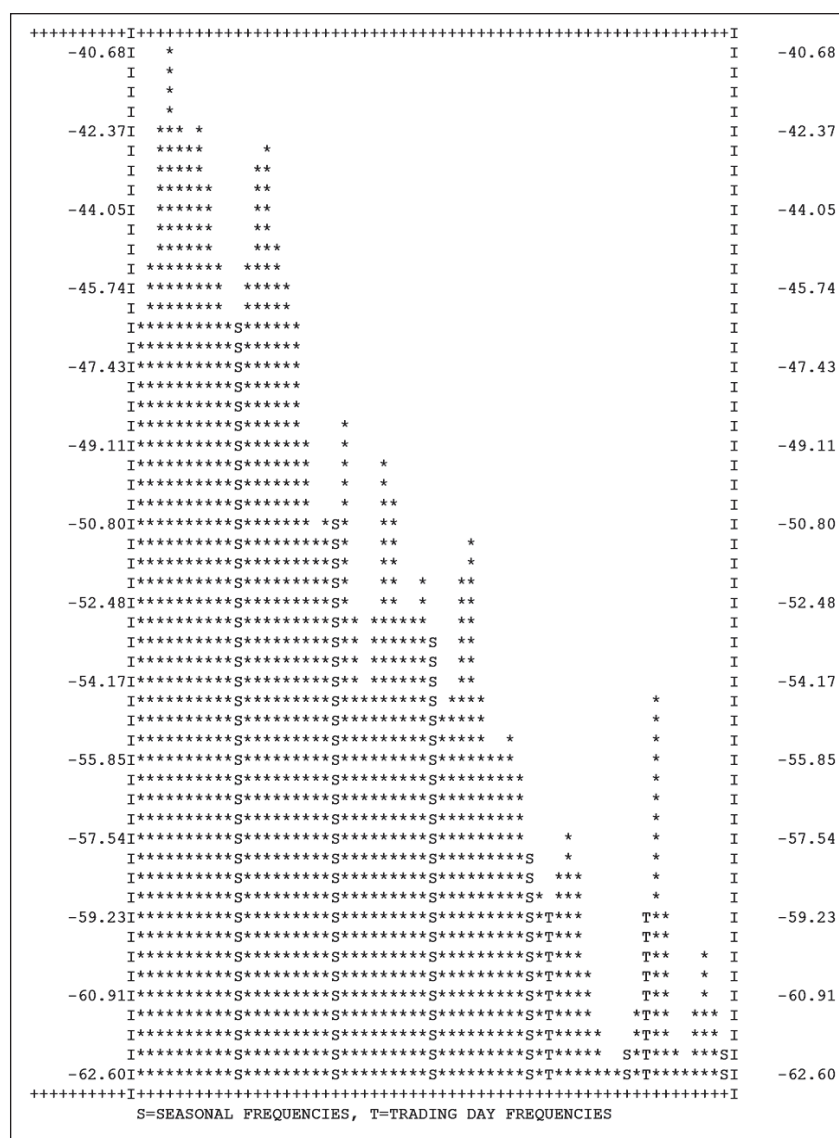

Рис. 7. Спектральный график сезонно сглаженного ряда ИПЦ

помощью критериев Фишера и Стьюдента, а также теста Дики-Фуллера. Для приведения его к стационарному

виду были рассмотрены ряды первых и вторых разностей, а также ряд с устранением линейного тренда.

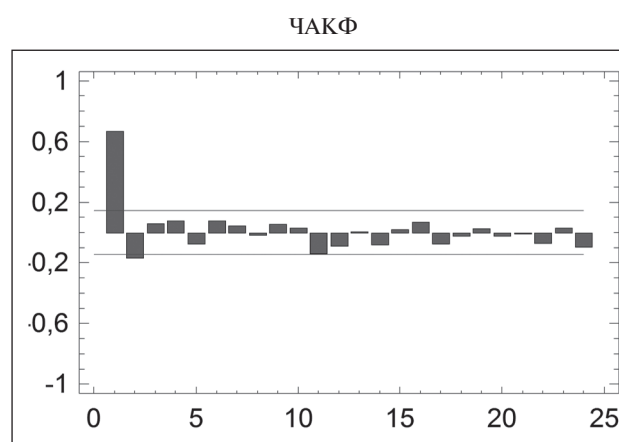
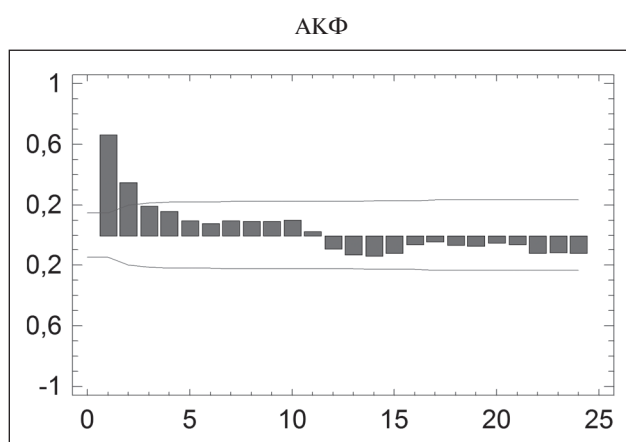

Рис. 8. Автокорреляционная и частная автокорреляционная функция для ряда ИПЦ с устранением линейного тренда

На основе графиков автокорреляционной (АКФ) и частной автокорреляционной (ЧАКФ) функций было установлено, что ряд с устранением тренда описывается процессом авторегрессии первого порядка AR(1) (рис. 8). Кроме того, наличие автокорреляции в динамике ряда было подтверждено с помощью критерия Бокса-Пирса.

Ряд, в котором тренд был устранен, обозначим как

$$\varphi_t = Y_t - 101,0144 + 0,0025t, \\ t = 1, 2, 3, \dots$$

Этот ряд является стационарным, что подтверждается результатом теста Дики-Фуллера. Однако при этом требование постоянства математического ожидания не выполняется из-за наличия выброса в январе 2015 г. Авторегрессионный процесс не требует выполнения условия строгой стационарности, поэтому можно строить AR(1) и без устранения аддитивного выброса.

Модель авторегрессии первого порядка AR(1) имеет вид:

$$\varphi_t = \lambda_0 + \lambda_1 \varphi_{t-1} + \varepsilon_t$$

где λ_0 — константа, λ_1 — оцениваемый коэффициент, ε_t — ряд ошибок.

Коэффициенты модели являются устойчивыми, поскольку два следующих условия выполняются.

Спецификация модели AR(1) для ряда с устранением тренда (φ_t)

ARIMA Model Summary			
Parameter	Estimate	Std. Error	t
AR(1)	0,673758	0,0550399	12,2413
Mean	-0,000626281	0,0643255	-0,00973612
Constant	-0,000204319		

Первое условие:

$$\sigma_{\varphi_t}^2 = \frac{\sigma_{e_t}^2}{1 - \lambda_1^2},$$

где $\sigma_{\varphi_t}^2$ – дисперсия ряда ИПЦ с устранением тренда, $\sigma_{e_t}^2$ – дисперсия ряда остатков модели, λ_1^2 – квадрат оцениваемого коэффициента AR(1).

$$\sigma_{\varphi_t}^2 = 0,15,$$

$$\frac{\sigma_{e_t}^2}{1 - \lambda_1^2} = \frac{0,08}{1 - (0,67)^2} = 0,15.$$

Второе условие:

$$M_{\varphi_t} = \frac{\lambda_0}{1 - \lambda_1},$$

где M_{φ_t} – математическое ожидание ряда ИПЦ с устранением

Таблица 1

ем тренда, λ_0 – константа, λ_1 – оцениваемый коэффициент.

$$M_{\varphi_t} = 0,00,$$

$$\frac{\lambda_0}{1 - \lambda_1} = \frac{0,00}{1 - 0,67} = 0,00.$$

Обозначим остатки модели авторегрессии первого порядка как e_t . Рассмотрим АКФ и ЧАКФ ряда остатков модели.

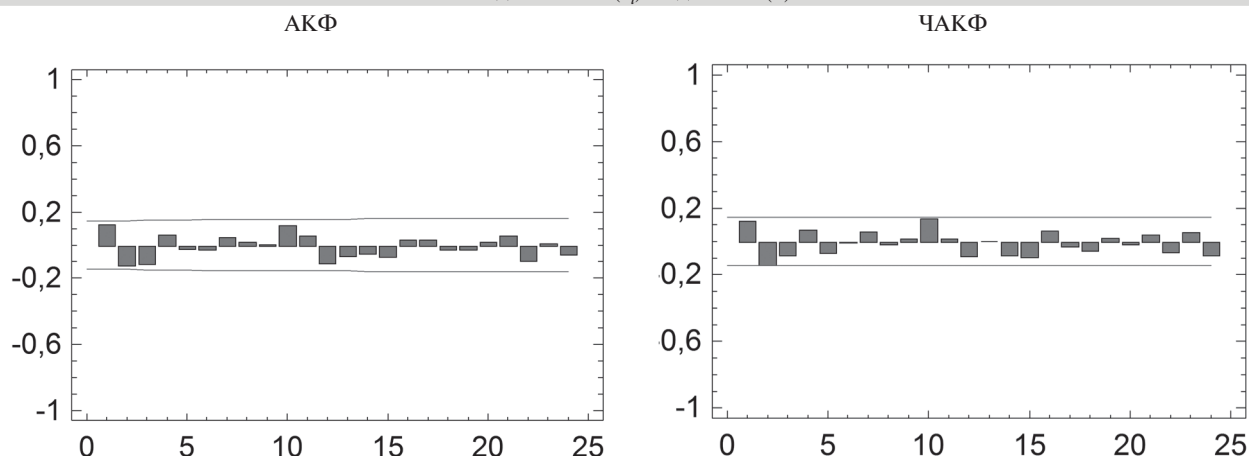
Остатки модели AR(1) некоррелированы (рис. 9), однако они распределены ненормально, о чем свидетельствует значение коэффициента экс-

Таблица 2

Спецификация модели ARCH(1)

ARIMA Model Summary			
Parameter	Estimate	Std. Error	t
AR(1)	0,417019	0,0681309	6,12085
Mean	0,0838941	0,0308709	2,71757
Constant	0,0489086		

Ряд остатков (e_t) модели AR(1)

Ряд квадратов остатков (e_t^2) модели AR(1)

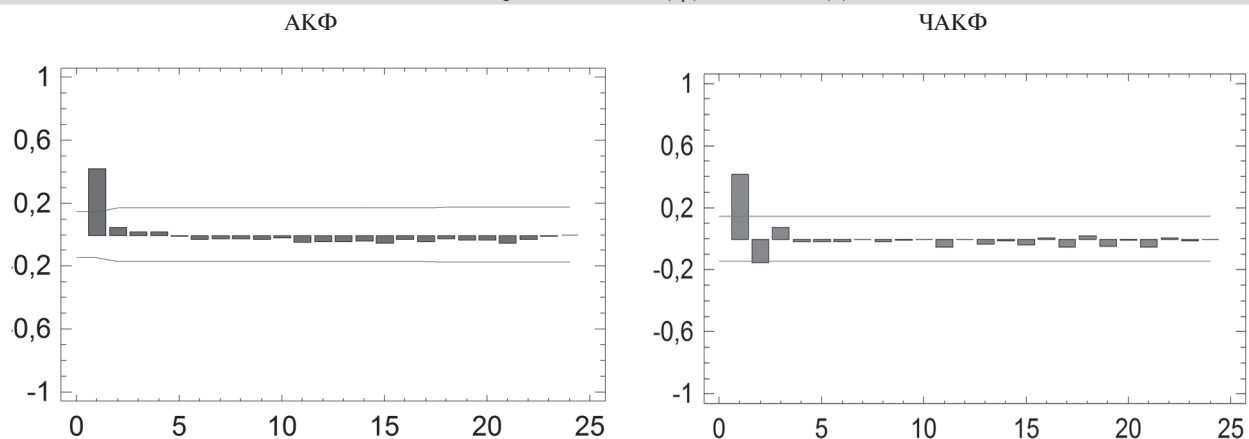

Рис. 9. Автокорреляционная и частная автокорреляционная функции для ряда остатков (e_t) и квадратов остатков (e_t^2) модели AR(1)

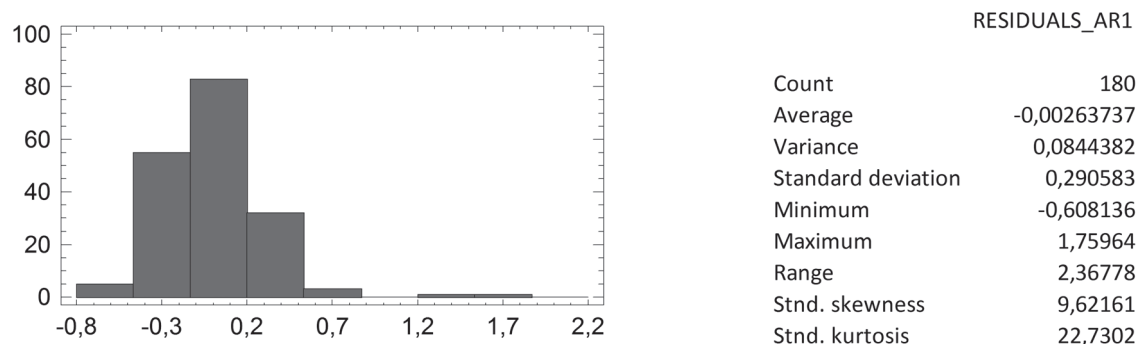

Рис. 10. Гистограмма остатков модели AR(1) и описательная статистика

песса, значительно превышающее 3 (рис. 10). Квадраты остатков (e_t^2) коррелированы (рис. 9).

Кроме того, о том, что ряд квадратов остатков автокоррелирован, свидетельствует критерий Бокса-Пирса

Было рассмотрено три модели ARCH(1), ARCH(2) и GARCH(1,1), однако только ARCH(1) оказалась приемлемой.

Коэффициенты модели ARCH(1) являются устойчивыми, поскольку необходимые условия выполняются. Остатки модели ARCH(1) обозначим как

$$g_t = e_t^2 - (0,0489 + 0,4170e_{t-1}^2).$$

Первое условие:

$$\sigma_{e_t^2}^2 = \frac{\sigma_{g_t}^2}{1 - \alpha_1^2},$$

где $\sigma_{e_t^2}^2$ — дисперсия ряда квадратов остатков модели авторегрессии первого порядка для сезонно сглаженного ИПЦ

с устранением тренда, $\sigma_{g_t}^2$ — дисперсия ряда остатков модели ARCH(1), α_1^2 — квадрат оцениваемого коэффициента ARCH(1).

$$\sigma_{e_t^2}^2 = 0,071,$$

$$\frac{\sigma_{g_t}^2}{1 - \alpha_1^2} = \frac{0,058}{1 - (0,417)^2} = 0,071.$$

Второе условие:

$$M_{e_t^2} = \frac{\alpha_0}{1 - \alpha_1},$$

где $M_{e_t^2}$ — математическое ожидание ряда квадратов остатков модели авторегрессии первого порядка для сезонно сглаженного ИПЦ с устранением тренда, α_0 и α_1 — оцениваемые коэффициенты.

$$M_{e_t^2} = 0,084,$$

$$\frac{\alpha_0}{1 - \alpha_1} = \frac{0,049}{1 - 0,417} = 0,084.$$

Остатки модели ARCH(1) независимы (рис. 11).

С помощью теста Дики-Фуллера, а также критериев Стьюдента и Фишера было

установлено, что остатки являются стационарными.

Все необходимые условия для того, чтобы считать модель адекватной выполняются, поэтому она может использоваться для краткосрочного прогнозирования сезонно сглаженного ИПЦ.

Модель векторной авторегрессии инфляции

В соответствии с результатами эмпирических исследований, в качестве потенциальных опережающих индикаторов были определены следующие переменные:

- реальный сектор: индекс промышленного производства (IPI), уровень безработицы (UNEMP);
- денежно-кредитные индикаторы: денежная база (MB), денежная масса (M2);
- внешнеэкономические переменные: инфляция в Китае (INFCN), инфляция в

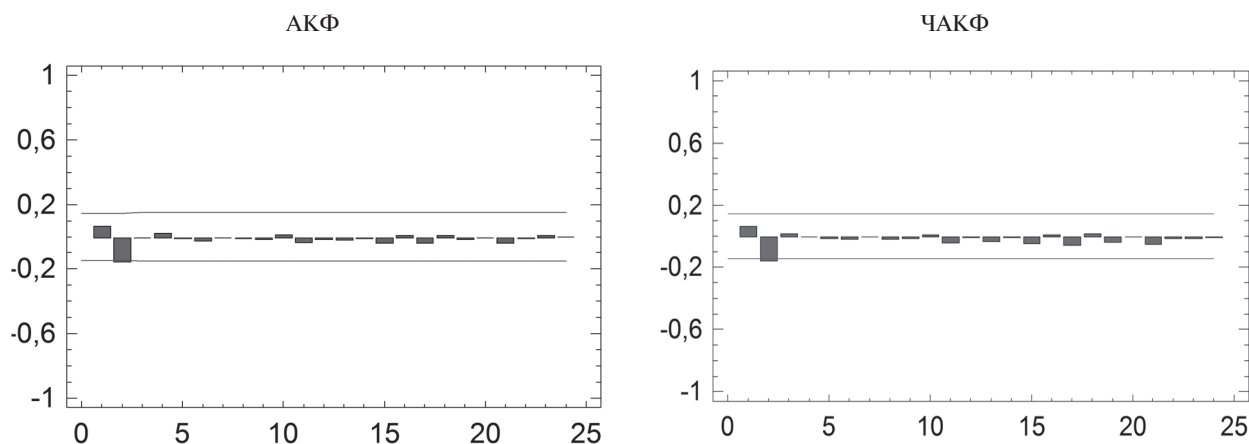
Рис. 11. Автокорреляционная и частная автокорреляционная функции для ряда остатков модели ARCH(1) (g_t)

Таблица 3

Еврозоне (INFEU), цена на нефть (OIL), мировая цена на продукты питания и напитки (FB);

- курсы валют: курс доллара США к рублю (USD), номинальный эффективный валютный курс (NEER);

- прочие: инфляционные ожидания населения (EXP), номинальная заработная плата (WAGE).

Все анализируемые переменные представлены в ежемесячных темах роста. Кроме того, каждая из анализируемых компонент была проанализирована на наличие сезонности. При необходимости сезонность устранялась с применением метода X13-ARIMA-SEATS, в случаях, где это представлялось возможным — с применением непрямого подхода к сезонному сглаживанию.

Относительно сильная корреляционная связь прослеживается между динамикой ИПЦ и номинальным эффективным валютным курсом (НЭВК), а также уровнем безработицы (таблица 3). При этом корреляционная связь между уровнем безработицы и НЭВК слабая. Результаты корреляционного анализа не противоречат экономической логике: инфляция имеет положительную корреляцию с уровнем безработицы и отрицательную — с динамикой курса.

Ряд ИПЦ, как было установлено ранее, не является стационарным из-за наличия линейного тренда, поэтому в модели используется ряд, в котором тренд устранен.

Данные ряды нельзя проверять на коинтеграцию с помощью теста Энгла-Гренджера, поскольку они не содержат линейного тренда.

С помощью теста Дики-Фуллера было установлено, что ряды ИПЦ (с устранением тренда) и НЭВК являются стационарными, в то время, как ряд уровня безработицы — не стационарный. Поэтому модель векторной авторегрессии

Корреляционная матрица

	CPI	IPI	UNEMP	MB	M2	INFCN	INFEU	OIL	FB	USD	NEER	WAGE
CPI	100%											
IPI	-9%	100%										
UNEMP	15%	10%	100%									
MB	-9%	31%	22%	100%								
M2	-2%	33%	38%	65%	100%							
INFCN	-13%	11%	-9%	3%	11%	100%						
INFEU	-2%	14%	12%	17%	35%	19%	100%					
OIL	-4%	10%	15%	4%	25%	22%	55%	100%				
FB	-6%	15%	12%	4%	23%	32%	28%	40%	100%			
USD	-25%	9%	14%	14%	34%	13%	33%	53%	24%	100%		
NEER	-26%	-1%	4%	3%	20%	7%	25%	40%	1%	88%	100%	
WAGE	12%	32%	23%	17%	33%	5%	21%	21%	19%	15%	2%	100%

Таблица 4

Результаты теста Гренджера на причинность

Null Hypothesis:	Obs	F-Statistic	Prob.
NEER does not Granger Cause CPI_TREND	179	49.0154	5.E-11
CPI_TREND does not Granger Cause NEER		8.03921	0.0051

Таблица 5

Критерии для определения длины лагирования

Lag	LogL	LR	FPE	AIC	SC	HQ
0	-510.9608	NA	1.432009	6.034833	6.071724	6.049803
1	-407.6104	203.0530	0.444973	4.866005	4.976680	4.910916
2	-395.9398	22.65486	0.406587	4.775762	4.960221*	4.850613
3	-389.1742	12.97386	0.393594*	4.743226*	5.001469	4.848018*
4	-386.2644	5.511594	0.398717	4.756052	5.088077	4.890784
5	-384.8086	2.723111	0.410899	4.785984	5.191793	4.950657
6	-384.1134	1.284096	0.427290	4.824864	5.304457	5.019477
7	-378.1121	10.94360*	0.417482	4.801319	5.354695	5.025873
8	-375.4929	4.714509	0.424498	4.817564	5.444724	5.072058
9	-372.8581	4.680783	0.431601	4.833624	5.534567	5.118059
10	-371.5175	2.349988	0.445612	4.864911	5.639638	5.179286

будем строить для ИПЦ (с устранением тренда) и НЭВК.

Далее необходимо провести тест Гренджера на причинность. В тесте Гренджера последовательно проверяются две нулевые гипотезы: «х не является причиной у по Гренджеру» и «у не является причиной х по Гренджеру». Для проверки этих гипотез строятся две регрессии: в каждой регрессии зависимой переменной является одна из проверяемых на причинность переменных, а регрессорами выступают лаги обеих переменных (фактически это векторная авторегрессия). Для каждой регрессии нулевая гипотеза заключается в том, что коэффициенты при лагах второй переменной одновременно равны нулю.

Данные гипотезы можно проверить, например, с помощью F-теста или LM-теста. Необходимо отметить, что результаты теста могут зависеть от количества использованных лагов в регрессиях.

Если вероятность осуществления нулевой гипотезы больше 5%, то выбранные ряды не влияют друг на друга, и смысла в построении VAR-модели нет. В нашем случае обе нулевые гипотезы можно отклонить (таблица 4), ряды влияют друг на друга.

Чтобы определить порядок VAR-модели рассмотрим в совокупности результаты нескольких статистик. Большинство критериев указывает на оптимальный порядок векторной авторегрессии, равный трем (таблица 5).

Таблица 6

Результаты оценивания коэффициентов VAR-модели третьего порядка		
	CPI_TREND	NEER
CPI_TREND(-1)	0.600973 (0.07757) [7.74739]	-0.477950 (0.76427) [-0.62537]
CPI_TREND(-2)	-0.200513 (0.08853) [-2.26497]	0.540358 (0.87222) [0.61952]
CPI_TREND(-3)	0.178961 (0.06907) [2.59092]	0.060987 (0.68054) [0.08962]
NEER(-1)	-0.046500 (0.00821) [-5.66063]	0.601204 (0.08094) [7.42822]
NEER(-2)	-0.006860 (0.00951) [-0.72112]	-0.279933 (0.09373) [-2.98650]
NEER(-3)	-0.007678 (0.00883) [-0.86976]	-0.146884 (0.08698) [-1.68870]
C	6.082560 (1.14489) [5.31277]	82.36094 (11.2801) [7.30144]

R-squared	0.600672	0.361789
Adj. R-squared	0.586578	0.339264
Sum sq. resids	10.86901	1055.078
S.E. equation	0.252854	2.491253
F-statistic	42.61922	16.06161
Log likelihood	-4.216386	-409.1441
Akaike AIC	0.126739	4.702193
Schwarz SC	0.252349	4.827804
Mean dependent	-0.003932	99.75254
S.D. dependent	0.393255	3.064813

Determinant resid covariance (dof adj.)	0.367010
Determinant resid covariance	0.338555
Log likelihood	-406.4525
Akaike information criterion	4.750876
Schwarz criterion	5.002097

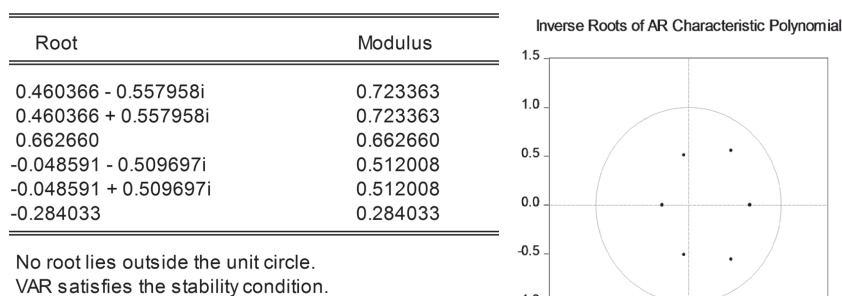

Рис. 12. Значения и график характеристических корней VAR-модели

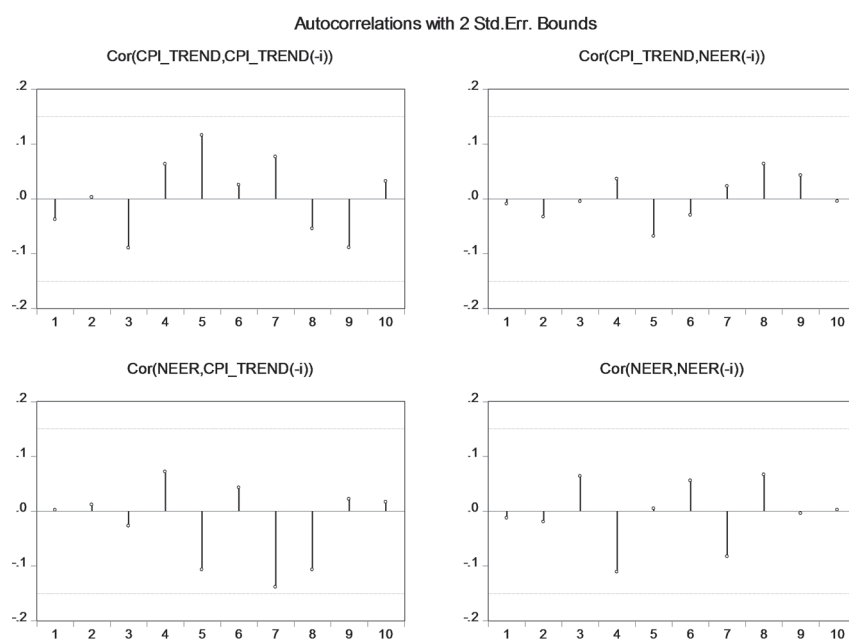

Рис. 13. Коррелограмма остатков VAR-модели

В левой части таблицы (таблица 6) приведены оценки коэффициентов модели со стандартными ошибками в (...) и t -статистиками в [...] (критическое значение t -статистики равно 2), а также стандартные МНК-статистики, характеризующие качество каждого уравнения системы). В правой части таблицы – статистики, характеризующие оцененную модель векторной авторегрессии.

Судя по коэффициентам, НЭВК незначительно влияет на динамику ИПЦ, и нет необходимости в учете влияния курса для качественного прогнозирования показателя.

Оцененная VAR-модель стационарна, если все обратные корни по модулю меньше единицы и находятся внутри единичного круга. Если VAR-модель нестационарная, то определенные результаты (например, стандартные ошибки отклика на импульс) не допустимы.

Все обратные корни по модулю меньше единицы и находятся внутри единичного круга (рис. 12), а значит VAR-модель стационарна.

Значения коэффициентов автокорреляции оцененных остатков VAR-модели не выходят за пределы доверительного интервала, что говорит о независимости остатков (рис. 13).

Проведем тест Уайта на наличие гетероскедастичности в остатках модели. Нулевой гипотезой является отсутствие гетероскедастичности. Тестовая регрессия строится посредством регрессии каждого перекрестного произведения остатков на перекрестные произведения регрессоров и тестируется как совместная значимость регрессии.

Нулевая гипотеза отклоняется, в остатках присутствует гетероскедастичность.

Отклики на импульсы. Функции импульсного отклика характеризуют время возвращения эндогенной переменной на

Таблица 7

Тест Уайта на наличие гетероскедастичности

Joint test:					
Chi-sq	df	Prob.			
128.6974	36	0.0000			
Individual components:					
Dependent	R-squared	F(12,164)	Prob.	Chi-sq(12)	Prob.
res1*res1	0.206616	3.559123	0.0001	36.57102	0.0003
res2*res2	0.467257	11.98673	0.0000	82.70450	0.0000
res2*res1	0.200668	3.430948	0.0002	35.51828	0.0004

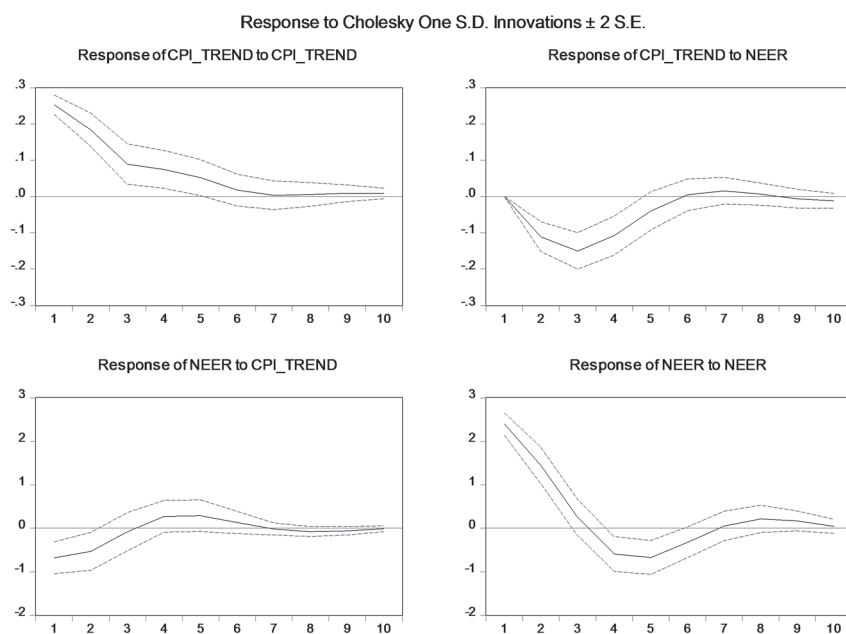

Рис. 14. Графики импульсных откликов

Таблица 8

Результаты разложения дисперсии

Variance Decomposition of CPI_TREND:				Variance Decomposition of NEER:			
Perio...	S.E.	CPI_TREND	NEER	Perio...	S.E.	CPI_TREND	NEER
1	0.252854	92.49125	7.508752	1	2.491253	0.000000	100.0000
2	0.331804	73.11224	26.88776	2	2.926330	0.157747	99.84225
3	0.375023	58.63824	41.36176	3	2.937941	0.157305	99.84270
4	0.397282	53.37583	46.62417	4	3.009832	0.260435	99.73956
5	0.402602	52.90561	47.09439	5	3.097992	0.334737	99.66526
6	0.403002	52.99885	47.00115	6	3.117616	0.343614	99.65639
7	0.403316	52.95058	47.04942	7	3.118089	0.343686	99.65631
8	0.403405	52.95809	47.04191	8	3.126358	0.345019	99.65498
9	0.403545	52.94765	47.05235	9	3.131414	0.345598	99.65440
10	0.403803	52.89312	47.10688	10	3.131704	0.345545	99.65445

равновесную траекторию при единичном шоке экзогенной переменной. Подробнее процедура оценки импульсного отклика описана в пункте 2.4.

По полученным графикам (рис. 14) видно, что при подаче импульса на инфляцию НЭВК вернется на равновесную траекторию через 3 месяца; при подаче импульса на

НЭВК инфляция вернется на равновесную траекторию через 6 месяцев.

Декомпозиция (разложение) дисперсии. Декомпозиция дисперсии разделяет вариацию эндогенной переменной на компоненты воздействия в VAR-модели. Она предоставляет информацию об относительной важности каждо-

го случайного возмущения в воздействии на переменные в VAR-системе.

На первом лаге на ИПЦ на 92% влияет сам ИПЦ и на 8% – НЭВК, затем, начиная со второго лага влияние НЭВК резко возрастает, и далее продолжает возрастать (таблица 8). В то же время на динамику НЭВК влияние в основном оказывает он сам.

Построение модели векторной авторегрессии здесь в большей степени было представлено для демонстрации алгоритма реализации метода, а не получения достоверного прогноза. Во-первых, не выполняется основное условие коинтегрированности рядов, поскольку в них отсутствует направление (отсутствует линейный тренд). Во-вторых, коэффициенты при лаговых значениях НЭВК в модели для ИПЦ очень малы относительно коэффициентов при лаговых значениях самого ИПЦ, что указывает на то, что результаты прогноза не изменились бы значительным образом, если бы мы отказались от учета влияния НЭВК. В-третьих, коэффициент детерминации составляет 0,6, то есть остается 40% необъясненной дисперсии. В-четвертых, в динамике остатков модели присутствует гетероскедастичность. От прогнозирования показателя с помощью модели векторной авторегрессии было принято решение отказаться, поскольку построенная модель по качеству значительно проигрывает модели авторегрессии первого порядка с применением ARCH-модели.

Построение краткосрочного прогноза сезонно сглаженного уровня инфляции

Сезонно сглаженный ряд ИПЦ является исходным. Он был приведен к стационарному виду путем устранения линейного тренда:

$$\varphi_t = Y_t - T_t, \\ T_t = 101,0144 + 0,0025t.$$

Итоговую модель для сезонно сглаженного ряда ИПЦ с устранением линейного тренда можно представить в виде системы:

$$\begin{cases} AR(1): \hat{\varphi}_t = -0,0002 + 0,6738\hat{\varphi}_{t-1} + \varepsilon_t \\ ARCH(1): \sigma_t^2 = 0,0489 + 0,4170\varepsilon_{t-1}^2 + \vartheta_t \end{cases}$$

Ряд φ_t описывается авторегрессионным процессом первого порядка:

$$\varphi_t = \lambda_0 + \lambda_1\varphi_{t-1} + \varepsilon_t.$$

Математическое ожидание φ_t составляет:

$$\mu = E[\varphi_t] = \frac{\lambda_0}{1 - \lambda_1}.$$

Тогда модель авторегрессии первого порядка можно представить в следующем виде [3]:

$$(\varphi_t - \mu) = \lambda_1(\varphi_{t-1} - \mu) + \varepsilon_t.$$

Прогноз на один шаг равен:

$$\hat{\varphi}_{t+1} = E(\varphi_{t+1}/I_t),$$

где I_t — информация, доступная в момент времени t .

$$(\hat{\varphi}_{t+1} - \mu) = \lambda_1(\varphi_t - \mu).$$

Тогда

$$\hat{\varphi}_{t+1} = \lambda_1\varphi_t + \mu(1 - \lambda_1).$$

Ошибка прогноза равна

$$e_{t+1} = \varepsilon_{t+1}.$$

Дисперсия прогноза равна

$$D(e_{t+1}) = \sigma_\varepsilon^2 = D(\varepsilon).$$

Учитывая линейный тренд, имеем

$$\hat{Y}_{t+1} - \hat{T}_{t+1} = \lambda_1(Y_t - T_t) + \mu(1 - \lambda_1),$$

$$\hat{Y}_{t+1} = T_{t+1} + \lambda_1(Y_t - T_t) + \mu(1 - \lambda_1),$$

$$Y_{t+1} = \hat{Y}_{t+1} \pm \sqrt{\sigma_\varepsilon^2},$$

где $\sigma_\varepsilon^2 = \alpha_0 + \alpha_1\varepsilon_{t-1}^2$, так как применялась модель ARCH(1).

Определим прогноз сезонно сглаженного ИПЦ на январь 2017 года.

Входные параметры:

$$Y_t = 100,1996;$$

$$T_t = 101,0144 + 0,0025 \times 180 = 100,5616;$$

$$T_{t+1} = 101,0144 + 0,0025 \cdot 181 = 100,5591;$$

$$\mu = \frac{-0,0002}{1 - 0,6738} = -0,006.$$

Тогда

$$\begin{aligned} \hat{Y}_{t+1} &= 100,5591 + 0,6738 \times \\ &\times (100,1996 - 100,5616) - \\ &- 0,006(1 - 0,6738) = \\ &= \mathbf{100,3150}; \end{aligned}$$

Нижняя граница доверительного интервала составляет

$$\begin{aligned} &100,3150 - \\ &- \sqrt{0,0489 + 0,4170 \cdot 0,0349} = \\ &= \mathbf{100,0631}; \end{aligned}$$

Верхняя граница доверительного интервала составляет

$$\begin{aligned} &100,3150 + \\ &+ \sqrt{0,0489 + 0,4170 \cdot 0,0349} = \\ &= \mathbf{100,5569}; \end{aligned}$$

Фактическое значение сезонно сглаженного ИПЦ в январе 2017 года составляет **100,36**.

Построим прогноз на два шага вперед.

$$\begin{aligned} \hat{\varphi}_{t+2} - \mu &= \lambda_1(\varphi_{t+1} - \mu); \\ \hat{\varphi}_{t+2} - \mu &= \lambda_1([\lambda_1\varphi_t + \mu(1 - \lambda_1)] - \mu); \\ \hat{\varphi}_{t+2} &= \lambda_1^2(\varphi_t - \mu) + \mu. \end{aligned}$$

Учитывая линейный тренд, имеем

$$\hat{Y}_{t+2} = T_{t+2} + \lambda_1^2[(Y_t - T_t) - \mu] + \mu.$$

Определим прогноз сезонно сглаженного ИПЦ на февраль 2017 года.

$$T_{t+2} = 101,0144 + 0,0025 \times 182 = 100,5566.$$

Тогда

$$\begin{aligned} \hat{Y}_{t+2} &= 100,5566 + 0,6738^2 \times \\ &\times [(100,1996 - 100,5616) - \\ &- 0,006] - 0,006 = \mathbf{100,3919}; \end{aligned}$$

Нижняя граница доверительного интервала составляет

$$\begin{aligned} &100,3919 - \\ &- \sqrt{0,0489 + 0,4170 \cdot 0,0635} = \\ &= \mathbf{100,1174}; \end{aligned}$$

Верхняя граница доверительного интервала составляет

$$\begin{aligned} &100,3919 + \\ &+ \sqrt{0,0489 + 0,4170 \cdot 0,0635} = \\ &= \mathbf{100,6665}; \end{aligned}$$

Фактическое значение сезонно сглаженного ИПЦ в феврале 2017 года составляет **100,18**.

Построим прогноз на три шага вперед.

$$\begin{aligned} \hat{\varphi}_{t+3} - \mu &= \lambda_1(\varphi_{t+2} - \mu); \\ \hat{\varphi}_{t+3} - \mu &= \lambda_1([\lambda_1^2(\varphi_t - \mu) + \mu] - \mu); \\ \hat{\varphi}_{t+3} &= \lambda_1^3(\varphi_t - \mu) + \mu. \end{aligned}$$

Учитывая линейный тренд, имеем

$$\hat{Y}_{t+3} = T_{t+3} + \lambda_1^3[(Y_t - T_t) - \mu] + \mu.$$

Определим прогноз сезонно сглаженного ИПЦ на март 2017 года.

$$T_{t+3} = 101,0144 + 0,0025 \times 183 = 100,5541.$$

Тогда

$$\begin{aligned} \hat{Y}_{t+3} &= 100,5541 + 0,6738^3 \times \\ &\times [(100,1996 - 100,5616) + \\ &+ 0,006] - 0,006 = \mathbf{100,4429}; \end{aligned}$$

Нижняя граница доверительного интервала составляет

$$\begin{aligned} &100,4429 - \\ &- \sqrt{0,0489 + 0,4170 \cdot 0,0754} = \\ &= \mathbf{100,1595}; \end{aligned}$$

Верхняя граница доверительного интервала составляет

$$\begin{aligned} &100,4429 + \\ &+ \sqrt{0,0489 + 0,4170 \cdot 0,0754} = \\ &= \mathbf{100,7264}; \end{aligned}$$

Фактическое значение сезонно сглаженного ИПЦ в

Таблица 9

Сравнение фактических и прогнозных значений

	Факт. ИПЦ (сез.сглаж.)	Прогноз	Нижн. гран. ДИ	Верх. гран. ДИ	Факт. ош. прогноза
январь 17	100,36	100,32	100,06	100,57	0,05
февраль 17	100,18	100,39	100,12	100,67	-0,21
март 17	100,17	100,44	100,16	100,73	-0,28

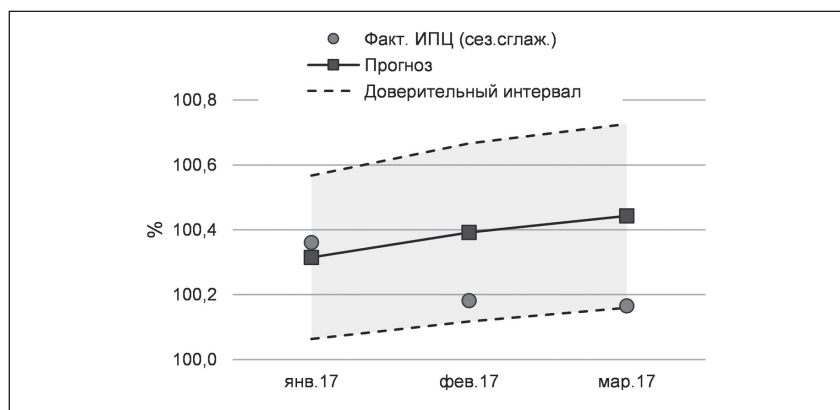

Рис. 15. Сравнение прогнозных и фактических значений

марте 2017 года составляет **100,17**.

Для наглядности представим результаты в виде таблицы (таблица 9).

Фактическая ошибка прогноза растет со временем. Если расхождение первого прогнозного значения с фактическим минимально и составляет 0,05 п.п., то третье прогнозное значение отличается от фактического уже на 0,28 п.п., однако для всех трех точек фактическое значение попало внутрь границ доверительного интервала (рис. 15).

Можно заключить, что построенная модель хорошо опи-

сывает динамику сезонно сглаженного ИПЦ и подходит для его краткосрочного прогнозирования.

Заключение

Инфляция как важнейший макроэкономический параметр и индикатор «здоровья» социально-экономической системы требует выработки надежных инструментов прогнозирования и обоснованного регулирования. Исходя из этого, основная цель нашей работы заключалась в разработке качественных эконометрических моделей и полу-

чения на их основе надежных прогнозов.

Векторная авторегрессия является современным инструментом моделирования, который позволяет не проводить разграничения между эндогенными и экзогенными переменными. Вместе с тем, построенная в работе модель векторной авторегрессии для ИПЦ и НЭВК оказалась хуже для целей прогнозирования ИПЦ по сравнению с нелинейной моделью со структурными компонентами и условной гетероскедастичностью.

На основе выполненного исследования можно дать рекомендации органам исполнительной власти Российской Федерации о необходимости построения прогноза динамики ИПЦ как инструмента регулирования инфляции и корректировки социальных финансовых обязательств на основе построения моделей с учетом фактора сезонности и влияния шоковых эффектов. Разработанные и апробированные в данной работе модели могут составить методическую основу построения таких прогнозов.

Литература

1. Катаранова, М.А. Связь между обменным курсом и инфляцией в России // Вопросы экономики. 2010. № 1. С. 44–62.
2. Осечкина Т.А., Постаногова Е.Э. Математическая модель оценки инфляции // Пермский национальный исследовательский политехнический университет. 2012. № 10. С. 148–159.
3. Тихомиров Н.П., Дорохина Е.Ю. Эконометрика: учеб. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 2002. 640 с.
4. Турунцева М.Ю. Прогнозирование в России: обзор основных моделей // Экономическая политика. 2011. № 1. С. 193–202.
5. Hendry D.F. How Economists Forecast // Understanding Economic Forecasts / D.F. Hendry, N.L. Ericsson (eds.). Cambridge, MA.: MIT Press, 2003.
6. Korhonen L., Wachtel P. A Note on Exchange Rate Pass-through in CIS Countries / BOFIT Discussion Papers No 2. 2005
7. Mihaljec D., Klau M. A Note on the Pass-through from Exchange Rate and Foreign Price

References

1. Kataranova, M.A. Svyaz' mezhdru obmennym kursom i inflyatsiey v Rossii. Voprosy ekonomiki. 2010. No. 1. P. 44–62. (In Russ.)
2. Osechkina T.A., Postanogova E.E. Matematicheskaya model' otsenki inflyatsii. Permskiy natsional'nyy issledovatel'skiy politekhnicheskii universitet. 2012. No. 10. P. 148–159. (In Russ.)
3. Tikhomirov N.P., Dorokhina E.Yu. Ekonometrika: ucheb. Moscow: Izd-vo Ros. ekon. akad., 2002. 640 p. (In Russ.)
4. Turuntseva M.Yu. Prognozirovanie v Rossii: obzor osnovnykh modeley. Ekonomicheskaya politika. 2011. No. 1. P. 193–202. (In Russ.)
5. Hendry D.F. How Economists Forecast. Understanding Economic Forecasts / D.F. Hendry, N.L. Ericsson (eds.). Cambridge, MA.: MIT Press, 2003.
6. Korhonen L., Wachtel P. A Note on Exchange Rate Pass-through in CIS Countries / BOFIT Discussion Papers No 2. 2005
7. Mihaljec D., Klau M. A Note on the Pass-through from Exchange Rate and Foreign Price

Changes to Inflation in Selected Emerging Market Economies / BIS Working Papers No 8. 2001.

8. Банк России (Бюллетень «О чем говорят тренды». № 10. Сентябрь 2016. Раздел 1.1.5 «О влиянии индексации тарифов на инфляцию») URL: www.cbr.ru свободный (Дата обращения: 03.03.2017)

9. Банк России URL: www.cbr.ru свободный (Дата обращения: 20.05.2017)

Changes to Inflation in Selected Emerging Market Economies / BIS Working Papers No 8. 2001.

8. Bank Rossii (Byulleten' "O chem govoryat trendy". No. 10. Sentyabr' 2016. Razdel 1.1.5 «O vliyanii indeksatsii tarifov na inflyatsiyu») URL: www.cbr.ru (accessed: 03.03.2017) (In Russ.)

9. Bank Rossii URL: www.cbr.ru (accessed: 20.05.2017) (In Russ.)

Сведения об авторе

Арина Константиновна Сапова

Аспирант

Российский экономический университет

им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Эл. почта: sapovaarina@gmail.com

Information about the author

Arina K. Sapova

Graduate student

Plekhanov Russian University of Economics,

Moscow, Russia

E-mail: sapovaarina@gmail.com

О демографической политике для российского Дальнего Востока

Цель исследования: выявить реально сложившуюся демографическую ситуацию на российском Дальнем Востоке за последнюю четверть века, оценить эффективность тех усилий, которые предпринимались на федеральном и местном уровнях, определить круг проблем, и предложить для последующего обсуждения последовательность их решения.

Материалы и методы: Инициатива Министерства по развитию Дальнего Востока по созданию региональной концепции демографической политики, три научно-практические конференции по демографическому развитию региона (2015, 2016 и 2017 годах), утвержденная распоряжением Правительства Концепция демографического развития Дальнего Востока (от 20 июня 2017 г. № 1298-р), с одной стороны, вселяют надежду, что будет предотвращена демографическая катастрофа в этой части страны, но с другой — возникает опасение, что принятый документ, набор последующих действий не смогут существенно изменить устойчивый демографический тренд, как этого не смогли сделать десятки предыдущих решений. Поэтому необходим дальнейший поиск нетривиальных шагов по воздействию на демографический потенциал региона.

Результаты. Анализ демографической структуры по возрастным группам, их дифференциация по территориям показывает: вступающее в фертильный возраст относительно малочисленное поколение 90-х годов, приводит к снижению рождаемости, что неизбежно скажется на общей численности населения. Это требует корректировки выбора приоритетов демографической политики.

Типологические характеристики демографического поведения субъектов федерации, формирующиеся под воздействием природно-географических условий и сложившегося уклада жизни населения, являются обязательными в региональной демографической политике. Недостаточно понимания необходимости улучшения качества жизни и создания привлекательных условий для мигрантов.

Особенности территориальной организации хозяйства и населения, при плотности населения, когда на человека приходится по квадратному километру, также существенно влияют на формирование социально-инфраструктурного комплекса.

Процессы самоорганизации протекают независимо от принимаемых решений во властных структурах: вахтовый метод организации производства становится преобладающим для территорий с экстремальными природно-климатическими условиями, тогда как юг Дальнего Востока мог бы стать плацдармом для постоянной жизни семей для тех, кто работает на севере. Принципиально важным вопросом региональной демографической политики является перспектива хозяйственной специализации: одно дело, когда ставка сделана на ресурсное освоение и экспорт сырья, и другое — индустриальное развитие, требующее кадров высокой квалификации, соответствующей инфраструктуры, развития сервисных отраслей и т.д.

Повышения уровня миграционной привлекательности территории относится не только к людям, но и к инвестициям, капиталу. Выстраивая шкалу приоритетов, важно реально оценивать остроту демографических проблем региона, критическое состояние которого не позволяет ошибиться.

Заключение. Объявляя Дальний Восток приоритетом на столетие, создавая особые условия для бизнеса, рост численности населения должен быть соразмерен масштабам заявляемых проектов, более того, этот рост должен быть опережающим, что возможно только за счет миграции извне. В ближайшее десятилетие усилия необходимо сосредоточить на активизации миграционных процессов, и за счет этого обеспечить рост демографического потенциала территории.

Ключевые слова: Дальний Восток, демографическая политика, естественное воспроизводство населения, миграционные потоки, человеческий капитал, территориальная организация населения.

Yuriy A. Avdeev

Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Science, Vladivostok, Russia

The population policy of the Russian Far East

The purpose of the study: identify the current demographic situation in the Russian Far East over the past quarter century, to assess the effectiveness of those efforts at the federal and local levels, to identify problems and propose the sequence of their decision for the following discussion.

Materials and methods. The initiative of the Ministry for the Development of the Russian Far East to develop a regional concept of the demographic policy, three scientific conferences on demographic development of the region (2015, 2016 and 2017 respectively), approved by the Government Decree the Concept of the Demographic Development of the Far East (from June 20, 2017 № 1298-r), on the one hand, give hope that the demographic catastrophe will be prevented in this part of the country, but on the other hand, there is a fear that the adopted document, a set of follow-up actions will not significantly alter steady demographic trend, as dozens of previous decisions could not do this. Therefore, a further search of non-usual steps for the impact on the demographic potential of the region is necessary.

The results. Analysis of population structure by age and sex, their differentiation by territories show: relatively small generation of 90-

ies, entering into the fertile age, leads to a decrease in the birth rate, which inevitably effect on the total population. This requires adjusting the choice of priorities of a demographic policy.

Typological characteristics of the demographic behavior of the regions of the Federation, formed under the influence of natural and geographical conditions and the way of life of the population, are mandatory in the regional demographic policy. It is not enough to understand the need to improve the quality of life and create attractive conditions for migrants.

Peculiarities of territorial organization of economy and population, with the population density (when a person per square km), also significantly affect the formation of social and infrastructure complex. Self-organization processes occur independently from decisions, made in the power structures: shift method of organization of production becomes predominant for the areas with extreme climatic conditions, whereas the South of the Far East could become a foothold for ongoing family life for those who work in the North.

Crucial issue of the regional demographic policy is the prospect of economic specialization: it is one thing when the rate is made on resource development and export of raw materials, and

the other is industrial development, requiring highly qualified personnel, appropriate infrastructure, development of service industries, etc.

Raising the level of migration attractiveness of territory applies to the investments, capital, not only to people. It is important to assess the severity of the demographic problems of the region, the critical state that does not allow you to make a mistake.

Conclusion. Announcing Far East a priority for century, creating special conditions for business, population growth should be com-

mensurate with the scale of the projects claimed, moreover, this growth must be faster, which is possible only through migration from the outside. In the coming decade efforts should be focused on the revitalization of the migratory processes, and ensure the growth of the population of the territory.

Keywords: Far East, demographic policy, natural reproduction of population, migration flows, human capital, territorial organization of the population.

Введение

Объявленный Президентом России разворот на восток, ожидаемые инвестиции, как реакция на создаваемые здесь льготные режимы, масштабные проекты и новые институциональные условия, — это и многое другое является в последнее время предметом широкого обсуждения. Актуальны также и демографические задачи, обусловленные устойчивым трендом сокращения численности населения, следствием чего стала заметная деформация качественных характеристик человеческого капитала. На это обстоятельство обращают внимание многие авторы, является предметом исследований Л. Рыбаковского [1], Е. Мотрич [2] Ж. Зайончковской [3], С. Рыбальченко [4] и др. Выводы науки стали предметом организационных и управленческих решений Министерства по развитию Дальнего Востока. Создано АНО «Агентство по развитию человеческого капитала» [5], по инициативе Полномочного представителя Президента РФ, вице-премьера Правительства РФ запущен механизм привлечения населения на Дальний Восток бесплатным предоставлением гектара земли [6]. Законодательные акты по территориям опережающего развития и свободному порту Владивосток [7,8] нацелены на активизацию миграционного потока в направлении региона. Проведены три конференции по проблемам населения Дальнего Востока в Хабаровске и Благовещенске, результатом которых стала Концепция демографической

политики [9]. И все же сохраняется ощущение, что принимаемые решения не отражают в полной мере масштаб демографической деградации региона, отсутствует понимание глубины дифференциации социально-демографических процессов огромной территории региона, а принимаемые многочисленные меры так и не приводят к желаемому результату. Количество принятых ранее документов, направленных на сдерживание убыли населения (указов президента, распоряжений правительства, программ), исчисляется десятками, а демографический потенциал региона за эти годы сократился почти на 20% (табл. 1).

Если демографическая политика России на Дальнем Востоке раньше и теперь «направлена на стабилизацию», а тенденция убыли населения сохраняется, значит, либо наука «не дорабатывает», либо результаты анализ и установленный диагноз недостаточно используется при принятии решений. «Все подходы, все модели, которые мы использовали в последние годы для того, чтобы кардинальным образом изменить развитие Дальнего Востока, не являются абсолютно удачными. Они не

принесли пока того результата, на который мы рассчитывали. Они не дали экономического эффекта. Как ответственные люди, мы обязаны об этом сказать в слух» — самокритично заявлял премьер-министр России Д. Медведев на Камчатке [12].

Демографическая политика или политики?

Самые существенные потери с 1991 г. (от половины до двух третей!) понесли северные и отдаленные территории (Магадан, Камчатка, Чукотка, Сахалин). Какие бы индивидуальные мотивы ни лежали в основе миграционных решений, следует признать, что в целом север был перегружен «лишними» людьми, и теперь эти территориальные социально-экономические системы в поисках равновесного состояния. А что, если вдруг начнем восстанавливать утраченную численность, а это обернется новой волной оттока населения? То есть, вопрос, на который должен быть дан ответ прежде всего: какова потребность региона в людях, сегодня, завтра, через 25 лет? Ответить можно при условии понимания перспектив экономического развития региона,

Таблица 1

Динамика численности населения Дальнего Востока (1926–2016 гг., тыс. человек) [10, 11]

	Численность населения			Темпы изменения	
	1926 г.	1991 г.	2016 г.	1926–1991 гг.	1991–2016 гг.
Российская Федерация	92735	148542,7	148804,4	+ 55807,7	+ 261,7
Дальний Восток	1572	8056,6	6182,7	+ 6484,6	– 1873,9
север:	338	2832,6	1960,3	+ 2494,6	– 872,3
юг:	1234	5224,0	4222,4	+ 3990,0	– 1001,6

ключевых отраслей, трудовых затрат, уровня производительности труда. Это позволит лишь в первом приближении определиться с качественными характеристиками населения, запросами людей к социально-инфраструктурному комплексу, который обеспечивает его воспроизводственные функции.

Выбор направления долгосрочной экономической политики региона является базовым вопросом, и предельная рамка задана формулой: «Дальний Восток — приоритет на весь XXI век». Для Министерства РФ по развитию Дальнего Востока (МинВосток) на обозримую перспективу определяющим является экспорт природных ресурсов, что можно интерпретировать так: нынешняя численность населения избыточна, и даже если она будет сокращаться и дальше, проблем не будет. Возможно поэтому министерские чиновники позитивно оценивают способ решения демографических проблем на Чукотке, где население сократилось втрое. Дать возможность жителям территорий с экстремальными условиями поменять условия жизни на более комфортные верно: вахтовый метод организации производств, минимизация социально-инфраструктурных затрат, а главное, пожалуй, увезти оттуда подрастающее поколение, это наиболее оптимальное решение. И такие территории должны иметь свой специфический алгоритм решения социально-демографических проблем. Но это не значит, что такой подход может быть распространен на всю территорию Дальнего Востока. Приморский край, южная часть Хабаровского края, Амурская область и Еврейская автономная область — эта территории с относительно комфортными условиями проживания, где найдется место для постоянного проживания семьям, даже при условии, что

кто-то из них работает на севере. — Но приспособлена ли бюджетная система к решению этих проблем, как будут перераспределяться налоговые поступления, насколько в таких решениях готово участвовать государство, как складываются отношения между субъектами федерации? — Эти и многие другие вопросы остаются открытыми, хотя от их решения во многом зависит направление демографических и миграционных процессов.

После затянувшегося спада численности населения региона даже самые незначительные позитивные изменения (наметившийся перевес показателей рождаемости над смертностью) записываются в актив проводимой демографической политики. Сокращение разрыва между миграционным оттоком населения и его притоком трактуется как повышение привлекательности региона, хотя не меньше оснований предполагать, что «просто уезжать уже некому» [13]. Попытки анализировать демографические процессы и делать выводы на основании двух-трехлетних изменений, выдает чисто бухгалтерский подход к оценке ситуации, и даже официальные прогнозы Росстата не становятся убедительным аргументом для тех, кто пытается управлять этими процессами. — Все это свидетельствует, с одной стороны, о том, что практические работники на уровне субъектов федерации (не говоря уже о муниципальном уровне) имеют очень приблизительное представление о закономерностях демографического развития, и нуждаются в существенном пополнении багажа демографических знаний, а с другой — о глубоком противоречии между теорией и практикой. И это еще одно обстоятельство, которое вносит свои коррективы в те процессы, которые происходят на территории, их оценку, и принимаемые решения. Но, пожа-

луй, более глубокой причиной, не позволяющей рассчитывать на позитивный результат в демографической динамике, является отсутствие системного видения и понимания проблемы: каждое отдельное решение вроде бы наполнено здравым смыслом, и даже подкрепляется немалыми финансовыми ресурсами, но вне системы и без точного целеполагания, эффективность.

В Дальневосточном федеральном округе сложились условия для формирования по меньшей мере трех типов демографического поведения: для южной зоны Дальнего Востока, для севера, и особо выделяется Республика Саха (Якутия). Демографические проблемы этих территорий проявляются по-разному, поэтому решения, набор инструментов, институты будут отличаться.

Механизм федеральных законов «О территориях опережающего социально-экономического развития», «О свободном порте Владивосток», «О дальневосточном гектаре» похож на федеральный закон 2005 г. «Об особых экономических зонах», который во многом схож с китайскими экономическими зонами. Но то, что работает эффективно там, здесь не получится в силу принципиально иных условий. Китайские зоны имеют строго очерченные территориальные границы, и они оправданы, потому что там сверхвысокая плотность населения, избыточное предложение рабочей силы, высокий уровень безработицы. Здесь же (при самой высокой плотности населения в 12 человек на кв. км в Приморье) на каждого безработного приходится как минимум две, а то и больше вакансии. В условиях Дальнего Востока границы территорий опережающего развития могут сыграть отрицательную роль, выталкивая тех, кто оказался за ними. Одной из действенных мер де-

мографической политики для Дальнего Востока могут стать преференции, распространяемые на всех коренных жителей (любого, кто прожил здесь не менее пяти лет!), участвующих в создании регионального продукта, а территорией опережающего развития является любое место, где осуществляется предпринимательская деятельность.

Цель и приоритеты демографической политики

Но важно при этом определить цели демографической политики для Дальнего Востока. Одно дело, когда даже с учетом большой численности и сверхвысокой плотности населения ближайших соседей (стран Северо-Восточной Азии), в качестве цели рассматривается вроде бы амбициозный результат — роста население Дальнего Востока до 8 млн. чел. (и даже до 10,75 млн. [14]), что принципиально демографическое положение в макрорегионе не меняет. И другое дело, если же целью становится опережающий прирост населения по отношению к притоку инвестиций и создаваемым местам приложения труда за счет положительной динамики демографических показателей и миграционного сальдо. То есть, речь идет не только и не столько о количественных показателях (численности населения), сколько главным образом — о наращивании качественных показателей человеческого капитала. Это важно в первую очередь с точки зрения деятельности созданного МинВостоком Агентства по развитию человеческого капитала, но которое реально выполняет функцию кадрового агентства, обеспечивающего рабочими кадрами резидентов ТОРов и Свободного порта.

Точная формулировка цели не является академической прихотью, потому что от этого

зависит выбор и расстановка приоритетов, определение порядка и направлений финансирования мероприятий в рамках региональной демографической политики, что является делом уже сугубо практическим. Что для конкретного региона и на данном этапе важнее, вложить деньги в строительство нового детского сада и заморозить вскорости стройку в связи с отсутствием рабочей силы, либо же построить общежитие для мигрантов, которые приедут сюда строить потом этот детский сад. Альтернативы возникают на каждом шагу, и без точно выстроенных приоритетов, без понимания последовательности действий в этом году, через три или пять лет, риски чрезмерно возрастают.

Допустим, за ближайшие пять лет удалось значительно повысить рождаемость, снизить смертность, добиться роста продолжительности жизни. На решение этих задач должны быть брошены все финансовые ресурсы, но прирост дополнительных рабочих рук окажется существенно меньше, чем того требовала экономика, — рабочие места уже созданы, а рабочие руки появятся только за горизонтом 2030 года. Можно ли рассчитывать на улучшение качества жизни живущего здесь населения, сколько-нибудь существенный прирост социально-инфраструктурного потенциала, создание конкурентных преимуществ для потенциальных мигрантов, не говоря уже о реализации инвестиционных намерений? Но помимо прочего под угрозой окажется выполнение главной задачи — естественного прироста населения, потому что расчет строился на возрастающем разрыве между показателями рождаемости и смертности, а в фертильный возраст вступило малочисленное поколение 90-х годов, зато возросла доля лиц старших возрастов. Таким образом, неправиль-

но расставленные приоритеты могут оказать существенное воздействие на конечный результат, а вместо ожидаемого роста населения, его дальнейшую убыль.

Миграция — упущенный приоритет

Демографическая политика предыдущего периода (на уровне подсознания) строилась на том, что дешевая рабочая сила из Китая, или республик Средней Азии будет неиссякаемым источником на много лет вперед. Но в силу внешних обстоятельств, которые находятся за пределами собственных управленческих решений, миграционная ситуация на Дальнем Востоке за последнее десятилетие стала меняться, и потоки, которые еще недавно приходилось сдерживать, сегодня заметно сократились. Для китайских рабочих, занятых в строительной отрасли, дальневосточный рынок труда потерял свою привлекательность из-за низкого уровня оплаты здесь, и существенного роста заработной платы на родине. Остающиеся здесь китайские мигранты заняты преимущественно в торговле (продвижение товаров, произведенных в Китае), в сельском хозяйстве и общественном питании. Сокращение количества трудовых мигрантов из республик Средней Азии объясняется, главным образом, изменениями курса рубля по отношению к доллару, ростом доли расходов на проживание, и сократившимися возможностями отправлять на родину части заработка. То, что еще недавно являлось действенным рычагом управления потоками иностранной рабочей силы (квоты, патенты и пр.), сегодня теряет свое значение, и пора думать о стимулирующих воздействиях на их активизацию.

Освобождение от ограничений по приему трудовых миг-

рантов для Дальнего Востока прописано в законах о ТОРах, Свободном порте Владивосток. О результатах пока говорить рано, но и ожидать массового притока мигрантов (несмотря на ожидаемый прирост новых рабочих мест, исчисляемый десятками тысяч) не стоит. Вновь приехавшие ориентированы на участие в конкретных бизнес-проектах, которые за редким исключением направлены на наращивание социально-инфраструктурного потенциала территории. Конкурентоспособность той или иной территории обусловлена не в последнюю очередь от степени ее обустройства для создания нормальных жизненных условий. Человек, выбирая для себя «где лучше», оценивает не только преимущества будущего места приложения труда, которое обеспечит его семье достойный уровень материального благополучия, но и возможности решения жилищных проблем, удовлетворения бытовых нужд, культурного досуга, получения медицинских услуг, образования для детей, экологическое состояние и многое другое. С этих позиций, ясно, что инфраструктурный потенциал Дальнего Востока заведомо уступает многим другим регионам страны, а повысить его привлекательность можно только путем активного наращивания. Недостаточно декларировать, что региону нужны квалифицированные кадры, необходима программа ускоренного (опережающего) строительства жилья, дорог, детских садов и т.д. Таким образом, для повышения конкурентоспособности региона необходимо развитие социально-инфраструктурного комплекса, для чего нужны дополнительные рабочие руки, которых нет, потому что слабо развита инфраструктура. Противоречивость ситуации снимается при условии, что привлекаемая рабочая сила ориентирована на временное

пребывание, не требовательная к текущим бытовым условиям, и намерена, выполнив определенный объем работ, покинуть эту территорию. Таким условиям отвечала и часть китайского потока, и пришедший ему на смену среднеазиатский поток. Не хватало только целеполагания и твердой воли тех, кто отвечал за благополучие данной территории. Прошедшие 15 лет оказались временем упущенных возможностей значительного повышения конкурентоспособности восточных территорий страны. Подготовка к саммиту АТЭС во Владивостоке в 2008–2012 гг. является убедительным доказательством того, что за короткий промежуток времени с привлечением (порой экзотической) рабочей силы, выходя за пределы миграционного законодательства, была обеспечена реализация множества инфраструктурных проектов, которые повысили привлекательность города в несколько раз. Но воля и деньги закончились, а вялотекущий процесс поддержания привлекательности территории, отягощенный обязательствами по обслуживанию вновь созданных инфраструктурных объектов,

практически погасил мощный толчок развития. Беспрецедентный объем государственных и частных финансовых вливаний должен был привести к миграционному буму, но этого не произошло, население Приморского края и после 2012 года продолжает сокращаться, а люди уезжать (табл. 2).

Население может «удержать» только быстрое наращивание социально-инфраструктурного потенциала, что станет привлекательным также для жителей других регионов. Увеличение объемов строительства жилья потребует свободных рабочих рук, тогда как региональные службы занятости говорят о превышении вакансий над числом незанятых, по меньшей мере в два раза. Значит организация целевого миграционного потока наряду с привлечением инвестиций должно стать приоритетом социально-экономического развития региона на определенный срок и под конкретную задачу — обеспечить опережающее наращивание социально-инфраструктурного комплекса. Не менее важно, что такой «миграционный десант» может повлиять на демографическую структуру населения региона.

Таблица 2

**Компоненты роста (+), убыли (–) населения субъектов федерации
Дальнего Востока за 2011–2016 гг. (тыс. человек) [15]**

Годы	Изменение численности населения	Естественный прирост (убыль)	Миграционный прирост (отток)
Дальний Восток	–102,2	34,7	–136,9
север	–23,2	50,6	–73,8
Республика Саха (Якутия)			
Камчатский край	4,6	48,1	–43,5
Магаданская область	–6,9	2,5	–9,4
Сахалинская область	–11,0	–0,1	–10,9
Чукотский автономный округ	–9,4	–0,8	–8,6
	–0,5	0,9	–1,4
юг	–79,0	–15,9	–63,1
Приморский край	–30,4	–13,3	–17,1
Хабаровский край	–9,6	1,1	–10,7
Амурская область	–26,9	–2,4	–24,5
Еврейская автономная область	–12,1	–1,3	–10,8

Закон о ТОСЭР, в котором социальный аспект казался доминантой (чем он, по идее, должен был отличаться от особых экономических зон), и мог бы положить начало повышению привлекательности территории, на практике все больше работает как бизнес-проект, в котором решению социальных задач отводится второстепенная роль.

Совершенно очевидно, что в условиях существующих ограничений, реализовать эту задачу на всей территории Дальнего Востока, и даже, например, в ее южной части, крайне непросто. Тем более, что внедрение новых механизмов потребует тщательного согласования со сложившимся законодательством, построения новых организационных и управленческих структур, преодоления кадрового дефицита специалистов. Поэтому логика диктует расстановку приоритетов и последовательности действий. Для начала на локальной территории, например, в границах Владивостокской агломерации или южного Приморья, вводится особый миграционный режим, обеспечивающий интенсивный миграционный прирост с целью ускоренного наращивания социально-инфраструктурного потенциала, а также совершенствования миграционного законодательства, поиска эффективных управленческих решений и новых организационных структур. Такой режим имеет ограниченные временные рамки, и направлен на достижение качественно нового уровня жизни населения территории, когда главным критерием становится активный прирост населения.

Принципиально важной и теоретической и практической задачей является, с одной стороны, оценка уровня качества жизни, выбор критериев и набора показателей, а с другой, — можно ли выразить некоторым интегральным показателем

объективную динамику происходящих изменений. Когда сегодня уровень жизни населения оценивается по десятку и более параметров, и они оказываются несводимыми и несопоставимыми, то порой невозможно объяснить причину исхода населения с одних территорий, и их концентрации на других. На уровне гипотезы можно предположить, что таким интегральным показателем является соотношение между стоимостью совокупного человеческого капитала конкретной территории и стоимостью социально-инфраструктурного комплекса, который обеспечивает все разнообразие условий жизни населения, и является привлекательным для населения других территорий, стремящихся сюда. Стоимость человеческого капитала оценивается как произведение численности населения на среднюю продолжительность жизни и совокупный доход населения, а инфраструктурный комплекс имеет определенные стоимостные оценки. Так для города Владивостока [16] стоимость имущественных активов города до возведения объектов к саммиту АТЭС составляло порядка 2,4% от стоимости человеческого капитала, а в 2015 году консолидированный баланс человеческого капитала города возрос почти вдвое, но и вложения в инфраструктурный комплекс оказались беспрецедентными, что позволило его удельный вес увеличить почти в три раза, а в планах довести его до уровня 8,5 % (примерно таким является соотношение для Москвы). Но данная идея требует более глубокой проработки и является предметом будущих исследований.

Ориентир на соотечественников

Открывающиеся возможности хозяйственного освоения пока малодоступных территорий Дальнего Востока

требуют планомерного наращивания здесь демографического потенциала. Речь идет о том, что в долгосрочной перспективе для региона необходим абсолютный рост населения, в котором миграция играет роль стартового механизма [17]. Выше рассматривались цель и потребность решения проблем, связанных с наращиванием конкурентных преимуществ территории для привлечения сюда населения. Но в миграционной политике региона основная роль отводится русскоязычному населению, соотечественникам, проживающим за рубежом. С этих позиций задача создания привлекательных условий для мигрантов многократно усложняется, и потребует принципиального пересмотра отношения к оценкам уровня и качества жизни населения. Завершается второй пятилетний срок действия Госпрограммы содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. То, что ее результаты малоудовлетворительны, не секрет, но потребуются глубокий и честный анализ того, почему не удалось достичь желаемого, и что необходимо сделать, чтобы ситуацию коренным образом изменить. Это необходимо сделать еще и потому, что для российского Дальнего Востока это является наиболее важным ресурсом, правильно распорядившись которым Россия только и сможет осуществлять эффективную восточную политику [18,19,20].

Рассматривая возможности роста численности населения в ближайшие годы, источников не так уж и много: за счет межрегионального перераспределения внутри страны; за счет привлечения соотечественников, проживающих за рубежом; за счет более широкого привлечения иностранных граждан, которые хотели бы жить и работать на

российском Дальнем Востоке. Рассчитывать на существенное перераспределение населения внутри страны в пользу восточных регионов вряд ли можно, — демографическая ситуация по многим территориям не менее сложная. Два других источника требуют действительно нестандартных подходов и решений, но они более реальны. Одной из задач могла бы стать оценка возможностей формирования единого рынка труда стран Северо-Восточной Азии и Российского Дальнего Востока. Уже принятые законы, активизирующие инвестиционную деятельность, нуждаются в дополнении законом об активизации миграционных потоков на эти территории, например, об особом миграционном режиме, о двойном гражданстве для переселенцев на Дальний Восток и др.

Основным принципом региональной демографической политики является «единство демографической политики на федеральном, региональном и местном уровне», понимая под этим объединение и согласованность действий по вертикали для решения стоящих перед регионом задач. Но пока преобладает очевидная рассогласованность действий: президент говорит о Дальнем Востоке как приоритете на весь XXI век, в принятых за последнее время законах преференции ограничены сроком в 70 лет. Людям предлагают бесплатный гектар земли, а транспортные тарифы фактически отрезают регион от центральных районов страны. Более того, перспектива «рассеивания» владельцев гектаров на бесконечных просторах региона противоречит усиливающейся тенденции концентрации человеческой деятельности для достижения эффективности, порождает проблемы, связанные с обеспечением населению цивилизованных условий жизни, затрудняет возможности полу-

чения медицинского обслуживания, образования, культурного досуга.

Кадры решают, но не все

Как бы ни была хорошо продумана концепция демографической политики, какие бы в ней не предусматривались нестандартные решения, если ее реализацией будут заниматься неподготовленные люди, если здесь не будет обеспечен высокий уровень специалистов в области демографических и миграционных проблем, вряд ли она будет реализована. Высокий уровень профессионализма может быть обеспечен только путем подготовки кадров и переобучения тех, кто сегодня занимается этими проблемами. Потребность в этом есть на всех уровнях — муниципальном, субъектов Федерации. Нужна специализация, скажем, в Дальневосточном федеральном университете для подготовки молодых специалистов, а также переподготовка кадров в Приморском филиале Академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте Российской Федерации.

Кстати, о роли первого федерального университета на Дальнем Востоке. Уже в самом названии есть нечто из прошлого. Для кого университет Дальневосточный? В нем могли бы обучаться молодые люди из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, и не 2–3 тыс. чел., как сейчас, а 50–60 тыс., часть выпускников могла бы и работать у нас, а те, кто вернется на родину, могли бы стать нашими потенциальными партнерами. И что, для них наш университет — дальний? Нет, это Русский Азиатско-Тихоокеанский университет, в котором базовым языком общения и преподавания является русский язык. И английский, и китайский, и японский, и корейские языки в университете должны быть, и они есть, но если значительная часть пред-

метов дается на английском языке, куда пойдет работать такой выпускник, для кого здесь готовят кадры? Это тоже элемент демографической политики.

В основных направлениях демографической политики, если исходить из понимания необходимости обеспечения устойчивого абсолютного роста человеческого капитала региона на длительную перспективу, следовало бы акцентировать внимание на привлечении сюда новых жителей, тех, кто захочет здесь прежде всего жить, а значит, и работать. Потому что если речь идет о трудовых мигрантах, то это далеко не всегда совпадает с задачей роста численности населения. Острота миграционного оттока населения из региона обусловлена еще и тем, что если раньше преимущественно ехали молодые люди, семьи с малолетними детьми, то теперь поехали и пенсионеры, вот вам и замедление темпов миграционного оттока!

Чтобы территория стала привлекательной, здесь должно быть что-то такое, чего больше нет нигде. Что может быть привлекательным для соотечественника, для иностранного специалиста или для молодежи России? Ну конечно же не гектар дальневосточной земли, или не всем ясные условия территорий опережающего развития. А вот строящийся космодром «Восточный», и туда уже поехали специалисты, судостроительный завод «Звезда», вот такой поток необходимо формировать и стимулировать. Ключом к решению этих задач является точное определение мотиваций, что будет привлекательным для мигрантов, что активизирует приток населения [21]. За ростом численности можно ожидать всплеск рождаемости, а материальное стимулирование и инфраструктурная поддержка позволят изменить устойчивые тренды убыли населения.

Заключение

Демографическая политика в не меньшей степени искусство возможного, нежели любая другая политика, и при всей важности решения множества задач, потребуется определиться с последовательностью действий, которые приведут к искомому результату. Финансовых ресурсов никогда не хватает на все, а потому выбор приоритетов и концентрация на ключевых участках и будет главным содержанием демографической политики. Несомненно, проблемы коренных малочисленных народов заслуживают того, чтобы они нашли отражение в Концепции, но демографические показатели этой группы населения могут служить ориентиром для всего населения Дальнего Востока. А вот молодое поколение региона заслуживает более пристального внимания. Вузы Дальнего Вос-

тока могут стать привлекательными для приема абитуриентов из других регионов страны, а также из-за рубежа, если здесь образование станет бесплатным. Прием десятков тысяч студентов из стран Северо-Восточной Азии (в том числе и детей соотечественников, проживающих за рубежом) следовало бы рассматривать в качестве государственной программы. Важным разделом в ней могло бы стать стимулирование выпускников вузов центральной России для работы на востоке страны, как в Дальневосточном отделении Российской академии наук, так и в государственных корпорациях. Десятки тысяч дальневосточников, родившихся в 1980–90-е гг., обучались за рубежом, получили богатый опыт работы, и немало тех, кто хотел бы вернуться домой, но на их пути есть не только сложности с трудоустройством, но проблемы фор-

мального характера (паспорт, военкомат и др.). Это еще один из источников, который заслуживает рассмотрения.

Позиции и мнения регионального научного сообщества необходимо доносить до лиц, принимающих решения. Речь не о местечковых амбициях, или противостоянии периферии центру. Живущим на этой территории и ощущающим на себе решения, которые идут сверху, иногда позитивные, а иногда и не очень, абсолютно безразлично, какой будет эта территория через десятки лет, потому что на ней будут жить их потомки. Или не будут, потому что очередная Концепция демографической политики останется красивой на бумаге, но так и не сможет повлиять на сложившиеся демографические тенденции. И тогда вопрос о будущем Дальнего Востока останется открытым.

Литература

1. Рыбаковский Л.Л. Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет. М.: Наука, 1969. 180 с.
2. Рыбаковский Л.Л. 20 лет депопуляции в России. М.: Экон-информ, 2014. 228 с.
3. Рыбаковский Л.Л. Весь юг Дальнего Востока следует сделать общей территорией ускоренного развития. URL: https://www.eastrussia.ru/material/rybakovskiy_ves_yug_dalnego_vostoka_sleduet_sdelat_obshchey_territoriye_uskorenno-go_razvitiya/
4. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России / отв. ред. П.А. Минакир. Рос. акад. наук. Дальневосточное отд-ние. Ин-т экон. исследований. Владивосток-Хабаровск: ДВО РАН. 2006. 224 с.
5. Мотрич Е.Л. Уровень жизни населения и потенциал социальной сферы в регионах Дальнего Востока России // Уровень жизни населения в регионах. 2013. №1. С. 18–25.
6. Мотрич Е.Л. Формирование постоянного населения в опорных городах Приморского края и южной зоны Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2014. №4. С. 8–16.
7. Зайончковская Ж.А. Иммиграция: альтернативы нет. Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В. И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия». 2006. С. 7–30

References

1. Rybakovskiy L.L. Narodonaselenie Dal'nego Vostoka za 100 let. Moscow: Nauka, 1969. 180 p. (In Russ.)
2. Rybakovskiy L.L. 20 let depopulyatsii v Rossii. Moscow: Ekon-inform, 2014. 228 p. (In Russ.)
3. Rybakovskiy L.L. Ves' yug Dal'nego Vostoka sleduet sdelat' obshchey territoriiye uskorenno-go razvitiya. URL: https://www.eastrussia.ru/material/rybakovskiy_ves_yug_dalnego_vostoka_sleduet_sdelat_obshchey_territoriye_uskorenno-go_razvitiya/ (In Russ.)
4. Motrich E.L. Naselenie Dal'nego Vostoka Rossii. Ed. P.A. Minakir. Ros. akad. nauk. Dal'nevostochnoe otd-nie. In-t ekon. issledovaniy. Vladivostok-Khabarovsk: DVO RAN. 2006. 224 p. (In Russ.)
5. Motrich E.L. Uroven' zhizni naseleniya i potentsial sotsial'noy sfery v regionakh Dal'nego Vostoka Rossii. Uroven' zhizni naseleniya v regionakh. 2013. No.1. P. 18–25. (In Russ.)
6. Motrich E.L. Formirovanie postoyannogo naseleniya v opornykh gorodakh Primorskogo kraia i yuzhnoy zony Dal'nego Vostoka. Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii. 2014. No.4. P. 8–16. (In Russ.)
7. Zayonchkovskaya Zh.A. Immigratsiya: al'ternativy net. Nuzhny li immigranty rossiyskomu obshchestvu? Ed. V. I. Mukomelya i E. A. Paina. Moscow: Fond «Liberal'naya missiya». 2006. P. 7–30. (In Russ.)

8. Зайончковская Ж. А., Н. Н. Ноздрина. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. М.: МАИК «Наука/Интерпериодика» 2008. N 4. С. 98–111.
9. «Реакция на гектар и не только. Сергей Рыбальченко: меры по развитию Дальнего Востока начинают влиять на демографические процессы в регионе» URL: <https://www.eastrussia.ru/material/reaktsiya-na-gektar-i-ne-tolko/>
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2015 года № 1713-р «Об учреждении автономной некоммерческой организации «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке».
11. Федеральный закон от 1 мая 2016 года № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков»
12. Федеральный закон от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»
13. Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток»
14. Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-р, Москва
15. Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М.: Госкомстат России. 1994. 149 с.
16. Численность населения по муниципальным образованиям на 1 января 2017 г. URL: www.gks.ru.
17. Дмитрий Медведев разработал три сценария развития Дальнего Востока. URL: http://www.rigma.info/news/politika/dmitriy_medvedev_razrabotal_tri_stsenariy_razvitiya_dalnego_vostoka/
18. Миграция XXI век. Независимый информационно-аналитический журнал. январь-апрель 2015 г. № 1–2 (28–29). С. 13–16
19. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»
20. Численность и миграция населения Российской Федерации. (2011–2016 гг.) URL: www.gks.ru
21. Стратегия и стратегический план развития Владивостока до 2020 года. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/222/16039.php>
22. Авдеев Ю.А. Дальний Восток – быть или не быть? // Материалы XIV Совещания географов Сибири и Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 6–8.
23. Проблемы населения Дальнего Востока. Владивосток: Даль-наука, 2004. 212 с.
8. Zayonchkovskaya Zh. A., N. N. Nozdrina. Migratsionnyy opyt naseleniya regional'nykh tsentrov Rossii (na primere sotsiologicheskogo oprosa v 10 gorodakh) Problemy prognozirovaniya. Moscow: MAIK «Nauka/Interperiodika» 2008. No. 4. P. 98–111. (In Russ.)
9. «Reaktsiya na gektar i ne tol'ko. Sergey Rybal'chenko: mery po razvitiyu Dal'nego Vostoka nachinayut vliyat' na demograficheskie protsessy v regione» URL: <https://www.eastrussia.ru/material/reaktsiya-na-gektar-i-ne-tolko/> (In Russ.)
10. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 2 sentyabrya 2015 goda No.1713-r «Ob uchrezhdenii avtonomnoy nekommercheskoy organizatsii «Agentstvo po razvitiyu chelovecheskogo kapitala na Dal'nem Vostoke» (In Russ.)
11. Federal'nyy zakon ot 1 maya 2016 goda No. 119-FZ «Ob osobennostyakh predostavleniya grazhdanam zemel'nykh uchastkov» (In Russ.)
12. Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2014 goda No. 473-FZ «O territoriyakh operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v Rossiyskoy Federatsii» (In Russ.)
13. Federal'nyy zakon ot 13 iyulya 2015 goda No. 212-FZ «O svobodnom porte Vladivostok» (In Russ.)
14. Kontseptsiya demograficheskoy politiki Dal'nego Vostoka na period do 2025 goda. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 20 iyunya 2017 g. No.1298-r, Moskva (In Russ.)
15. Demograficheskiy ezhegodnik Rossiyskoy Federatsii. 1993. Moscow: Goskomstat Rossii. 1994. 149 p. (In Russ.)
16. Chislennost' naseleniya po munitsipal'nym obrazovaniyam na 1 yanvarya 2017 g. URL: www.gks.ru. (In Russ.)
17. Dmitriy Medvedev razrabotal tri stsenariya razvitiya Dal'nego Vostoka. URL: http://www.rigma.info/news/politika/dmitriy_medvedev_razrabotal_tri_stsenariy_razvitiya_dalnego_vostoka/ (In Russ.)
18. Migratsiya KhKhI vek. Nezavisimyy informatsionno-analiticheskiy zhurnal. yanvar'-aprel' 2015 g. No. 1–2 (28–29). P. 13–16 (In Russ.)
19. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 15 aprelya 2014 g.No.308 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii «Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka i Baykal'skogo regiona» (In Russ.)
20. Chislennost' i migratsiya naseleniya Rossiyskoy Federatsii. (2011–2016) URL: www.gks.ru (In Russ.)
21. Strategiya i strategicheskiy plan razvitiya Vladivostoka do 2020 goda. URL: <http://www.pandia.ru/text/77/222/16039.php> (In Russ.)
22. Avdeev Yu.A. Dal'niy Vostok – byt' ili ne byt'? Materialy XIV Soveshchaniya geografov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. P. 6–8. (In Russ.)
23. Problemy naseleniya Dal'nego Vostoka. Vladivostok: Dal'-nauka, 2004. 212 p. (In Russ.)

24. Авдеев Ю.А., Ушакова В.Л. Демографическая структура населения Приморского края и её влияние на показатели уровня жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1 (179). С. 41–46.

25. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылёва. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2015. 260 с.

26. Заусаев В.К., Кручак Н.А. Территории опережающего развития и демографические процессы // АТР: экономика, политика, право. 2015. № 1. С. 23–32.

24. Avdeev Yu.A., Ushakova V.L. Demograficheskaya struktura naseleniya Primorskogo kraia i ee vliyanie na pokazateli urovnya zhizni. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2013. No.1 (179). P. 41–46. (In Russ.)

25. Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossiyskoy Federatsii za 2015 god. Ed. L.M. Grigor'eva i S.N. Bobyleva. Moscow: Analiticheskiy tsentr pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii. 2015. 260 p. (In Russ.)

26. Zausaev V.K., Kruchak N.A. Territorii operezhayushchego razvitiya i demograficheskie protsessy. ATR: ekonomika, politika, pravo. 2015. No.1. P. 23–32. (In Russ.)

Сведения об авторе

Юрий Алексеевич Авдеев

К.э.н., ведущий научный сотрудник
Тихоокеанский институт географии
Дальневосточного отделения Российской
Академии Наук, Владивосток, Россия
Эл. почта: avdyural@mail.ru
Тел.: (902) 524 56 38

Information about the author

Yuriy A. Avdeev

Cand. Sci. (Economics), leading researcher
Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch,
Russian Academy of Science, Vladivostok, Russia
E-mail: avdyural@mail.ru
Tel.: (902) 524 56 38

Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда

Цель исследования — анализ масштабов присутствия мигрантов и их поведения на российском рынке труда на основе масштабных социологических опросов мигрантов, что особенно важно в условиях отсутствия достоверной статистики о мигрантах на рынке труда. Основное внимание уделяется профилям занятости представителей различных социально-демографических и этнических групп, незаконной и неформальной занятости, интенсивности и оплате труда мигрантов из стран с безвизовым режимом с Россией. Ключевое внимание уделено трудовой мобильности мигрантов.

Основной эмпирической базой для анализа являлись результаты социологических опросов Центра этнополитических и региональных исследований для НИУ-ВШЭ в 2011 г. (8,5 тысяч респондентов) и в 2017 г. (8,6 тысяч мигрантов в 19 регионах России).

Исследование показало, что образование, квалификация, профессиональные знания мигрантов не востребованы на российском рынке, типичной траекторией мигрантов на рынке труда является нисходящая трудовая мобильность — занятие вакансии, худшей по сравнению с занимаемой ранее на Родине. В то же время мигранты адаптированы к изменениям на рынке труда, чему в немалой степени способствуют дифференциация занятости мигрантов и вертикальная мобильность части из

них. Новации в российском законодательстве, вступившие в силу с 2015 года, а также процесс интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), существенно облегчивший доступ к рабочим местам в России гражданам стран ЕАЭС, позитивно сказались на российском рынке труда. Доля нелегально работающих мигрантов существенно снизилась по сравнению с предшествующими годами. В то же время сохраняется проблема неформальной занятости иностранных граждан, чрезмерной эксплуатации труда мигрантов. На первый план выходят проблемы борьбы с принудительным трудом мигрантов и обеспечения их достойного труда. Должны быть созданы цивилизованные условия для легализации трудовой деятельности мигрантов, стимулирования их переориентации на интеграцию в российское общество. Самое серьезное внимание должно быть уделено предотвращению социальной исключенности приезжающих на заработки в Россию, созданию действенных инструментов их вторичной социализации и адаптации к российским реалиям.

Ключевые слова: мигранты, трудовые мигранты, рынок труда, занятия, мобильность, интенсивность труда, оплата труда, незаконная занятость, неформальная занятость, принудительный труд.

Vladimir I. Mukomel

The Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Migrants at the Russian labor market: occupations, mobility, intensity of labor and wages

The aim of the study is to analyze the extent of the presence of migrants and their behavior in the Russian labor market on the basis of large-scale sociological surveys of migrants. This is especially important in the absence of reliable statistics on migrants in the labor market. The main attention is paid to the employment profiles of representatives of various socio-demographic and ethnic groups, illegal and informal employment, the intensity and wages of migrants from countries with a visa-free regime with Russia. Particular attention is paid to labor mobility of migrants.

The main empirical basis for analysis was the results of sociological polls conducted by the Center for Ethnopolitical and Regional Studies for the Higher School of Economics in 2011. (8,5 thousand respondents) and in 2017 (8,6 thousand migrants in 19 regions of Russia). The study showed that education, qualifications, professional knowledge of migrants are not in demand on the Russian market, the typical path of migrants in the labor market is downward labor mobility — occupying a job that is worse than previously occupied in the homeland. At the same time, migrants are adapted to changes in the labor market, which is largely facilitated by the differentiation of migrant employment and the vertical mobility of some of them.

Innovations in Russian legislation which came into force in 2015, as well as the integration process within the framework of the Eurasian Economic Union (EEA), which greatly facilitated access to jobs in Russia for citizens of the countries of the EEA, had a positive impact on the Russian labor market. The share of illegally employed migrants has significantly decreased in comparison with previous years. At the same time, the problem of informal employment of foreign citizens, excessive exploitation of migrant labor remains. The problems of combating forced labor of migrants and ensuring their decent labor come to the fore. Civilized conditions should be created for the legalization of labor activity of migrants, stimulating their reorientation to integrate into Russian society. The most serious attention should be paid to preventing the social exclusion of migrants to work in Russia, creating effective tools for their secondary socialization and adaptation to Russian realities.

Keywords: migrants, migrant workers, labor market, occupations, mobility, intensity of labor, wages, illegal employment, informal employment, forced labor.

Введение

На территории России постоянно находятся в последние годы от 9,2 до 11,8 млн. иностранных граждан и лиц без гражданства (на 1 марта 2017 г. — 9,3 млн. человек). По меньшей мере 4 млн. человек пребывают в стране с целью «работать по найму», указываемой при пересечении границы в миграционной карте [1, с. 19]. Подавляющее большинство мигрантов — из стран Средней Азии, с иными традициями и нормами поведения, зачастую отличающимися от принятых в местных сообществах. Конъюнктурное снижение численности мигрантов в России в последние годы преходяще и не снимает ни проблем их адаптации к рынку труда, ни проблем реакции принимающего населения на присутствие трудовых мигрантов на локальных рынках труда, ни вопросов к эффективности использования иностранной рабочей силы.

Сегодня крайне мало известно о трудовых мигрантах; информационный вакуум способствует формированию стереотипов и мифологических представлений о трудовых мигрантах, а так как миграционная тематика в российском дискурсе крайне политизирована, это способствует росту социальной напряженности. В российском дискурсе особую важность приобретают вызовы, сопряженные с социальной исключенностью мигрантов, угрожающие социальной стабильности и которые невозможно купировать вне рамок политики интеграции мигрантов. Альтернативы адаптации тех из них, кто ориентирован на временное пребывание в стране и интеграции намеренных связать свое будущее с Россией не существует.

Одной из наиболее сложных сфер политики интеграции является адаптация и интеграция мигрантов на рынке труда.

В настоящей статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются иностранные граждане на российском рынке труда. Основное внимание уделяется не столько правовым и финансовым аспектам доступа мигрантов на рынок труда, заслуживающим особого внимания, сколько анализу их функционирования на этом рынке — без такого анализа крайне затруднена разработка действенных инструментов политики интеграции.

Всплеск трудовой миграции в первой декаде 2000-х, когда численность трудовых мигрантов возросла на порядок [2, с. 142] в известной мере был неожиданным для исследователей, которым, однако, стало ясно, что трудовая миграция — всерьез и надолго. На это указывали прогнозы экономического и, особенно, демографического развития России — по всем прогнозам, Россия должна была испытывать дефицит трудовых ресурсов: даже по высокому варианту прогноза Росстата от 2008 г. численность населения в трудоспособном возрасте неуклонно снижалась [3, с. 96–98]. (Этот тренд прослеживается и в последнем прогнозе Росстата от 2017 года [4]). Понимание того, что дефицит трудовых ресурсов можно восполнить только за счет привлечения иностранной рабочей силы стимулировал научные исследования, появлялись серьезные работы, обозначившие направления исследований на последующие годы [5; 6; 7; 8; 9].

Тогда и обозначились четыре проблемы, до сих пор затрудняющие изучение процессов трудовой миграции в России. Во-первых, серьезное отставание теоретического осмысления феномена трудовой миграции и прикладных исследований по сравнению с западными исследованиями, где работы, ставшие классическими, были опубликованы десятилетиями раньше [10; 11;

12; 13; 14; 15]. Во-вторых, неудовлетворительное состояние статистики, существенно ограничивающей возможности анализа. Реорганизация ФМС России и передача ее функций в МВД России (2015) ограничила возможности доступа исследователей и к той скудной информации, которая была ранее доступна. Проблемы со статистикой, наряду с пониманием, что статистика имеет свои ограничения, подталкивала аналитиков к ориентации на социологические исследования, преимущественно количественные, ставшие основой подавляющего большинства вышеперечисленных российских научных публикаций. И здесь обозначилась третья проблема — отсутствие базовой информации о процессах миграции не позволяет судить о репрезентативности социологических опросов. И, наконец, в-четвертых, ограниченность финансовых ресурсов вела к локализации исследований и/или относительно небольшим выборкам, не позволяющим делать сколько-нибудь достоверные выводы в силу малочисленности групп при попытках дезагрегации выборки.

Настоящее исследование базируется на исследованиях, методология которых ориентирована на частичное решение двух последних проблем за счет масштабных опросов, охватывающих основные регионы концентрации трудовых мигрантов по данным миграционной службы. Исследования, проведенные под руководством автора, включали: опросы Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) трудовых мигрантов для НИУ-ВШЭ в 2011 г. (8499 респондентов) и 2017 г. (8577 респондентов), а также внешних, внутренних мигрантов и российских работников для Центра социально-трудовых прав (ЦСТП) в 2013 г. — 1500 респондентов [16].

Таблица

Основные социально-демографические характеристики мигрантов (в %)

Параметры		Мужчины	Женщины	Всего
Возраст, лет	До 20	3,2	2,6	3,0
	20–29	42,0	26,1	36,9
	30–39	28,8	29,3	28,9
	40–49	16,9	26,3	19,9
	50–59	8,4	12,8	9,8
	60 и старше	0,9	3,0	1,6
Семейное положение	Никогда не состоявшие в браке	32,8	18,1	28,1
	Состоящие в браке (вкл. гражданский и религиозный)	63,1	60,8	62,4
	Вдовы, разведенные	3,8	20,6	9,2
Наивысшее законченное образование	Начальное и незаконченное среднее	3,5	3,0	3,3
	Среднее общее	52,3	36,5	47,2
	Начальное профессиональное	6,5	6,4	6,5
	Среднее специальное	22,3	27,4	23,9
	Высшее, неполное высшее	15,4	26,5	19,0

Обследование 2017 г. проведено в 19 субъектах Федерации: Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Ленинградской области, Волгоградской области, Воронежской области, Калининградской области, Калужской области, Краснодарском крае, Красноярском крае, Нижегородской области, Новосибирской области, Ростовской области, Самарской области, Свердловской области, Тверской области, Тюменской области, Пермском крае, Челябинской области. На регионы опроса приходится 2/3 легально находящихся на территории субъектов Федерации и стоящих на миграционном учете и 4/5 имеющих патенты.

Опрашивались иностранные граждане из стран СНГ и Грузии независимо от их правового статуса, этнической принадлежности. На уровне субъектов контролировалась численность мигрантов по нескольким наиболее значимым для данного региона государствам гражданства мигрантов. В выбранных субъектах находится, по данным Центрального банка учета иностранных граждан и лиц без гражданства (ЦБДУИГ), от 43 % (Казахстан) до 80% (Таджикистан, Киргизия) выходцев из основных посылающих государств (Ниже, если не оговорено иное, приводятся данные настоящего исследования).

Ключевые вопросы, на которые будет сделана попытка найти ответы в настоящей статье, следующие: кто такие трудовые мигранты, каков их социально-демографический состав? Каковы профили занятости трудовых мигрантов в разрезе различных социально-демографических групп и стран выхода? Насколько распространены незаконная и неформальная занятость? Какова интенсивность и оплата труда мигрантов? Какова их трудовая мобильность?

Социально-демографические профили

Типичный мигрант — молодой мужчина со средним образованием, состоящий в браке — Таблица.

Соотношение мужчин и женщин различается в миграционных потоках из разных стран. Доля мужчин наиболее высока среди мигрантов, прибывающих из Азербайджана, Таджикистана и Узбекистана. В отличие от потоков из других стран постсоветского пространства, украинская и молдавская миграция, имеют ярко выраженное женское лицо: половина мигрантов из Молдовы — женщины (49,9%), а среди мигрантов из Украины женщины составляют большинство — 54,6%.

Отметим разительные отличия в семейном положении женщин и мужчин: среди женщин каждая пятая — вдовья или разведена, в том числе каждая седьмая (14,4%) — разведена. Женщины не только старше и существенно образованнее мужчин, они чаще мужчин приезжают из столиц и больших городов страны

происхождения. (Несмотря на распространенный стереотип о том, что в Россию на заработки едут в основном сельские жители, в действительности среди мигрантов больше приезжих из столиц и крупных городов. Доля жителей сел и кишлаков в выборочной совокупности составляет всего 10%. Наиболее высока доля сельского населения в миграционных потоках из Азербайджана, Киргизии и Молдовы. Жители столиц и крупных городов чаще всего встречаются среди приезжих из Казахстана, Белоруссии и Украины).

Женщины стали особенно интенсивно приезжать в последние годы: если среди мужчин 32,1% приехали после 2013 года, то среди женщин — 40,6%.

Этническая принадлежность мигрантов в подавляющем большинстве случаев соответствует титульной национальности страны исхода. Вместе с тем, следует отметить, что довольно существенная доля опрошенных (11,5%) отнесла себя к русским. Большинство из них прибыло из Украины, Казахстана и Бело-

руссии. (Причем среди мигрантов из Украины русские составляют большинство — 56,3%).

Уровень образования мигрантов в целом не очень высок: почти половина всех мигрантов — это люди с общим средним образованием.

Женщины образованнее мужчин: они чаще имеют среднее профессиональное и высшее образование (27,4% против 22,3% и 23,6% против 13,1% соответственно). Тогда как более половины мужчин обладает лишь общим средним образованием.

Приезжие из столиц и крупных городов ожидаемо образованнее приезжих из сельской местности: высшее и неоконченное высшее образование имеют 27,9% мигрантов из столиц, 19,8% мигрантов из крупных городов и лишь 10,5% мигрантов из сел и кишлаков. Самый низкий уровень образования у мигрантов из Таджикистана и Узбекистана, наиболее образованы выходцы из Украины, Казахстана и Грузии.

Подавляющее большинство опрошенных респондентов работают (84,3%). Еще 9,4% — временно не работают, но ищут работу, тогда как временно не работающие, но не ищущие работу, составляют 1,3%. Остальные — учащиеся (2,3%), домохозяйки (1,5%) и не работающие пенсионеры (0,6%).

Профили занятости

Основными видами занятости мигрантов являются: оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспорта и бытовых изделий — 33,6% работающих, строительство — 16,3%, коммунальные, социальные и персональные услуги — 13,9%, домашние хозяйства — 8,0% гостиницы и общественное питание — 7,2%, транспорт и связь — 7,0% работающих. На иные виды экономической деятельности приходится менее 15% работающих.

Сферы занятости мигрантов диверсифицируются и все больше мигрантов занимают рабочие места, на которых работодатель предъявляет повышенные требования к работнику: прогнозируемость ежедневного выхода на работу, знание языка, умение работы в коллективе. По сравнению с обследованием 2011 года снизилась занятость мигрантов в торговле, где тогда работали 33,6% опрошенных, особенно существенно снижение занятых в строительстве, где работали 23,1%, в транспорте и связи (8,4%). Напротив, резко возросла доля занятых в домашних хозяйствах, где в 2011 г. доля занятых была почти вдвое меньше (4,4%), работающих в гостиничном и ресторанном бизнесе (6,2%), на обрабатывающих производствах и иных видах экономической деятельности.

Большинство на рынке труда — мужчины, их доля составляет, соответственно, 69,4% среди работающих и 72,8% среди ищущих работу. Наряду с основными сферами занятости, которыми у мужчин являются торговля (27,0%) и строительство (22,4% работающих), мужчины широко представлены также в коммунальном хозяйстве (14,0%), на транспорте и связи (9,1%). По сравнению с 2011 г. в выборке 2017 г. резко сократилась доля мужчин, занятых в строительстве (30,9% в 2011 г.) и торговле (28,9% в 2011 г.).

Основная часть женщин занята в торговле (48,9%), в коммунальных и социальных услугах (13,9%), гостиничном бизнесе и общественном питании (11,2%), деятельности домашних хозяйств (5,8%). По сравнению с 2011 г. сократилась доля женщин, занятых в торговле (в 2011 г. — 52,8%), гостиничном и ресторанном бизнесе (12,6% в 2011 г.), тогда как возросла занятость в прочих коммунальных, социальных и персональных услугах,

деятельности домашних хозяйств.

Сферы возможного трудоустройства для женщин (уборка, обслуживание) предоставляют очень небольшое пространство для возможного профессионального роста и женщины, как правило, менее притязательны при выборе места работы. Особенно сложно найти работу женщинам после 35 лет: в возрастной группе 40–44 года, например, ищут работу 14,6% женщин против 8,9% среди мужчин этого же возраста. Возможностей устроиться у молодых незамужних девушек больше, чем у замужних женщин: во-первых, таковы требования работодателей в сфере обслуживания: хорошее знание русского языка, возраст до 30 лет, «приятная внешность»; во-вторых, молодая, часто незамужняя девушка, может соглашаться на неудобный скользящий график. Женщины же более старшего возраста часто теряют возможность устроиться легально и могут надеяться лишь на неофициальные подработки.

Имеются определенные различия в видах экономической деятельности долгосрочных (находящихся на территории России более года), краткосрочных / циркулярных мигрантов, а также только впервые прибывших и начавших трудовую деятельность в России. Если долгосрочные мигранты однозначно концентрируются в торговле, для циркулярных мигрантов привлекательны также строительство и транспорт, — виды деятельности, позволяющие им регулярно совершать поездки на Родину, к семье. В строительстве, например, более половины работающих — циркулярные, кратковременные мигранты.

Впервые прибывшие на российский рынок труда — многие из них являются выпускниками образовательных учреждений — занимают «плохие» рабочие места, не предъявля-

ющие серьезных требований к квалификации и образованию работников: больше половины из них, работают неквалифицированными рабочими. Им сложно устроиться на рабочие места, требующие прогнозируемого для работодателя появления работника на рабочем месте в течение протяженного периода времени. Это транспорт и связь, здравоохранение, образование, деятельность домашних хозяйств (за исключением строительных и ремонтных работ), отчасти торговля. Впервые прибывших чаще можно встретить на рабочих местах, не предъявляющих таких требований к работнику: коммунальное хозяйство, сельское хозяйство.

Среди иностранных работников имеются и квалифицированные, и высококвалифицированные специалисты, однако их удельный вес невелик: руководителями (группа 1 по ОКЗ [17]) работают лишь 2,0% мигрантов, специалистами высшей и средней квалификации (группы 2 и 3 по ОКЗ) — 2,3% и 3,0%, соответственно. Служащие, занятые подготовкой документации, учетом и обслуживанием — еще 2,3% мигрантов. Наиболее массово представлены на российском рынке труда работники сферы обслуживания и торговли — 29,2% работающих мигрантов.

Основная часть работников (61,2%) заняты физическим трудом, причем неквалифицированные работники составляют почти треть (32,2%) работающих мигрантов. Как правило, это рядовые исполнители, не имеющие в подчинении других работников (88,9% мигрантов).

Наиболее распространена занятость в небольших предприятиях и организациях: на предприятиях с численностью до 10 человек работают 40,3% мигрантов, с численностью занятых 10–49 человек — 35,7% мигрантов. (Градации, соответственно, микро- и малых предприятий в странах ОЭСР.

По российскому законодательству, к микропредприятиям относятся с численностью занятых до 15 человек, малым — до 100 человек).

Незаконная и неформальная занятость

Значительная часть работающих мигрантов не имеет законных оснований для занятия трудовой деятельностью. Очень высока доля работающих без законных на то оснований в домашних хозяйствах — 49,2%, сельском хозяйстве — 39,2%, мало — в системе образования, где особенно жесткий контроль не только со стороны компетентных органов, но и со стороны общественности (11,7%). Несмотря на относительно небольшую долю не имеющих разрешительных документов в торговле (28,1%), почти каждый третий мигрант с неурегулированным правовым статусом на рынке труда работает в этой сфере (32,9%), среди других видов экономической деятельности, в которых концентрируются незаконные мигранты — строительство (15,6% незаконных трудовых мигрантов), коммунальные услуги (12,2%) и деятельность домашних хозяйств (12,0%).

Наиболее распространена нелегальная занятость на микро- и малых предприятиях. На микропредприятиях с численностью занятых до 15 человек треть (33,2%) работают без законных на то оснований (в т.ч. на предприятиях с численностью до 10 человек — 34,1%), на малых предприятиях до 100 человек — 24,3% (что ниже, чем на средних предприятиях, где нелегально работают 28,4% респондентов). На крупных предприятиях, где строже относятся к проблеме и которые строже контролируются, доля нелегально работающих минимальна — 18,4%. Но, учитывая, что большинство иностранных работников сконцентрировано в малом бизнесе, здесь концен-

трируется и нелегальная занятость: на микропредприятиях работает 57,2% опрошенных работников с неурегулированным правовым статусом, на малых — 22,2%.

Чаще всего работают незаконно выходцы из Грузии, Молдовы, Азербайджана, Узбекистана. Лишь в исключительных случаях работают незаконно приезжие из Белоруссии, не столь часто — мигранты из стран ЕАЭС, пользующиеся преференциями на российском рынке труда в рамках соглашений стран-членов ЕАЭС.

Наряду с незаконной занятостью, широко распространена неформальная занятость, когда отношения с работодателем не оформляются документально. (Неформальная занятость не является явлением, затрагивающим исключительно иностранцев; неформальная занятость широко распространена и среди российских работников [18; 19]). 2/5 работающих по найму мигрантов работают на основе устных договоренностей с работодателем; даже среди легально занятых таковых 37,5%. В наиболее распространенных видах деятельности чаще встречается практика найма на основе устного соглашения (в строительстве на таких соглашениях работают 44,6% мигрантов, среди работающих в торговле — 49,5%, оказывающих услуги по ведению домашнего хозяйства — 68%). В то же время неформальная занятость практически исключена в сфере образования и здравоохранения, где 9/10 иностранцев работают на основе договоров. Относительно низки характеристики неформальной занятости в коммунальных и социальных услугах, хотя многие письменные договоры трудовых мигрантов с работодателями ничтожны.

Зона неформальной занятости — малый бизнес. На микропредприятиях до 15 человек занято 64,1% работающих на

основе устных соглашений, на малых предприятиях до 100 человек — еще 18,5%. Среди занятых на микропредприятиях половина мигрантов работают на основе устных соглашений с работодателем, в т.ч. с численностью занятых до 10 человек — 54,9%.

Использование социальных сетей из-за доверия им характерно как для мигрантов при поиске работы, так и для отношений трудящегося-мигранта и работодателя. Привычная схема поведения с опорой на социальные связи, а не на формальные основания взаимодействия, характерна для постсоветского пространства, что создает некую «общность» приезжающих и «местных» и наряду с языком служит фактором привлекательности России для мигрантов из стран СНГ.

Неформальная занятость наиболее распространена среди работников из Молдовы, Азербайджана — рис. 1.

Чаще всего свои отношения с работодателем оформляют выходцы из Казахстана и Киргизии, пользующиеся определенными преференциями на российском рынке труда.

Официальное оформление трудовых отношений часто не ставится условием даже высококвалифицированными

мигрантами, полагающими, что доверие и личные связи являются лучшими гарантиями получения более высокого заработка при неформальной занятости. (Неофициальная занятость имеет и свои преимущества — более высокую оплату труда и больше возможностей для трудоустройства).

Неформальная занятость и занятость иностранцев без законных на то оснований, следствие не столько их «выгодности» для работодателя и работника, сколько несовершенства законодательства и, особенно, его правоприменения. Работнику часто невыгодно легализоваться ввиду дилеммы: либо идти на значительные траты денежных средств и времени, покупая патент и сопутствующие необходимые документы, либо экономить и деньги, и время, работая нелегально.

Отсутствие законных оснований для работы, вкупе с неформальной занятостью, способствуют чрезмерной эксплуатации труда мигрантов.

Интенсивность и оплата труда

Мигранты ориентируются на заработок независимо от графика работы и условий

труда, работают интенсивно, с ненормированным графиком. Средняя продолжительность рабочей недели работающих мигрантов составляет 59 часов, причем легальные работники работают даже больше.

Наименьшая продолжительность рабочей недели — у долгосрочных мигрантов (58 часов), несколько больше работают впервые прибывшие в Россию мигранты, а также краткосрочные и циркулярные мигранты (60 часов в неделю). При этом продолжительность рабочей недели обратно пропорциональна величине предприятия и максимальна на предприятиях с численностью занятых до 10 человек — 61 час. (Обследование мигрантов и российских работников, занятых на тех же рабочих местах показало, что режим и продолжительность труда мигрантов могут существенно отличаться от соответствующих характеристик российских работников как вследствие дискриминации первых, так и из-за различных приоритетов этих двух групп работников: для мигрантов более важен заработок, в угоду которому они могут жертвовать и условиями, и характером, и продолжительностью труда [16]).

Имеет место и принудительный труд. Причем основная часть мигрантов сознательно идет на то, чтобы много работать ради заработка. Положение многих мигрантов, в частности циркулярных, которые приезжают в Россию после перерыва и заново ищут место работы, характеризуется неопределенностью и правовой незащищенностью. Еще в более сложном положении находятся только появившиеся на российском рынке труда.

С «мягкими» формами принудительного труда мигранты сталкиваются чаще чем россияне: с обманом об условиях труда сталкивались 21,1% мигрантов и 15,0% россиян, с тем, что заставляли работать

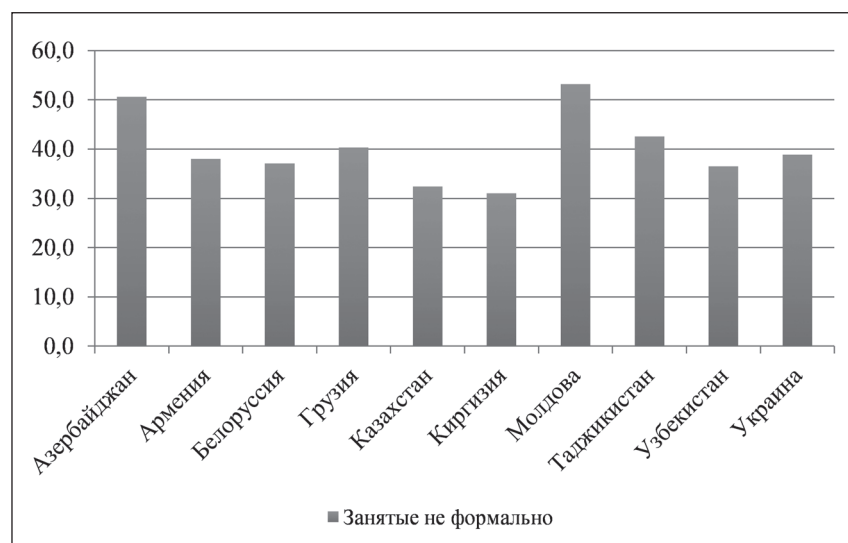

Рис. 1. Доля работников, не формально занятых в российской экономике, по странам выхода, %

дополнительно под угрозой увольнения – 21,1% мигрантов и 13,1% россиян, под угрозой невыплаты или неполной выплаты зарплаты – 20,5% иностранцев и 13,1% российских работников, с принуждением отрабатывать долги, проезд и т.д. – 9,3% мигрантов и 4,6% россиян. При этом внутренние мигранты столь же часто сталкиваются с этими видами принудительного труда, как и иностранцы: с обманом об условиях труда знакомы 25,0% «регионалов» и 14,5% маятниковых мигрантов, с дополнительной работой под угрозой увольнения – 17,3% «регионалов» и 12,2% маятниковых мигрантов, невыплаты или неполной выплаты зарплаты – 17,9% «регионалов» и 24,4% маятниковых мигрантов, с принуждением к отработке долгов – 6,1% регионалов и 9,8% маятниковых мигрантов. С такими формами принудительного труда, как обман относительно условий труда и рабочими обязанностями при приглашении на работу, приезжие россияне сталкиваются чаще, чем даже нелегальные мигранты [16; 20].

При этом интенсивность труда оплачивается: при среднемесячной зарплате трудовых мигрантов в 30,1 тысячи рублей, работники, занятые в образовании, получают 23,5 тысяч рублей, в здравоохранении – 27,6 тыс. рублей (соответственно, на 22% и 8% ниже среднего заработка).

Низкие заработки характерны также для работников коммунальных, социальных и персональных услуг – 26,0%. Относительно хорошо оплачивается труд строителей (34,6 тыс. рублей) и занятых в домашних хозяйствах (31,9 тыс. рублей), для которых характерны не комфортные условия труда и/или неудобный график работ. А больше всего зарабатывают немногочисленные группы занятых финансовой деятельностью, добычей полезных ископаемых, производством и рас-

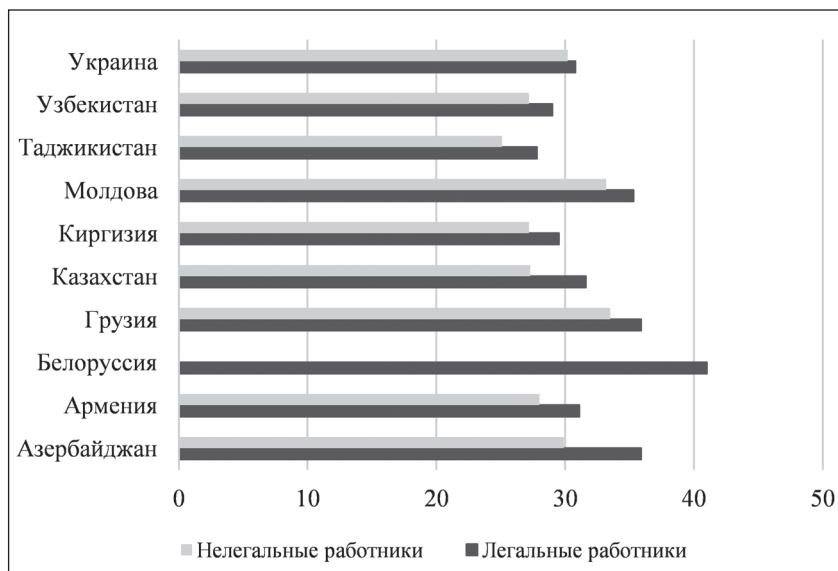

Рис. 2. Среднемесячная заработная плата легальных и нелегальных работников по странам выхода, тыс. рублей

пределением электроэнергии, газа и воды, государственным управлением и обязательным соцобеспечением.

Оплата труда напрямую коррелирует с величиной предприятия: если на микропредприятиях до 10 занятых она составляет 29,3 тыс. рублей, то на крупных предприятиях – 32,8 тыс. рублей.

Причем законно работающие мигранты получают больше не имеющих разрешительных документов в среднем на 10% – рис. 2.

При этом наблюдается прямая связь между оплатой труда законно работающих и нелегально занятых среди работников из всех стран. (За исключением граждан Белоруссии, имеющих те же права на рынке труда, что и российские граждане; доля работающих без законных на то оснований среди белорусских мигрантов мизерна – как правило, это не оформившие регистрацию по месту пребывания/жительства).

После последних новаций в миграционном законодательстве, вступивших в силу с 2015 г. и его правоприменении, законный характер труда стал явно и достаточно существенно оплачиваться, в отличие от предшествующего периода.

Как работодатели, так и респонденты отмечали, что оплата труда россиян и иностранцев одинакова (так ответили 48,6% россиян и 45,7% мигрантов), однако значительная часть респондентов ответили, что у россиян зарплата выше (соответственно, 34,7% российских работников и 37,2% иностранцев), только 3,6% россиян и 3,2% мигрантов считали, что у иностранцев зарплата выше. (Затруднились с ответом 13,1% россиян и 13,9% мигрантов).

На то имеются объективные обстоятельства: существенно меньший опыт работы на конкретном предприятии у мигрантов, чем у россиян, более низкая маржа на приращение образования, а также более низкий уровень образования среди мигрантов играют важную роль в том, что уровень оплаты их труда ниже, чем у местных работников. Однако и почасовые ставки работников, занятых на аналогичных рабочих местах, различаются не в пользу мигрантов [16; 20].

Трудовая мобильность

Основная часть мигрантов, имеющих опыт работы на Родине, приезжая в Россию вынуждены менять вид экономи-

ческой деятельности: только треть из них (33,4%) занимаются тем же видом деятельности, что и на Родине.

Редко продолжают трудиться ранее занятые в сельском хозяйстве, сложно найти рабочие места работавшим в государственном управлении, обеспечении военной безопасности и обязательном соцобеспечении, не востребованным на российском рынке труда и доступ которых к аналогичным рабочим местам ограничен — только 1,2% из них удалось продолжить работать в этой сфере.

Наименее склонны менять вид деятельности, работавшие до приезда в Россию в привлекательных для мигрантов и конкурентоспособных сферах занятости: в торговле, строительстве, гостиничном и ресторанном бизнесе, домашних хозяйствах. Относительно редко меняют сферу занятости и те не квалифицированные работники, которые на Родине работали в коммунальном обслуживании и продолжают трудиться на этом поприще в России — 42,4%.

Не востребованными на российском рынке труда оказались достаточно заметные контингенты, ранее занятых в сфере здравоохранения, в образовании — соответственно, только 22,1% и 8,5% из них продолжают работать в этих сферах.

В массовом порядке мигранты, имевшие опыт работы на Родине, уходят в торговлю, строительство, коммунальные и социальные услуги, домашние хозяйства, в т.ч. квалифицированные работники с опытом работы в здравоохранении и образовании. Подавляющая часть этих работников ныне заняты в торговле (34,8% работавших в здравоохранении, 39,2% — работавших в системе образования), коммунальном и социальном обслуживании (11,8% бывших работников здравоохранения и 42,4% — образования).

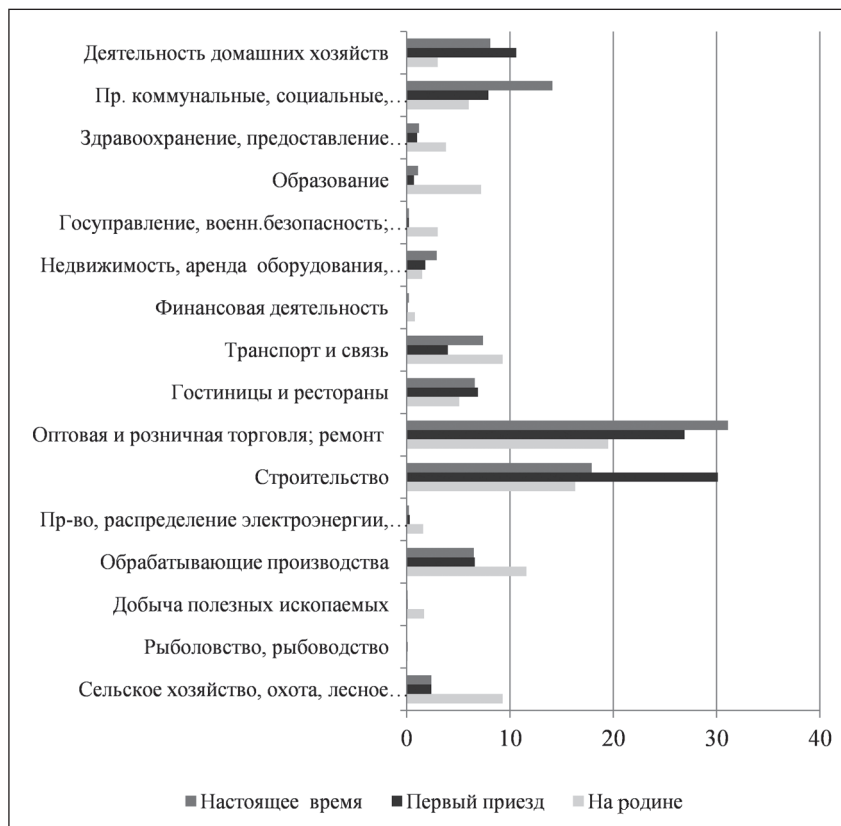

Рис. 3. Виды экономической деятельности респондентов на Родине, в первый приезд в Россию и в настоящее время (N = 5427), в %

Проще всего тем, кто до приезда в Россию были заняты в строительстве, оптовой и розничной торговле, гостиничном бизнесе и общепите, оказывали услуги по ведению домашнего хозяйства — многие из них, впервые приехав в Россию, занимались теми же видами деятельности. (61,1% строителей, 46,6% — работавших в торговле, 38,0% работавших в гостиницах и общественном питании, 33,7% — оказывавших услуги по ведению домашнего хозяйства).

Если выделить группу мигрантов, имевших опыт работы на Родине и продолжающих работать в России, то увидим, что, впервые попадая на российский рынок труда большинство уходят в строительство (мужчины) или торговлю, коммунальные и социальные услуги (чаще женщины) — рис. 3.

Судя по последующим projections, строительство не пользуется спросом тех мигрантов, которые могут выбирать мес-

то приложения труда: почти половина нашедших работу в строительстве по приезде в Россию меняет вид экономической деятельности. Напротив, торговля, предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг пользуются спросом — рис. 3.

На российском рынке труда не востребованы не только специфические знания и навыки, которыми мигранты обладали в конкретном виде деятельности до приезда в Россию. В первую очередь, не востребованы образование и квалификация работника — рис. 4.

Первая работа в России — чаще всего, не соответствует уровню профессиональной подготовки мигранта, вынужденного соглашаться на любую работу. Более 40% мигрантов, начиная свою трудовую деятельность в России, работали неквалифицированными рабочими.

Типичной траекторией мигрантов, только прибывших в

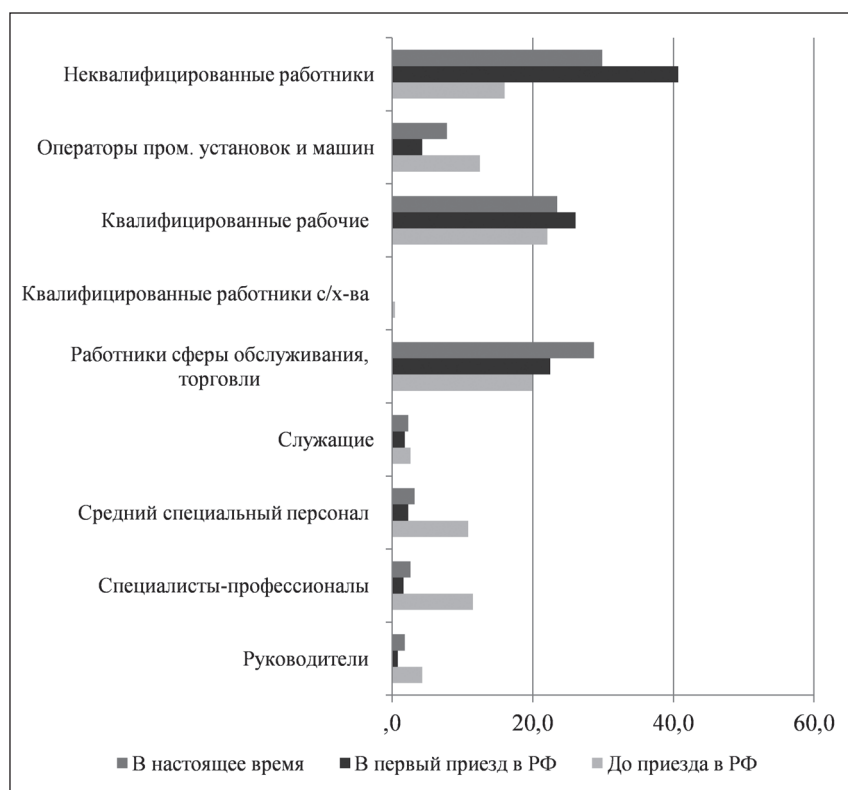

Рис. 4. Занятия респондентов на Родине, в первый приезд в Россию и в настоящее время (N = 5427), в %

Россию, является трудоустройством на менее престижное рабочее место, по сравнению с тем, которое они занимали на Родине. Однако, по мере адаптации, части мигрантов удается вернуться на рабочие места, соответствующие их уровню квалификации и профессиональной подготовки за счет того, что они покидают рабочие места, не предъявляющие никаких требований к их квалификации.

С наибольшими сложностями сталкиваются квалифицированные кадры: среди работавших на Родине руководителей и специалистов-профессионалов (группы 1 и 2 по ISCO-08, лишь 13,6% руководителей и 18,2% специалистов работают на соответствующих рабочих местах в России.

Более детальный анализ, базирующийся на классификации занятий EPG, учитывающей характер труда (умственный, физический, сельскохозяйственный), необходимый уровень образования, количество работников в подчинении

и самозанятость / наемный труд [21], продемонстрировал на данных массового опроса 2011 г., что трудовая мобильность мигрантов имеет, преимущественно нисходящий характер. Более трети топ-менеджеров и управленцев, представителей наиболее статусных групп, занимают самые низкие позиции неквалифицированных рабочих. Только 7,2% менеджерам высшего и среднего звена удается сохранить позиции, занимаемые на родине, для 92,8% из них характерна нисходящая трудовая мобильность. Аналогичная ситуация с работниками, занимавшимися на родине нефизическим рутинным трудом и в массовом порядке (более 90%) пополняющими в России ряды неквалифицированных рабочих [22, с. 16]. При этом более трети работников с неполным высшим и высшим образованием (34,1%) работали полу- и неквалифицированными рабочими.

Основная часть мигрантов не может сменить «плохие» ра-

бочие места. И это обусловлено, среди прочих факторов, и несовершенством институциональной среды: наряду с ограничениями доступа иностранцев к государственной и муниципальной службе, российское гражданство во многих случаях требуется и для работы в бюджетной сфере. В ряде случаев ограничения стимулируют поиск обходных путей, включая получение дополнительного образования, ранее не планировавшегося.

Заключение

Мигранты — один из наиболее мобильных контингентов трудовых ресурсов, чутко реагирующих на изменения на рынке труда и адаптированные к таким изменениям. Более других контингентов мигранты мотивированы к труду: не имея равных условий с россиянами при вхождении в рынок труда и являясь первыми претендентами на вытеснение с рынка труда, они, в условиях изменения конъюнктуры и сокращения вакансий, готовы идти на снижение оплаты, ухудшение условий и характера труда, смену рабочего места.

Дифференциация занятости мигрантов, вертикальная мобильность части из них свидетельствуют, что процесс их адаптации на рынке труда идет небезуспешно. Однако адаптация мигрантов затруднена вследствие существующих правовых и неправовых ограничений, дискриминационных практик. Мигрантофобии, характерные для принимающего населения и часто преломляющиеся в непродуманные действия властей, негативно влияют на ситуацию на рынке труда. Мигранты не только сталкиваются с процедурными и финансовыми проблемами легализации занятости, проблемой становится искусственное ограничение их территориальной мобильности, связанное со сложностями пе-

реезда в другие местности, т.к. большинство мигрантов легализуются посредством покупки патентов, которые не позволяют им работать за пределами региона выдачи.

Новации в российском законодательстве, вступившие в силу с 2015 года, а также процесс интеграции в рамках ЕАЭС, позитивно сказались

на характере занятости: судя по всему, доля работающих без законных на то оснований, существенно снизилась по сравнению с предшествующими годами; в то же время почти треть мигрантов по-прежнему работают в России нелегально.

Нельзя считать нормальной ситуацию, когда значительная часть иностранных работни-

ков работают на неформальных основаниях, что не только способствует чрезмерной интенсивности их труда, но и препятствует социальной адаптации и интеграции мигрантов. На первый план выходят проблемы сужения зоны принудительного труда и расширения доступа мигрантов к достойному труду.

Литература

1. Ю. Флоринская, Н.Мкртчян. Миграция в России: старые тренды, новые проблемы // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. № 19 (37) Декабрь 2016. URL: <http://iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2016-37-786.pdf>.
2. Миграция населения: теория и политика: Учебное пособие / под ред. О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина. М.: Экономическое образование, 2012.
3. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2025 года. Статистический бюллетень. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2008.
4. Демографический прогноз до 2035 года Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (Дата обращения: 27.06.2017).
5. Миграция и демографический кризис в России / Под ред. Ж.А. Зайончковской и Е.В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2010.
6. Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция: как двигаться дальше. Миграционный барометр в Российской Федерации. Серия специальных докладов. М.: Фонд «Новая Евразия», 2011.
7. Воробьева О.Д. Рынок труда и миграция. Миграционный барометр в Российской Федерации. Серия специальных докладов. М.: Фонд «Новая Евразия», 2011.
8. Тюрюканова Е.В. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / под ред. Тюрюкановой Е.В. М.: МАКС Пресс, 2011.
9. Тюрюканова Е.В. Трудовые мигранты из стран СНГ в России: трудовая эксплуатация и принудительный труд // Принудительный труд в современной России: нерегулируемая миграция и торговля людьми. Женева: Международное бюро труда, 2006.
10. Sassen, Saskia. The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow. Cambridge University Press. 1990.
11. Stalker Peter. Workers without frontiers: the impact of globalization on international migration. Lynne Rienner Publishers. Colorado. 2000.
12. Borjas, George J. The New Economics of Immigration: Affluent Americans Gain, Poor

References

1. Yu. Florinskaya, N.Mkrtchyan. Migratsiya v Rossii: starye trendy, novye problemy. Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii. Tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. No. 19 (37) December 2016. URL: <http://iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2016-37-786.pdf>. (In Russ.)
2. Migratsiya naseleniya: teoriya i politika: Uchebnoe posobie. Ed. O.D. Vorob'evoy, A.V. Topilina. Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie, 2012. (In Russ.)
3. Predpolozhitel'naya chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii do 2025 goda. Statisticheskiy byulleten'. Moscow: Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki, 2008. (In Russ.)
4. Demograficheskiy prognoz do 2035 goda Rosstat. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed: 27.06.2017). (In Russ.)
5. Migratsiya i demograficheskiy krizis v Rossii. Ed. Zh.A. Zayonchkovskoy i E.V. Tyuryukanovoy. Moscow: MAKS Press, 2010. (In Russ.)
6. Zayonchkovskaya Zh.A., Tyuryukanova E.V., Florinskaya Yu.F. Trudovaya migratsiya: kak dvigat'sya dal'she. Migratsionnyy barometr v Rossiyskoy Federatsii. Seriya spetsial'nykh dokladov. Moscow: Fond "Novaya Evraziya", 2011. (In Russ.)
7. Vorob'eva O.D. Rynok truda i migratsiya. Migratsionnyy barometr v Rossiyskoy Federatsii. Seriya spetsial'nykh dokladov. Moscow: Fond "Novaya Evraziya", 2011. (In Russ.)
8. Tyuryukanova E.V. Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii. Ed. Tyuryukanovoy E.V. Moscow: MAKS Press, 2011. (In Russ.)
9. Tyuryukanova E.V. Trudovye migranty iz stran SNG v Rossii: trudovaya ekspluatatsiya i prinuditel'nyy trud. Prinuditel'nyy trud v sovremennoy Rossii: nereguliruemaya migratsiya i trgovlya lyud'mi. Zheneva: Mezhdunarodnoe byuro truda, 2006. (In Russ.)
10. Sassen, Saskia. The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow. Cambridge University Press. 1990.
11. Stalker Peter. Workers without frontiers: the impact of globalization on international migration. Lynne Rienner Publishers. Colorado. 2000.
12. Borjas, George J. The New Economics of Immigration: Affluent Americans Gain, Poor

Americans Lose in Atlantic Monthly. Nov. 1996.

13. Borjas, George J. Heaven's Door: Immigration Policy and the American Economy. Princeton University Press. 1999

14. Teitelbaum, Michael S. Rights Versus Right: Immigration and Refugee Policy in the United States in Foreign Affairs, 1980, Vol. 59. No. 1.

15. Portes A. The informal Economy and Its Paradoxes in The Handbook of Economic Sociology / N.Smelser, R. Swedberg (eds.). Princeton University Press, 1994.

16. Краткий аналитический отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Анализ практик трудовых отношений иностранных граждан (трудовых мигрантов) и их влияния на трансформацию трудовых отношений российских граждан», URL: http://trudprava.ru/images/events/КругСтол%20мигранты%2016.09.2013/Отчет_мигранты-2.pdf.

17. ОКЗ (2014). ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий. (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 # 2020-ст). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177953/

18. Гимпельсон В.Е., Зудина А.А. «Неформалы в российской экономике: сколько их и кто они? Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011. Препринт WP3/2011/06.

19. Радаев Вадим. Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики // Неформальная экономика. Россия и мир. / Под ред. Теодора Шанина. М.: Логос, 1999.

20. Григорьева Ксения, Мукомель Владимир. Мигранты и россияне на рынке труда: условия, режим труда, заработная плата // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В.И. Мукомель М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014.

21. Ganzeboom Harry B.G., Treiman Donald J. Three Internationally Standardised Measures for Comparative Research on Occupational Status // Advances in Cross-National Comparison. A European Working Book for Demographic and Socio Economic Variables. Edited by Jurgen H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and Christof Wolf. Kluwer Academic / Plenum Publishers, N.Y., 2003.

22. Мукомель В.И. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. / гл. ред. И.С. Иванов. Российский совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013.

Americans Lose in Atlantic Monthly. Nov. 1996.

13. Borjas, George J. Heaven's Door: Immigration Policy and the American Economy. Princeton University Press. 1999

14. Teitelbaum, Michael S. Rights Versus Right: Immigration and Refugee Policy in the United States in Foreign Affairs, 1980, Vol. 59. No. 1.

15. Portes A. The informal Economy and Its Paradoxes in The Handbook of Economic Sociology / N.Smelser, R. Swedberg (eds.). Princeton University Press, 1994.

16. Kratkii analiticheskii otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote po teme: «Analiz praktik trudovykh otnoshenii inostrannykh grazhdan (trudovykh migrantov) i ikh vliyaniya na transformatsiyu trudovykh otnoshenii rossiiskikh grazhdan», URL: http://trudprava.ru/images/events/KrugStol%20migranty%2016.09.2013/Otchet_migranty-2.pdf. (In Russ.)

17. OKZ (2014). ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Obshcherossiyskiy klassifikator zanyatiy. (prinyat i vveden v deystvie Prikazom Rosstandarta ot 12.12.2014 No. 2020-st). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177953/ (In Russ.)

18. Gimpel'son V.E., Zudina A.A. «Neformaly v rossiyskoy ekonomike: skol'ko ikh i kto oni? Nats. issled. Un-t "Vysshaya shkola ekonomiki". Moscow: Izd. Dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2011. Preprint WP3/2011/06. (In Russ.)

19. Radaev Vadim. Neformal'naya ekonomika i vnekontraktnye otnosheniya v rossiyskom biznese. Podkhody k issledovaniyu neformal'noy ekonomiki. Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir. Ed. Teodora Shanina. Moscow: Logos, 1999. (In Russ.)

20. Grigor'eva Kseniya, Mukomel' Vladimir. Migranty i rossiyanе na rynke truda: usloviya, rezhim truda, zarabotnaya plata. Migranty, migrantofobii i migratsionnaya politika Ed. V.I. Mukomel' Moscow: Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, "Academia", 2014. (In Russ.)

21. Ganzeboom Harry B.G., Treiman Donald J. Three Internationally Standardised Measures for Comparative Research on Occupational Status. Advances in Cross-National Comparison. A European Working Book for Demographic and Socio Economic Variables. Edited by Jurgen H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and Christof Wolf. Kluwer Academic / Plenum Publishers, N.Y., 2003.

22. Mukomel' V.I. Politika integratsii migrantov v Rossii: vyzovy, potentsial, riski: rabochaya tetr. Ed. I.S. Ivanov. Rossiiskii sovet po mezhdunar. delam (RSMD). Moscow: Spetskniga, 2013. (In Russ.)

Сведения об авторе

Владимир Изявич Мукомель

Д. соц. н., главный научный сотрудник,
руководитель сектора

ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Эл. почта: mukomel@isras.ru

Information about the author

Vladimir I. Mukomel

Dr. Sci. (Sociology), Chief researcher,
head of the sector

FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: mukomel@isras.ru